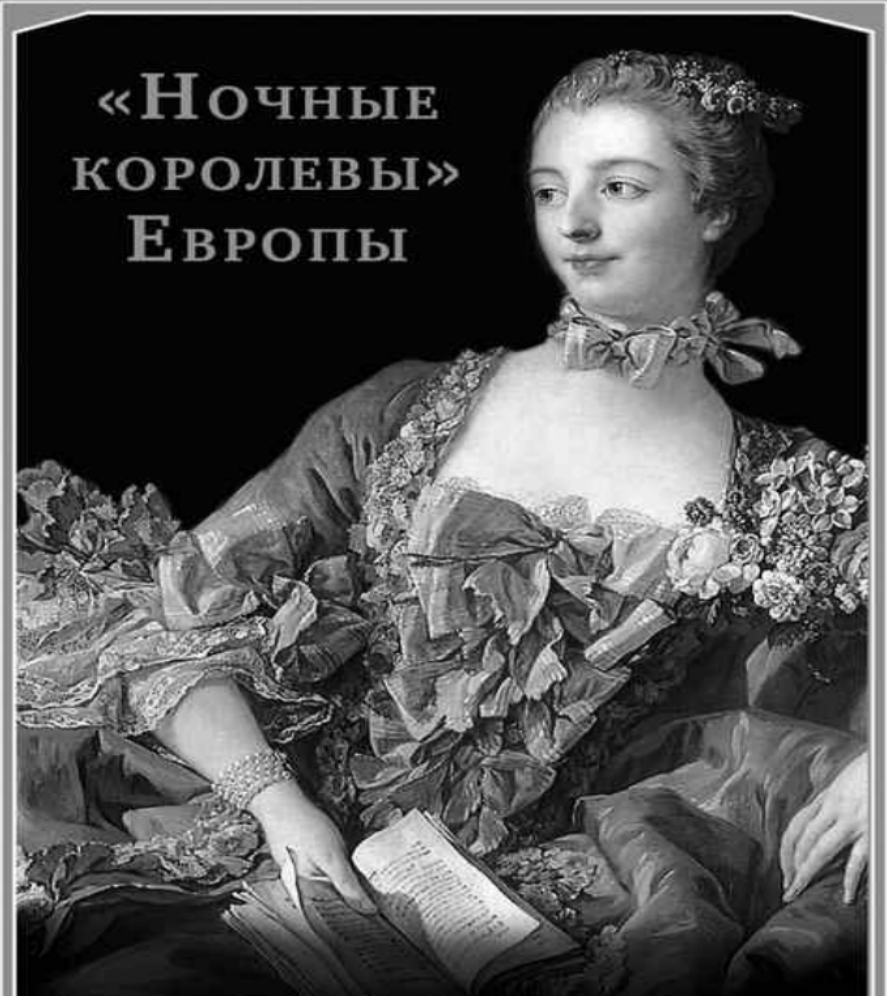
«Ночные королевы» Европы



ЛЕГЕНДАРНЫЕ ФАВОРИТКИ

Сергей Нечаев

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Ничто не в силах противостоять красивой женщине!» — говорят французы. И даже верховная власть склоняется перед женским шармом. Что доказали героини этой книги, ставшие величайшими королевами, пусть и не коронованными официально. Маркиза де Помпадур и Диана де Пуатье, Анна Болейн и маркиза де Монтеспан, Аньес Сорель, мадам дю Барри, Вирджиния ди Кастильоне, Екатерина Долгорукая — эти великие женщины покорили сердца венценосцев, войдя в историю и легенду не просто как фаворитки, а как «ночные королевы» Европы.

Современники поражались богатству их нарядов, драгоценностей и дворцов, завидовали их властному характеру и влиянию на судьбы целых народов, — но, как часто бывает, за красотой, блеском и роскошью скрывались разбитые сердца и сломанные судьбы…

- Сергей Нечаев
  - Глава первая
    -
    - Дочь Жана Сореля и Катрин де Маньеле
    - Протеже Иоланды Арагонской
    - История Карла VII
    - Любовница короля мадам де Жуайёз
    - Новая страсть короля
    - Беременность Аньес Сорель
    - Первая официальная фаворитка короля
    - Дам де Ботэ
    - Недовольство народа
    - Политическая роль Аньес Сорель
    - Смерть Аньес Сорель
    - Козел отпущения Жак Кёр
    - Тайна смерти Аньес Сорель раскрыта
    - Так кто же убийца?
  - Глава вторая
    -
    - Сен-Валлье, Батарне, Пуатье и другие
    - Брак с Луи де Брезе
    - Отец-заговорщик
    - Плененный король и его дети
    - Вдова великого сенешаля Нормандии
    - «Просвещение» юного Генриха

- Генрих становится наследником престола
- Бурное развитие романа
- «Проблема бесплодия» решена
- Благодеяния короля Генриха II
- Ревность Екатерины Медичи
- Тайные увлечения короля
- Жизнь втроем
- Последний поединок короля
- Конец Дианы де Пуатье

○ Глава третья

-
- Девушка из Бликлинг-Холла
- Отъезд в Париж
- Возвращение в Англию
- Король Генрих VIII
- Роман короля с Марией Болейн
- Роман Анны Болейн с лордом Перси
- Король меняет одну сестру на другую
- Из девиц легкого поведения в скромницы
- Король хочет развестись с королевой Екатериной
- Позорный суд над королевой
- Развод короля
- Катастрофа — родилась девочка
- Резкая перемена в Генрихе VIII
- Тяжелые времена
- Как избавиться от неугодной жены?
- Суд над «заговорщиками»
- Казнь Анны Болейн

○ Глава четвертая

-
- Девушка завидного происхождения
- Брак с маркизом де Монтеспаном
- Конкуренция с Луизой де Лавальер
- Супружеские баталии
- Новая куртизанка короля
- Замок де Кланьи
- Семь детей от короля
- Пресыщение Людовика XIV
- Мадемуазель де Фонтанж
- Странная смерть мадемуазель де Фонтанж
- Черные мессы аббата Гибура
- Соломоново решение Людовика XIV
- Постепенное возвышение мадам де Ментенон

- Покаяние в монастыре и смерть
- Глава пятая
  -
  - Дочь Франсуа Пуассона?
  - Пророчество гадалки
  - Брак с Шарлем д’Этиолем
  - Замужество как переходный этап
  - Король Людовик XV
  - Место в сердце Людовика XV вакантно
  - Бал-маскарад в Версале
  - Король влюблен
  - Она затмила всех других женщин двора
  - Переезд в Версальский дворец
  - Маркиза-гризетка
  - Официальная фаворитка короля
  - Версальская Шахерезада
  - Роль королевы Марии Лещинской
  - Провокации недовольных
  - «Олений парк»
  - Герцогиня, продолжающая называться маркизой
  - Смерть дочери
  - Начало политической карьеры
  - Фрейлина королевы
  - Переориентация на союз с Австрией
  - Аббат де Берни и герцог де Шуазель
  - Маркиза правит бал
  - Странная болезнь маркизы де Помпадур
  - Смерть маркизы де Помпадур
- Глава шестая
  -
  - Любовница от графа дю Барри
  - Жанна Бекю, она же Манон Лансон
  - В доме графа дю Барри
  - Организация встречи с королем
  - В постели короля
  - Королевский двор в шоке
  - Графиня дю Барри
  - Презентация при дворе в качестве официальной любовницы
  - Всеобщее возмущение
  - Эй, Франция! Твой кофе убегает!
  - Бесстыдство мадам дю Барри
  - Мастерица любовных утех
  - Власть мадам дю Барри

- Оружие герцога де Шуазеля
- Отставка герцога де Шуазеля
- Победа над Марией-Антуанеттой
- Попытки заменить мадам дю Барри
- По стопам маркизы де Помпадур
- Жизнь после смерти Людовика XV
- Трагический конец мадам дю Барри

○ Глава седьмая

-
- Прекрасная флорентийка
- Замужество и переезд в Турин
- Дневник графини ди Кастильоне
- Предложение графа ди Кавура
- Договор с королем Виктором-Эммануилом
- История Наполеона III
- Император без предрассудков
- Виктор-Эммануил «готовит почву»
- Прощальная милость короля
- Отъезд во Францию
- Неудачное знакомство с Наполеоном III
- Реванш графини
- Объединение Италии в хороших руках
- Парижские нравы
- Рождение наследника престола
- Император свободен!
- Пикник на берегу озера
- «Под колпаком» у министра внутренних дел
- Вторая мадам де Помпадур
- Покушение на императора
- Подозрения падают на графиню
- Разрыв с императором
- Италия все же будет свободна
- Война в Италии
- Новая фаворитка Мария-Анна де Риччи-Валевская
- Печальный конец: двадцать пять лет в одиночестве

○ Глава восьмая

-
- Александр Романов и принцесса Гессен-Дармштадтская
- Конец лучезарного брака
- Донжуанские похождения императора
- Знакомство в Тепловке

        - Смольный институт
        - Случайная встреча в Летнем саду
        - Перелом в отношениях
        - Зарождение сильного чувства
        - Свидания в Зимнем дворце
        - Поездка в Неаполь
        - Встреча в Париже
        - Рождение сына Георгия
        - Рождение дочерей Ольги и Екатерины
        - Переезд в Зимний дворец
        - «Вторая законная жена императора»
        - Никто не поймет лучше тебя
        - Скандал в стеклянном доме
        - Смерть императрицы
        - Морганатический брак
        - Озабоченность законных наследников
        - Убийство Александра II
        - Смерть в Ницце
    - Литература
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23

Сергей Нечаев
Легендарные фаворитки. «Ночные королевы» Европы

Если из истории убрать всю ложь, то это совсем не значит, что останется одна только правда — в результате может вообще ничего не остаться.

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ, польский писатель XX века

Ничто не в силах противостоять красивой женщине.

МАРСЕЛЬ ПРЕВО, французский писатель XIX века

Великие люди кажутся особенно развратными просто потому, что мало кому известны биографии остальных.

ГРИГОРИЙ ЛАНДАУ, философ и публицист XIX — начала XX века

Лучшее оружие против женщины — другая женщина.

СТЕНДАЛЬ, французский писатель XIX века

Глава первая
Аньес Сорель

Аньес дошла до наших дней в ореоле тайн… И самой волнительной тайной являются причины ее смерти!..

ПОЛЬ ЛЕЖЁН, современная французская писательница, историк

Дочь Жана Сореля и Катрин де Маньеле

Где и когда появилась на свет эта, по мнению многих, самая красивая женщина XV века, точно неизвестно, ибо на этот счет среди летописцев имеются большие разногласия. Одни утверждают, что она родилась в городке Фруамантель в Пикардии, на родине отца, другие называют местом ее рождения городок Фроманто в Турени. По одним данным, она родилась в 1409 году, по другим — что более вероятно — в 1422 году. Ее отец Жан Сорель был советником графа де Клермона, и он весьма выгодно женился на Катрин де Маньеле, наследнице поместья де Верней.

После смерти отца Аньес забрала к себе ее тетка, мадам де Маньеле, но ее собственная дочь Антуанетта взревновала и не пожелала делить нежность матери с непрошеной кузиной. В результате в пятнадцатилетнем возрасте Аньес была отправлена в Нанси, где поступила на службу в качестве фрейлины при дворе Изабеллы Лотарингской, королевы Сицилии и жены короля Рене Анжуйского, на сестре которого, Марии Анжуйской, был женат французский король Карл VII.

Протеже Иоланды Арагонской

Когда Рене Анжуйский, сражаясь за обладание Лотарингией, наследницей которой была его жена, был разбит графом де Водемоном и надолго попал в плен, Изабелла устремилась ко двору своего венценосного родственника Карла VII, требуя у него защиты и поддержки. Аньес Сорель ничего не оставалось, как последовать за герцогиней Изабеллой. Однако та вскоре уехала в Италию, оставив Аньес под опекой своей свекрови королевы Иоланды[1], которая одновременно с этим была тещей короля Карла VII. Шел 1443 год…

По одной из версий, королева Иоланда, заметившая цепкий ум и необычную красоту двадцатилетней Аньес, задумала использовать ее в своих целях, в частности для влияния на слабовольного зятя. Эта мудрая женщина просто обожала так использовать своих фрейлин, которых она повсюду расставляла любовницами и шпионками, не гнушаясь при этом и услугами шпионов-мужчин, которыми у нее были монахи-францисканцы. Поэтому весьма вероятно, что именно по протекции королевы Иоланды Аньес была представлена ко двору короля Франции. Но в любом случае это произошло до конца 1443 года, ибо 14 декабря королева Иоланда умерла.

Так началась связь Аньес Сорель с французским королем. В это время Карлу VII было «немного за сорок», Аньес же была почти вдвое младше его.

Для того чтобы понять, что представлял собой Карл VII, прежде всего, необходимо разобраться с вопросом о том, что такое Столетняя война и как она повлияла на политическую ситуацию во Франции.

Начнем с того, что так называемая Столетняя война длилась не сто лет, а сто шестнадцать. Просто «стошестнадцатилетняя» звучит не так красиво.

Считается, что Столетняя война между Англией и Францией длилась с 1337 года по 1453 год. Собственно, это была даже не война, а серия войн, которые то начинались, то утихали, то вновь разгорались с новой силой.

Началась эта война с тривиального династического конфликта: король Англии Эдуард III из рода Плантагенетов, внук по материнской линии короля Франции Филиппа IV Красивого, выдвинул свои права на французский престол, оспаривая законность правления короля Франции Филиппа VI, племянника Филиппа IV Красивого[2] по мужской линии.

По точному определению историка Робера Амблена, Столетняя война — это «самая обыкновенная семейная ссора», и обе стороны, участвовавшие в ней, «французские, как та, так и другая».

Конфликт между родственниками Эдуардом и Филиппом осложнялся взаимными претензиями на Гиень, герцогство на юго-западе Франции, подвассальное французской короне, но принадлежавшее английским королям.

Начало войны, формально объявленной 1 ноября 1337 года, ознаменовалось взаимными ударами, нанесенными с моря. В частности, англичане захватили остров Кадзан у фламандских берегов, что и стало первой их победой, одержанной над французами в растянувшейся на сто с лишним лет кровопролитной войне.

В августе 1338 года король Эдуард III высадился во Фландрии, а в июле следующего года напал на приграничные районы Франции. Король Филипп VI, несмотря на наличие у него сильной армии, уклонился от решительной битвы.

В 1340 году у побережья близ города Слюйс французский флот был полностью уничтожен англо-фламандским флотом. В этом бою король Филипп VI потерял не только все свои корабли,

но и примерно 30 000 человек. С этого времени англичане стали безраздельно господствовать на море, что, собственно, и неудивительно: во всех франко-британских войнах их флот оказывался сильнее французского.

Все попытки прийти к какому-нибудь мирному соглашению оказались безрезультатными, и летом 1346 года король Эдуард III высадился в Нормандии. 26 августа в сражении при Креси на границе Фландрии и Пикардии он нанес сокрушительное поражение французам.

Английское войско насчитывало около 20 000 человек, в том числе 4000 рыцарей, около 11000 лучников и приблизительно 5000 пехотинцев, вооруженных копьями. Французское войско было более многочисленным: 12 000 рыцарей, около 6000 арбалетчиков (в основном наемников-генуэзцев) и около 20 000 пехотинцев ополчения, собранного французскими городами.

Отметим, что термин «рыцари» здесь употребляется в широком смысле, обозначая тяжеловооруженную конницу. Конечно же, это не вполне справедливо, ибо настоящий рыцарь — это не субъект рода войск, а титул, обозначающий принадлежность к строго определенному военно-социальному институту.

Эдуард III расположил свое войско вдоль дороги к Креси, по которой двигалась французская армия. Английские лучники построились в пять шеренг. Тактической новинкой короля Эдуарда стало размещение части спешенных рыцарей в рядах лучников, что должно было показать, что дворяне готовы разделить все опасности с простолюдинами и что английское войско представляет собой общенациональную армию.

Французские рыцари повели себя иначе: вступив в бой, они смяли и потоптали собственную пехоту, считая, что она только мешается под ногами. Туча стрел английских лучников обрушилась на них, и атака захлебнулась: множество рыцарей было покалечено, а лошадей — убито.

Об английских лучниках стоит сказать особо. Они производили залпы очень массированно, как сейчас говорят, «по площадям» (так, то есть неприцельно, английский лучник был способен произвести десять-двенадцать выстрелов в минуту, прицельно — примерно шесть выстрелов в минуту). Это очень походило на огонь «Катюш» времен Второй мировой войны.

Несколько раз французы нападали на позиции англичан, но каждый раз были отбиты. Под королем Филиппом VI была убита лошадь, и он приказал отступать.

После этого англичане осадили портовый город Кале и взяли его в июне 1347 года. Все это заставило короля Филиппа VI

любой ценой искать мира, который и был заключен в сентябре 1347 года.

В августе 1350 года король Филипп VI умер, и место на престоле занял его тридцатилетний сын Жан II Добрый.

Через пять лет перемирие между Францией и Англией закончилось, и английский правитель герцогства Гиень Эдуард Черный Принц (сын Эдуарда III) совершил опустошительный набег на Лангедок, дойдя до самых Пиренеев. 19 сентября 1356 года в битве у Пуатье англичане вновь наголову разбили превосходящие силы французов.

У англичан было около 7000 человек, в основном лучников и копейщиков. Это войско было разделено на три части: правым флангом командовал граф Солсбери, двоюродный брат Генриха V, левым — Ричард де Бошан, граф Уорвик (француз, между прочим), чуть позади располагался отряд самого Черного Принца.

Французская армия насчитывала до 20 000 человек, в основном тяжелых и легких кавалеристов. Они были выстроены четырьмя отрядами один за другим: первый отряд — под командованием маршалов де Клермона и д'Одрегема, второй — под командованием девятнадцатилетнего сына короля Карла, третий — под командованием герцога Орлеанского, четвертый — под командой самого короля.

Французские конники атаковали англичан. Маршал Жан де Клермон нанес удар по позициям графа Солсбери, надеясь пробить в них брешь, но был встречен градом стрел и убит одним из первых. Его людям так и не удалось вклиниться во вражеские позиции. Маршала Арну д'Одрегема, атаковавшего позиции графа Уорвика, ждал аналогичный конец. Спешенные рыцари дофина Карла направились вверх по обильно поросшему виноградом пологому склону и также были встречены ураганом английских стрел. Несмотря на тяжелые потери, французы приблизились к линии обороны, и завязалась длительная, ожесточенная рукопашная. Французам едва не удалось прорваться, но англичане сумели сохранить свои позиции. В конце концов при непрерывной поддержке огнем фланговых лучников английским тяжелым всадникам удалось отогнать атакующих.

Обе стороны понесли тяжелые потери, и видя, как пострадало войско дофина, командовавший третьим отрядом герцог Орлеанский, брат короля, смалодушничал (а может быть, проявил предусмотрительность, все зависит от точки зрения анализирующего этот поступок) и увел свой отряд с поля боя.

Зато в атаку пошел четвертый отряд, возглавляемый лично Жаном II Добрым. Черный Принц контратаковал его с фланга, и завязался страшный рукопашный бой. Израсходовав все стрелы,

английские лучники присоединились к ставшему всеобщим побоищу. Этого французы не выдержали и обратились в бегство. Доблестный король Жан II Добрый, по старинным рыцарским традициям сражавшийся в первых рядах своих воинов, был взят в плен. Попал в плен и его младший сын Филипп.

Французы в сражении при Пуатье потеряли убитыми около 3000 человек, и примерно столько же попало в плен. Потери англичан неизвестны, но составили, вероятно, около 1000 убитыми и примерно столько же ранеными.

Это поражение для французов оказалось еще более сокрушительным, чем поражение десятилетней давности при Креси. В результате перевезенный в Англию король Жан вынужден был заключить с королем Эдуардом очень тяжелый для Франции мирный договор, по которому англичане получили в свое владение Нормандию, Перигор, Лимузен, Пуату, Анжу, Мэн, Турень и Сентонж, а их владения в герцогстве Гиень увеличились вчетверо.

За деньгами для своего выкупа (а англичане потребовали за это 3 000 000 золотых экю) король Жан II Добрый возвратился во Францию, оставив в заложниках своего сына герцога Анжуйского, но тот, нарушив данное слово, бежал. Возмущенный этим король Жан, которому еще не удалось собрать нужную сумму, добровольно вернулся в Англию, чтобы заменить сына. Английский король был поражен таким благородством своего противника и окружил его самым искренним вниманием. Тем не менее весной 1364 года король Жан тяжело заболел и умер. Ему было сорок четыре года.

Его место на французском троне занял его двадцатишестилетний сын Карл V Мудрый, на плечах которого после пленения отца при Пуатье уже и так лежали все государственные заботы.

Став королем, Карл V начал готовиться к новой войне с Англией. Разрыв отношений, который рано или поздно должен был произойти, случился в 1368 году, а военные действия возобновились в 1369 году.

Провозглашенный в 1370 году коннетаблем (то есть верховным главнокомандующим) Франции Бертран дю Геклен реформировал армию на основе наемничества, усилил роль пехоты, обновил тактику и добился значительных успехов. Ему удалось разбить англичан у Понваллена. После этого французы отбили у англичан свои южные провинции и Пуату, а в 1372 году были взяты Ля-Рошель, Монконтур и еще несколько городов. В 1373 году власть короля Карла признала Бретань, а годом позже — Гасконь.

К 1375 году в руках англичан остались только «ворота Франции» Кале, а также Байонна и Бордо.

К сожалению, благоразумный и удачливый король Карл V Мудрый умер в 1380 году в возрасте всего сорока трех лет (в том же году, кстати, умер и коннетабль Бертран дю Геклен), а его место на троне занял его сын, уже известный нам двенадцатилетний Карл VI Безумный.

Когда в 1392 году стало ясно, что Карл VI совершенно лишился рассудка, во Франции началась борьба за регентство, вылившаяся в гражданскую войну между Арманьяками и Бургиньонами.

Тем временем в Англии 21 июня 1377 года умер король Эдуард III, не перенеся смерти своего любимого сына Эдуарда Черного Принца. Некоторые историки называют его «стариком Эдуардом», хотя ему было всего пятьдесят пять лет.

Освободившийся трон наследовал внук Эдуарда III и сын Эдуарда Черного Принца двенадцатилетний Ричард II, но ввиду его малолетства страной фактически правил его дядя Джон, герцог Ланкастерский.

Когда Ричарду исполнилось двадцать два года, он заявил, что имеет полное право править страной без опекунов, и начал с того, что приказал бросить в тюрьму своего дядю, герцога Глостера. Нетрудно догадаться, что вскоре несчастный был найден в своей тюремной камере мертвым. Потом из страны был изгнан двоюродный брат Ричарда Генрих Болинброк, сын герцога Ланкастерского, а через три месяца умер и сам старый герцог, и Ричард, недолго думая, конфисковал все его владения.

Изгнанный из страны Генрих оказался человеком решительным, и летом 1399 года он высадился в Англии и с группой верных ему людей двинулся на Лондон. Вскоре под его знамена собралось более 30 000 человек.

Через некоторое время Ричард II был арестован и заключен в тюрьму Тауэр. 29 сентября 1399 года он отрекся от престола, а в начале следующего года… Совершенно верно, был найден в своей тюремной камере мертвым.

Сменивший его на троне Генрих, ставший королем Генрихом IV, правил в Англии до конца своих дней, то есть до 20 марта 1413 года.

Его сын, Генрих V Плантагенет, едва приняв власть в стране, тут же стал готовиться к походу на Францию, с которой уже много лет сохранялось перемирие. Во Франции в это время продолжал «править» Карл VI Безумный, и, как метко выразился историк Анри Гийемен, «Генрих нашел, что с такой Францией, возглавляемой сумасшедшим королем, было бы крайне глупо

пребывать в апатии».

В 1414 году он во главе 6000 рыцарей и 24 000 пеших воинов (в основном лучников) высадился в Нормандии и осадил город Арфлёр. В конце сентября город был взят и превращен в мощный опорный пункт для набегов на другие территории Франции.

Хотя французы оказывали лишь слабое сопротивление, у англичан вскоре нашелся более опасный враг: больше половины их войска унесла в мир иной инфекционная дизентерия. Когда болезнь стала грозить полным уничтожением армии, король Генрих решил отступить к Кале, но французы преградили ему путь.

И 25 октября 1415 года состоялась знаменитая битва при Азенкуре, в которой англичанам, несмотря на численное меньшинство, удалось нанести французам тяжелейшее поражение.

На рассвете английская армия заняла позицию в теснине, образованной густыми лесами, растущими по обеим сторонам главной дороги, ведущей к Кале. Земля была свежевспаханной и размокшей после недавних ливней. Англичане, а их, по данным сохранившейся платежной ведомости Генриха V, было около 1500 рыцарей и 6000 лучников, построились тремя отрядами — точно так же, как почти семьдесят лет назад выстроил свою армию король Эдуард III в сражении при Креси.

Французская армия тоже была поделена на три отряда: два из них состояли в основном из пехотинцев, в том числе и из спешенных рыцарей, а третий — из конных воинов.

В сохранившемся подлиннике приказа маршала Бусико, второго лица во французской армии после коннетабля Шарля д'Альбрэ, вполне конкретно названа численность армии — 22 000 человек. Маршал писал приказ не для историков, поэтому этой цифре вполне можно доверять.

Три часа обе армии стояли друг против друга на расстоянии чуть больше полутора километров. Шарль д'Альбрэ надеялся на то, что англичане нападут первыми. Англичане же хотели, чтобы первыми напали французы.

Раздраженный долгим стоянием, король Генрих V решил спровоцировать французскую атаку и приказал своим войскам осторожно выдвинуться вперед примерно на три четверти километра. Осуществив этот маневр, англичане восстановили прежний строй. После этого солдаты быстро вколотили в землю остро заточенные колья, соорудив тем самым предназначенный для защиты от кавалерийской атаки частокол.

Это английское выдвижение подхлестнуло рвущихся в бой французских баронов, и коннетабль д'Альбрэ, уступив их

требованиям, вынужден был отдать команду наступать. Первый отряд спешившихся рыцарей, закованных в тяжелые доспехи, неуклюже двинулся вперед, а с флангов мимо них понеслись отряды кавалерии.

Печальный для французов опыт Креси и Пуатье повторился с точностью до мелочей. Большая часть всадников и их лошадей пала под английскими стрелами, а уцелевшие, смешав ряды, бросились отступать.

Когда первый французский отряд, ведомый самим Шарлем д'Альбрэ, кое-как доковылял до позиций англичан, кавалерийская атака уже была полностью отбита. Французские рыцари к этому времени буквально валились с ног от усталости: сказывался как неподъемный вес стальных доспехов, так и размокшая перепаханная земля под ногами. Да что там — земля, это была мокрая глина, а что такое идти пешком по прилипающей к подошвам мокрой глине, знает любой житель сельской местности или городских новостроек.

Валились французы и от мощного огня английских лучников. Когда оставшиеся в живых французы подошли совсем близко, англичане взялись за мечи и топоры и, оставив позиции за частоколами, ударили «железным людям» в тыл и во фланг. Буквально за несколько минут от первого французского отряда не осталось ни человека. Кто не успел сдаться, тот был убит или изувечен.

После этого без всякой координации с предшественниками в атаку по непролазной грязи пошел второй французский отряд. Итоги этой атаки оказались почти такими же плачевными. Сумевшие спастись бегством присоединились к кавалерии третьего отряда и стали готовиться к решающему наступлению.

Третье французское наступление оказалось еще менее энергичным, чем предыдущие, и англичане легко его отбили. Кульминацией этой завершающей стадии сражения стала контратака нескольких сотен английских конников, возглавленная лично Генрихом V. Остатки французской армии были окончательно рассеяны.

Французские потери составили порядка 10 000 человек. Погибли коннетабль Шарль д'Альбрэ, герцог Ангулемский и множество других известных бойцов, цвет французского рыцарства, почти все высшие должностные лица королевства, а герцог Карл Орлеанский и несколько маршалов были захвачены в плен. По меткому сравнению историка Олега Соколова, «все эти потери представляли собой примерно то же, как если бы в 1996 году в трагическом штурме Грозного пали не только молодые солдаты и офицеры, а вместе с ними в первых горящих танках

погибли бы несколько министров, десятки губернаторов, сотни депутатов, а прочих чиновников высшего ранга — без счета».

После разгрома французов при Азенкуре Генрих V захватил всю Нормандию и приступил к планомерному покорению Франции. В начале 1419 года после семимесячной осады он взял Руан.

Глава Бургиньонов Жан Бесстрашный сначала перешел на сторону англичан, но затем начал вести переговоры с наследником французского престола дофином Карлом, будущим королем Карлом VII. Но 10 сентября 1419 года он был убит на мосту в Монтро приверженцами дофина, как выразился историк Анри Гийемен, «при неясных обстоятельствах».

Сын Жана Бесстрашного Филипп Добрый, стремясь отомстить за убийство отца, в декабре 1419 года заключил в Аррасе союз с англичанами, признал право короля Генриха на французскую корону и объявил войну дофину Карлу. Королева Изабо Баварская присоединилась к этому договору.

Прошло полтора года, и 21 мая 1421 года в городе Труа был подписан скандальный по своей сути договор между Англией и Францией, согласно которому Генрих V, к тому времени успевший в мае 1420 года жениться на дочери Карла VI Безумного Екатерине, объявлялся регентом и наследником французского престола, а дофин Карл, который, как выяснилось, был рожден королевой Изабо Баварской вовсе не от своего мужа, был лишен прав называться дофином. Возмущенный Карл, конечно же, не признал этот договор, заключенный его полоумным «папашей» и одобренный отказавшейся от него матерью. В ответ на это Генрих демонстративно и торжественно вступил в Париж.

В августе 1422 года король Генрих V внезапно занемог и умер. Ему было неполных тридцать пять лет. Через два месяца у французов умер король Карл VI Безумный. Ему было пятьдесят три года, из которых последние тридцать лет он едва мог управлять страной (лучше бы он этого вообще не делал).

После этого королем объединенных Англии и Франции стал Генрих VI, сын Екатерины Французской, а следовательно — законный внук короля Карла VI. Париж присягнул этому «англо-французскому» ребенку, а отодвинутый на второй план дофин Карл обосновался на юге страны. Конечно же, он тоже провозгласил себя королем Франции, но для большей части французов эта коронация ничего не значила. Настоящие коронации испокон веков делались только в Реймсе, а этот город находился под контролем англичан и их союзников бургундцев. В подчинении же Карла остались города Шинон, Пуатье, Бурж и

Рием, районы по левому берегу Луары, Пуату, Турень и Лангедок. Франция окончательно разделилась на две части: королем южной части был Карл из рода Валуа, а королем северной части — его племянник Генрих из рода Плантагенетов. Дорогу англичанам на юг преграждал лишь Орлеан.

Далее имели место хорошо известные события, связанные с именем легендарной Жанны д'Арк, которые завершились тем, что 8 мая 1429 года англичане сняли осаду и ушли из-под стен Орлеана. На волне всеобщего патриотического подъема французы одержали затем еще несколько побед, и 18 июня противники сошлись для решительной битвы в открытом поле у деревни Патэ. Как известно, и это сражение завершилось полным триумфом для войск Карла. Воодушевленные событиями под Орлеаном французы взяли у англичан убедительный реванш за разгромы при Креси, Пуатье и Азенкуре.

Через месяц Карл был торжественно коронован в Кафедральном соборе Реймса. Со всех сторон ему стали присылать приветствия французские города и городишки, выражая готовность признать его власть. Отовсюду неслись восторженные крики:

— Да здравствует Карл, король Франции!

Вот он предел мечтаний! Вот она слава! Чего еще можно хотеть?

Писатель Дмитрий Мережковский дает нам весьма жалкий портрет короля Карла VII:

«Был он и с виду не похож на короля: маленький, худенький, на тонких кривых ножках с нерасходящимися толстыми коленями; сонное, одутловатое лицо с оттянутым книзу над тонкими поджатыми губами мясистым носом и узкими под высоко поднятыми бровями щелками таких оловянно-тусклых заспанных глаз, как будто он хотел и не мог продрать их — проснуться совсем».

Получив вожделенную корону, Карл VII пять лет «отдыхал от великих подвигов». За это время герцог Бургундский, взвесив все «за» и «против», предпочел заключить с ним мирный договор, выведя тем самым Бургундию из состояния войны и развязав Франции руки для борьбы с главным противником — англичанами. Но королю Карлу воевать не хотелось, он предпочитал ждать. И ведь дождался же! В апреле 1436 года в Париже вспыхнуло восстание, английский гарнизон капитулировал, и 12 ноября Карл VII совершил торжественный въезд во французскую столицу.

Потом минуло еще восемь лет, в течение которых продолжались военные действия между Англией и Францией.

Франция постепенно восстанавливала свои прежние границы, а 28 мая 1444 года был подписан долгожданный мир. Карл VII наконец-то получил возможность полностью расслабиться. Теперь он мог спокойно подумать о том, как поразвлечься. Со свойственной ему страстностью (к сожалению, она у него проявлялась отнюдь не в политических баталиях и не на полях сражений) он стал заглядываться на молодых фрейлин.

Любовница короля мадам де Жуайёз

Первой, кто привлек его внимание, была мадам де Жуайёз, красивая и грациозная. Она была общепризнанной красавицей, а ее наряды считались самыми богатыми и изысканными в королевстве. Ее платья были обшиты редким мехом; драгоценности, которые она носила, могла позволить себе лишь королева (напомним, что с 1422 года Карл был женат на Марии Анжуйской, дочери Иоланды Арагонской).

— Стало быть, господин де Жуайёз богат! — говорили, качая головой, простые люди.

Как всегда, они ошибались: роскошный образ жизни вел совсем не ее муж, а отец, Жан Луве. Ведь он, имея титул советника, «ответственного за распределение финансов», совсем не считал предосудительным запускать руки в королевскую казну и именно поэтому владел несметным состоянием.

Карл VII, встретив однажды мадам де Жуайёз одну в коридоре, «с помощью жестов и нежных слов» сделал ей такие нескромные предложения, что немного смущенная красавица сразу поспешила к отцу и рассказала ему о реакции короля.

Королевский советник был восхищен. Уже давно он мечтал, чтобы Карл VII увлекся какой-либо нежной особой, что позволило бы отвлечь Его Величество от государственных дел, а особенно — от контроля (пусть слабого, но все же) за казной…

— Было бы неразумно показывать ему свою скромность и стыдливость слишком долго, — сказал он своей дочери. — Однако было бы ошибкой и слишком быстро уступить настойчивым просьбам нашего государя. Постарайся возбудить в нем чувство.

Мадам де Жуайёз была не только красива, но и весьма хитра. Она очень хорошо поняла, что ей надо делать, и принялась кокетничать, стараясь вызвать нежную страсть в Карле. Но хорошо известно, что такие проделки небезопасны: однажды утром молодая женщина поняла, что сама влюбилась в короля, и устыдилась тому, что попала в свою собственную ловушку. Мадам де Жуайёз старательно скрывала свои чувства, но любопытное происшествие раскрыло их Карлу VII.

Это случилось в Шинонском лесу, во время прогулки на лошадях, которые обычно совершались королевским двором перед заходом солнца. Королю удалось увлечь за собой мадам де Жуайёз, и они немного отделились от свиты. Карл VII стал в привычной для себя манере вести с ней вольные речи с целью завоевать ее расположение, о чем он страстно мечтал. Когда он,

увлеченный собственной речью, наклонился к мадам де Жуайёз, чтобы что-то шепнуть ей на ухо, его лошадь, чего-то испугавшись, вдруг стала на дыбы. Если бы Карл не проявил впечатляющую силу духа, животное могло бы рухнуть на землю, подмяв его под себя. Мадам де Жуайёз, увидев это, сильно побледнела, и испуг ее был так велик, что она чуть было не упала в обморок. Поняв, что «виной ее испуга был он», взволнованный король ненадолго лишился дара речи. Что касается мадам де Жуайёз, то она дрожала всем телом и сохраняла безмолвие вплоть до возвращения в Шинон. Там они провели ночь вместе…

Новая страсть короля

Их бурный и страстный роман длился до того дня, как Карл VII познакомился с фрейлиной Аньес Сорель. Она была так прекрасна, «что он страстно желал ее возбудить и думал, что его мечты могли осуществиться лишь во сне».

Очарованный, он с восторгом созерцал ее пепельного цвета волосы, ее голубые глаза, ее совершенный нос, ее очаровательный рот… Наконец, Карл поинтересовался, как ее имя.

— Я дочь Жана Сореля, а зовут меня Аньес Сорель, — ответила фрейлина.

Глаза короля затуманились страстью. Он был потрясен. Неужели один только взгляд на эту девушку был способен так возбудить его? Однако долго размышлять над этим у него не было времени.

В тот же вечер он отважился заявить о своих нежных чувствах, но девушка убежала от него с испуганным видом. Король в полном смятении поднялся в свои апартаменты. Казалось, никогда в жизни он не был так влюблен. Еще бы ему не влюбиться, ведь эта девушка пленяла всех видевших ее мужчин. Королю казалось, будто он попал в рай, но рай этот становился миражом, стоило ему протянуть к нему руку.

Поспешное бегство прекрасной фрейлины, так не похожее на кокетство мадам де Жуайёз, только распалило в короле желание. Он был настолько поглощен происходившим с ним, что не мог больше думать ни о чем другом, как только о том, чтобы услаждать Аньес, пока та всецело не будет принадлежать ему. В течение нескольких дней его вздувшиеся вены на висках и стиснутые кулаки служили предметом сплетен среди придворных. Но однажды утром самые наблюдательные из них заметили, что у короля обычный вид, и поняли: красавица Аньес уже не проводит ночи в одиночестве.

Мадам де Жуайёз, когда ей сообщили, что она попала в немилость, слегла от ревности и от огорчения, а не на шутку встревоженный муж заставил ее даже принять лекарства, желая вернуть супругу к радостям жизни. Действие этих лекарств оказалось превосходным! Через две недели мадам де Жуайёз стала любовницей влиятельного фаворита Карла VII Жоржа де Ля Тремуйя…

Беременность Аньес Сорель

Через несколько недель о любовной связи короля и дамы из Фроманто знал уже весь двор. Одна лишь королева, как это обычно и бывает, пребывала в неведении.

Но вскоре и Мария Анжуйская начала замечать, что что-то неладно, и установила наблюдение за своим супругом. Карл был очень осторожен. Летописец Жан Шартье сообщает, что никто никогда не видел Аньес целующейся с королем; при этом никто уже не сомневался, что между ними существовали интимные отношения. А в 1445 году красавица уже была беременна…

В день, когда должен был появиться на свет младенец, королева Мария, заметив самодовольную улыбку на лице короля, уже больше ни в чем не сомневалась. Сначала она впала в смятение, но потом вспомнила слова своей покойной матери, которая, отдавая себе отчет в том, что внешние данные и интеллектуальные способности ее дочери были весьма посредственны, всегда говорила, что если заставлять мужа отказаться от придворной фаворитки, то он все равно будет иметь любовниц за пределами двора. А может — и среди проституток, поэтому лучше уж дочери не выяснять отношений, а смириться с существующим положением дел…

Мария Анжуйская решила поступить мудро и попыталась наладить дружеские отношения с новой любовницей мужа. Они даже вместе гуляли, слушали музыку, а за обедом вели светскую беседу, что очень радовало Карла VII, для которого никогда не было большего удовольствия, чем видеть полное согласие, царившее вокруг.

В 1445 году у Аньес родился первый ребенок от короля. Это была девочка, которую король, вспомнив на минуту о жене, достаточно цинично предложил назвать Марией. После этого целых пять лет молодая красавица властвовала над королем.

Первая официальная фаворитка короля

Поведение Аньес Сорель и открытое признание связи с королем часто вызывали негодование у окружающих, однако ей многое прощалось благодаря защите короля и ее совершенной красоте, о которой даже Пий II говорил: «У нее было самое прекрасное лицо, которое только можно увидеть на этом свете». И эти слова, сказанные самим папой римским, вряд ли стоит расценивать только как комплимент…

«Это была самая молодая и самая прекрасная среди всех женщин мира», — восклицал Жан Шартье. «Да, безусловно, это была одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо видел», — вторил ему поэт и историк Оливье де ля Марш. Что ж, с этими мнениями трудно не согласиться.

Влияние Аньес Сорель на Карла VII было безграничным. Не было такой ее просьбы, которую он не выполнил бы. С ее именем были связаны как минимум три-четыре новшества при французском дворе. Прежде всего, она первая среди некоронованных особ стала носить бриллианты. Ее наряды были великолепны, и она считалась одной из лучших клиенток крупного негоцианта и королевского казначея Жака Кёра: он поставлял ей мех куницы и восточные шелка. Все вокруг говорили об экстравагантности фаворитки, которая, отказавшись от просторных туник, скрывавших формы, стала надевать длинные платья, плотно облегавшие тело. Более того, она лично ввела в моду длинный шлейф, который церковь в своей извечной борьбе с женским началом тут же окрестила «хвостом дьявола». А еще говорят, что, впервые забеременев и опасаясь, что венценосному любовнику этот факт не понравится, она, чтобы скрыть свое «интересное положение», не нашла ничего лучшего, чем на очередном королевском приеме приподнять свою юбку спереди, зажав ее в руке. Король отнесся к беременности фаворитки благосклонно, а эта уловка Аньес Сорель породила новую моду: под юбки стали подкладывать набитые пряжей пышные подушечки, создавая «эффект беременности».

Архиепископ Жан-Жувеналь дез Урсен обращался по этому поводу к королю и приводил факты безрассудных трат на шлейфы и гребни, золотые цепочки, драгоценные камни и наряды, называя это роскошью дурного тона. Он предупреждал, что Бог покарает за такое, ведь женщина тем красивее, чем менее разряжена. А те, кто носит высокие прически и такие шлейфы, — настоящие ослицы, выкрашенные на продажу!

Отметим, однако, что сравнение с ослицами никого не

остановило, и лишь одно из модных нововведений Аньес Сорель так и не прижилось — это ношение нарядов, стыдливо прикрывавших одну грудь и изящно обнажавших другую. Эта новая мода возмутила большинство придворных дам, так и не решившихся последовать ее примеру.

Архиепископ дез Урсен возмущенно писал:

> «Как же король в своей собственной резиденции терпит, чтобы ходили в одежде с глубоким вырезом, из-за которого можно видеть женские груди и соски? И как же в его апартаментах, а также в апартаментах королевы и их детей мучаются многие мужчины и женщины, находящиеся в атмосфере разврата, грехов и порочных связей. Ношение такой одежды неуместно и заслуживает наказания».

Священник был не одинок в предположении, что Аньес — женщина легкого поведения. Бургинен Шатлен оставил о ней такие воспоминания:

> «Ее изобретательность была направлена на то, что в условиях разврата и распада она вводила в моду новые, сообразные этим условиям формы одежды».

Если учитывать, что эти два благовоспитанных человека, боясь за свое положение в обществе, старались выражаться об Аньес очень мягко, то можно себе представить, как о фаворитке Карла VII отзывался простой народ.

Дам де Ботэ

Ну, и наконец, именно Аньес Сорель стала первой в истории Франции официальной фавориткой Его Величества. Дело в том, что до нее короли как-то стеснялись своих внебрачных связей и старались особенно не афишировать их. Здесь же ситуация коренным образом изменилась: король не желал больше таиться и наградил Аньес чем-то вроде почетного титула официальной фаворитки. Титул этот звучал как «Дам де Ботэ» (по-французски — Dame de Beauté), то есть «Дама Красоты», или «Прекрасная Дама», что вполне соответствовало внешности ее обладательницы. С таким титулом положение любовницы стало гораздо более прочным, и даже законная супруга короля Мария Анжуйская сочла, что с ней лучше поддерживать дружеские отношения.

Конечно, фаворитизм, то есть возвышение конкретного лица (или группы лиц), существовал еще задолго до Карла VII, но именно он впервые провозгласил, что его возлюбленная отныне будет иметь при дворе официальный статус. Это выражалось в частности в том, что ей прислуживали, как принцессе, и она носила самый длинный (после королевы) шлейф.

Король, судя по отзыву папы Пия II, «не мог прожить и часа без своей прекрасной подруги» и был больше озабочен оттачиванием своего любовного мастерства, чем ведением государственных дел.

Пожаловав дворянство матери своих внебрачных детей[3], король подарил ей небольшой замок, возвышавшийся над излучиной Марны недалеко от Парижа, на опушке Венсеннского леса. Раньше этот замок использовался для хранения королевских книг. Замок назывался Ботэ-сюр-Марн (beauté — по-французски «красота»), что и стало одним из титулов Аньес Сорель. Теперь она звалась дамой де Ботэ-сюр-Марн (что созвучно с «Прекрасной Дамой») и графиней де Пентьевр. Помимо сеньории Ботэ-сюр-Марн с правом ношения этого имени она получила и другие владения, в частности замок Иссуден в Берри и поместье Вернон в Нормандии.

Ее братья тоже стали иметь отношение к королевскому дому. Двое из них состояли в штате резиденции короля, двое других служили в королевской гвардии. Аньес занимала не второстепенное место любовницы: вопреки этикету, она вела воистину королевский образ жизни и владела драгоценностями редкой красоты. После ее смерти король выкупил их за значительную сумму — более 20 000 экю, что соответствовало

почти ста килограммам чистого золота.

Недовольство народа

Увы! Все эти королевские щедроты и особенно привольная жизнь, проходившая в постоянных празднествах и в «нежных забавах», в конце концов вызвали ропот в народе, жившем в то время в нищете. Поэтому, когда в апреле 1448 года Аньес приехала в Париж, народ не слишком тепло ее встретил. Вот что писал один из жителей Парижа в своем дневнике:

«На последней неделе апреля в Париж приехала девица, о которой все говорят, что она любовница короля Франции, в которую он влюблен без совести и без стыда перед доброй королевой. Хорошо известно, что она ведет такой же роскошный образ жизни, как графиня или герцогиня, и состоит на короткой ноге с самой французской королевой, совершенно не стыдясь своего греха. И король, не желая скрыть свой большой грех, решил подарить ей замок де Ботэ, самое красивое и удачно расположенное поместье по всему Иль-де-Франс. Эту барышню прозвали «прекрасной Аньес». Но поскольку парижане не были с ней почтительны, как этого требовала ее большая спесь, она не стала скрывать своего негодования. И, уезжая, сказала, что эти люди скверны, раз не оказали ей больших почестей, и больше на улицы Парижа никогда не ступит ее нога. Жаль, конечно, что она так решила, но и народ поступил с ней довольно низко. Красавица Аньес уехала, чтобы, как и прежде, заниматься грехом».

И автор дневника кончает свой рассказ горьким комментарием:

> «Увы! Как жаль, когда король подает такой дурной пример своему народу, ибо, как гласит известная пословица: «Каков поп, таков и приход». Нам известна Семирамида, царица Вавилонии, соорудившая одно из семи чудес света. Но она же превратила собственного сына в своего друга и любовника, а когда узнала, что ее народ недоволен ее поведением, публично заявила, что разрешает брать в жены собственную мать, дочь или сестру или заниматься с ними любовью. Она разрешила своему народу и предоставляла возможность этих порочных действий, чтобы оправдать свое распутство. Именно поэтому на королевство Халдеев и обрушилось множество бед, ибо мужчины насиловали собственных жен и дочерей, совершали убийства. Ибо, когда очень знатный сеньор или знатная дама публично совершает

большой грех, их подданные очень хотят повторить его».

Однако эти упреки и даже оскорбления, дойдя до ушей Аньес, ее не рассердили, а только сильно опечалили. Фаворитка хотела понять, почему народ так ее презирал и ненавидел. Получалось, что напрасно она растратила целое состояние на милостыни и подаяния нищим и церквям — все равно никто не видел в ней добрую женщину, а все видели лишь алчную королевскую любовницу. Вот уж действительно, оказывая благодеяния, мы не всегда приобретаем друзей, но непременно наживаем врагов.

Политическая роль Аньес Сорель

Во Франции широко распространены легенды, представляющие Аньес патриоткой, вместе с Жанной д'Арк способствовавшей освобождению страны от англичан. Авторы подобных легенд приписывают ее влиянию поворот короля от светских удовольствий к воинским подвигам. Эти предания, в частности, отражены в поэме Вольтера «Орлеанская девственница».

Впервые поднял Аньес Сорель на этот почетный пьедестал в своей «Истории Франции», вышедшей в 1576 году, Бернар де Жирар. Современный историк Ги Шоссинан-Ногаре констатирует:

> «Аньес Сорель стала первым образцом великодушия и благотворного влияния, оставшись примером для всех своих последовательниц».

И действительно, наделенная не только красотой, но и тонкой ранимой душой красавица горячо желала понять, почему народ так нетерпим к ней. И тут только ей открылось, в какой нищете живут французы, на глазах которых разворачивались не только великие деяния Святой Девы Жанны, но и все бедствия Столетней войны.

Поняв это, Аньес поспешила напомнить королю о его долге и обязанностях. С этой целью она использовала некую хитрость, о чем повествует Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом в своей книге «Жизнь галантных дам»:

> «Прекрасная Аньес, видя короля Карла влюбленным в себя, не помышляющим ни о чем, кроме любви, мягким, слабым и равнодушным к делам королевства, однажды рассказала ему, что когда она была еще совсем юной девушкой, некий астролог предсказал ей, что ее полюбит один из наиболее доблестных и храбрых королей Христианского мира, и когда он удостоил ее своей любовью, она подумала, что он и есть тот самый мужественный государь, о котором ей было предсказано. Но, видя его таким безвольным, так мало заботящимся о своих делах, она считает, что обманулась, и не он тот смельчак, а король Английский, совершающий великие подвиги и под носом у него захватывающий прекрасные города. «Вот человек, — заключила она, — которого я должна была встретить, это о нем говорил астролог».

> Такие слова столь сильно уязвили сердце государя, что он разрыдался. Вскоре, набравшись мужества, он оставил свою охоту и свои сады и взялся за оружие. Он действовал столь успешно, что бесконечными стараниями и храбростью выбил англичан из своего королевства».

На самом деле так и произошло. Через некоторое время после этой беседы Карл VII при помощи своих знаменитых указов реорганизовал войска и в 1449 году, нарушив перемирие с Англией, вновь начал военные действия. В руках у врага к тому времени оставалось еще немало мощных крепостей и многолюдных городов, но король, движимый любовью к своей «Дам де Ботэ», за несколько месяцев положил конец Столетней войне, вернув все захваченные земли Франции. Аньес, называвшая его раньше насмешливо Карлом Безразличным, стала его величать Карлом Победоносным.

Продолжая рассуждения на эту тему, Ги Шоссинан-Ногаре пишет:

> «Образ обаятельной возлюбленной Карла VII, которой больше, чем Орлеанской Деве, страна обязана успехом освобождения, в дальнейшем будет ставиться в пример всем великим фавориткам, и при необходимости им не раз напомнят об их героической предшественнице. Накануне своего назначения на должность мадам де Помпадур получила послание от Дюкло, призывавшее ее точно следовать мудрому примеру Аньес: «Это была женщина, к которой Карл испытывал самую сильную страсть и которая наиболее достойно использовала его привязанность… Редкий образец для подражания тем, кто пользуется такими же милостями, ибо она любила Карла ради него самого и все делала для славы своего возлюбленного и счастья королевства». Как считают историки, редко кто подражал этому примеру, и Аньес Сорель осталась исключением в королевских анналах. Шатобриан, утверждая, что правление фавориток стало одним из бедствий старой монархии, добавляет: «Из всех этих женщин только Аньес Сорель принесла пользу королю и родине».

Апофеозом Аньес стало ее водворение в королевской резиденции в Лоше. Попытавшийся вступиться за королеву дофин Людовик был грубо изгнан отцом, фаворитка же стала участвовать во всех королевских церемониях и пиршествах.

Король выделил ей там особую башню и несколько камердинеров.

Смерть Аньес Сорель

Увы! Судьба распорядилась так, что фаворитке не довелось увидеть венец своих усилий. По дороге к своему возлюбленному, отправившемуся воевать в Нормандию, она умерла совсем молодой, незадолго до этого пережив преждевременные роды. Произошло это 9 февраля 1450 года. Скончалась она внезапно и, надо сказать, при весьма загадочных обстоятельствах.

Король в то время в течение нескольких недель находился в аббатстве де Жюмьеж в Нормандии. Столетняя война заканчивалась. Готовясь к штурму Арфлёра, который еще оставался в руках врага, король выглядел очень расстроенным, и можно было подумать, что он не уверен в успешном исходе сражения. На самом деле он думал об Аньес, которая находилась в Лоше и у которой вот-вот должны были начаться роды…

Карл VII с нетерпением ждал появления на свет своего четвертого внебрачного ребенка. «Может быть, на этот раз она подарит мне сына, — думал он. — Я так хотел бы иметь от нее сына».

Это желание не преследовало никаких политических целей, ибо Карл, у которого было пять законнорожденных детей от брака с Марией Анжуйской, уже имел наследника, дофина Людовика, и будущее династии было предрешено. Хотя кто знает… В любом случае, желание получить мальчика в те времена было обычным желанием любого мужчины, не говоря уж о безумно влюбленном мужчине.

В один из январских дней, когда он медленно прогуливался, в очередной раз думая об Аньес и о ребенке, который вскоре должен был появиться на свет, он увидел бегущего к нему монаха аббатства.

— Государь, идемте быстрее, привезли мадемуазель Сорель в очень тяжелом состоянии.

Карл VII побледнел и, забыв о королевской степенности, бегом бросился к тому месту, где остановилась карета с его фавориткой. Он с трудом узнал в ней свою «Дам де Ботэ», так сильно сказались на чертах ее лица тяготы путешествия и так сильно обезобразила ее фигуру поздняя беременность. Увидев короля, она привстала и через силу улыбнулась.

— Это безумие, — воскликнул Карл VII, — приехать сюда в таком состоянии!

— Мне надо было срочно увидеть вас, — тихо ответила Аньес. — Никто, кроме меня, не сказал бы вам то, о чем вы должны знать.

Король очень удивился ее словам. Он проводил Аньес в спальню, и она в изнеможении упала на постель. Карл, не дав ей передохнуть и минуты, встал у изголовья ее кровати, желая поскорее узнать, ради чего она приехала в такую даль. И Аньес ему поведала о том, что «некоторые из его подданных хотят выдать его англичанам».

Возможно, в этот момент королю пришла на память участь Жанны д'Арк, точно так же выданной врагу, для спасения которой им не было предпринято ровным счетом никаких усилий. Что он думал в этот час? Впрочем, большого значения это не имело, ибо он все равно не поверил фаворитке.

Несмотря на большую усталость, Аньес с трудом продолжала говорить, рассказав королю все до мельчайших подробностей о готовившемся заговоре и о заговорщиках, о намерениях которых ей стало случайно известно.

— Я приехала, чтобы вас спасти, — нежно сказала она.

Существовал ли действительно этот заговор? Вполне возможно. Но враги короля (а они уж точно существовали), узнав о том, что Аньес проникла в их тайну, сочли разумным не предпринимать никаких действий…

Успокоенная тем, что успела вовремя рассказать королю о грозившей ему опасности, фаворитка уснула. Но сон ее был недолгим: у нее начались первые родовые схватки, и она, застонав, начала ворочаться в постели. Немедленно Карл VII перевез ее в загородный дом, построенный для отдыха аббатов, с тем, чтобы она могла там родить в более уютной обстановке. Именно здесь на следующий день и появилась на свет девочка, которой через полгода суждено было умереть.

Последствия родов были мучительны. Летописец Жан Шартье повествует:

> «После родов Аньес беспокоило расстройство желудка, которое продолжалось в течение длительного времени. Во время этой болезни она постоянно каялась в своих грехах. Часто вспоминала о Марии Магдалине, совершившей высший плотский грех, но раскаявшейся в нем и попросившей милости у Всевышнего и Девы Марии. И, как истинная католичка, Аньес проводила целые часы за чтением молитв, текст которых она сама написала. Она высказала все свои желания и составила завещание, где назвала людей, которым хотела бы помочь, оставив сумму в 60 000 экю, полагающуюся за все их труды.
>
> Своими душеприказчиками она назначила Жака

Кёра, советника и министра финансов короля, Робера Пуатвена, королевского врача, и Этьена Шевалье, королевского казначея, добавив при этом, что эта троица могла подчиняться лишь королю.

Аньес становилось все хуже и хуже, она жалела, что ее жизнь так коротка и недолговечна».

Заметим, что, помимо Жака Кёра, среди названных выше людей хорошо известен и Этьен Шевалье. Он был влиятельным другом Аньес, а в 1445 году был отправлен послом в Англию (некоторые авторы считают его даже ее тайным любовником). Это он заказал Жану Фуке Часослов, то есть богослужебную книгу, содержащую псалмы, молитвы и песнопения, который хранится теперь в Шантийи: там изображены придворные и Аньес. Она же послужила этому художнику моделью его «Мадонны с младенцем». Он представил ее как Царицу Небесную с роскошной короной, украшенной жемчугами и драгоценными камнями, на голове, на золотом троне, который поддерживают ангелы. «Модной куклой» назвал это изображение известный нидерландский историк и теоретик культуры Йохан Хейзинга. Аньес действительно одета там по последней тогдашней моде, в платье с очень узкой талией и глубоким вырезом, обнажающим одну грудь. Волосы модно зачесаны наверх и гладко выбриты на лбу и висках. Самого Этьена Шевалье художник запечатлел коленопреклоненным на левой створке вместе с его святым покровителем.

Имя Робера Пуатвена не так известно, но о нем мы поговорим несколько позже. А пока же вернемся к Аньес Сорель. Составив завещание, она попросила своего исповедника отца Дени отпустить ей грехи, и 9 февраля 1450 года в шесть часов вечера скончалась.

Король приказал соорудить две великолепные мраморных гробницы: в одной из них (в Жюмьеже) было похоронено сердце Аньес, в другой (в Лоше) — ее тело. Через некоторое время ее место в сердце короля заняла ее кузина Антуанетта де Меньеле. Эта очень красивая женщина почти сразу же понравилась королю. Проявив благоразумие, он решил узаконить присутствие при его дворе этой очаровательной особы и женил на ней Андре де Виллекье, одного из близких своих друзей, который закрыл глаза на неверность супруги.

Отныне для Карла VII, которому уже было сорок восемь лет, наступила вторая молодость. Безумно влюбившись в Антуанетту, он увлекал ее под разными предлогами по четыре-пять раз в день в свою спальню, и ни у кого не вызывала сомнений цель их

встреч. Он совсем забыл о бедной Аньес, которая спасла ему жизнь и честь.

А тем временем поползли разговоры о том, что Аньес Сорель была отравлена.

Вот что пишет об этом Ги Бретон:

> «И поскольку в такого рода делах народу нужно было найти виновника, этим человеком стал дофин Людовик, будущий Людовик XI, которого и стали обвинять в убийстве фаворитки своего отца. Некоторые вспоминали о том, что наследник короны всегда презирал Аньес Сорель, влияния которой на короля опасался, и что однажды в Шиноне, выйдя из себя, даже отвесил ей пощечину, прокричав:
>
> — Клянусь Богом, от этой женщины все наши несчастья!
>
> Другие добавляли, что он пытался ее убить, преследуя со шпагой в руке, и ей тогда удалось избежать смерти, лишь укрывшись в спальне короля. Наконец, несколько хорошо осведомленных людей утверждали, что, если дофин открыто выступал против отца, виной всему была фаворитка».

Упоминал о подобных слухах в своей летописи и родившийся во Фландрии знаменитый хроникер Ангерран де Монтрелле. Он писал:

> «Ненависть Карла VII к Людовику привела к тому, что принц неоднократно бранил своего отца и выступал против него из-за красавицы Аньес, которая была в большей милости у короля, чем сама королева. Поэтому дофин ненавидел фаворитку и со злости решил ускорить ее смерть».

Козел отпущения Жак Кёр

После смерти Аньес прошло восемнадцать месяцев, и уже стали стихать разговоры, вызванные ее внезапной кончиной, когда Жанна де Вандом, придворная дама, за которой числился большой долг Жаку Кёру, подтвердила под присягой, что именно он, королевский министр финансов, отравил Аньес Сорель. Карла VII эти слова очень взволновали, и он немедленно назначил расследование. Через неделю Жака Кёра арестовали, и он предстал перед судом.

Этот арест, удививший все королевство, был на руку многим. Ведь министр финансов был не только кредитором короля; он выдавал довольно крупные ссуды большинству знатных вельмож, приближенных ко двору, и некоторые из них уже решили, что его осуждение позволит им быстрее уладить свои дела. Да и судьи поняли, что если они приговорят его к пожизненному заключению, им будет признательно множество господ. Процесс начался, естественно, с того, что Жаку Кёру предъявили обвинение в отравлении Аньес Сорель. Но доказательства, представленные мадам де Вандом, сразу показались несостоятельными даже самым заклятым врагам министра финансов.

И что, тогда его освободили? Отнюдь. Обрадовавшись тому, что от них зависела судьба человека, могуществу и богатству которого они завидовали, судьи, поддерживаемые некоторыми придворными, решили его засудить, и процесс принял новый оборот.

Министра финансов подло стали обвинять во всех грехах. В зал суда устремились сотни переполненных ненавистью «свидетелей», и Жак Кёр вскоре был задавлен множеством сумасбродных и нелепых обвинений.

Его обвиняли в том, что он продавал оружие неверным, вывозил в страны Востока французские деньги и слитки золота, на которых стояло клеймо в виде лилий, производил фальшивые экю. Его обвиняли в том, что он присваивал себе дары, которые направляли королю разные города Лангедока, совершал незаконные поборы в этой провинции и т. д.

В конечном итоге его осудили за «растрату казны». Но, не желая, чтобы народ догадался, что они окончательно решили отказаться от основного обвинения, судьи коварно заявили:

— Что касается отравления, процесс пока еще не дошел до стадии вынесения приговора, о котором всем в ближайшее время сообщат.

И министр финансов, один из самых главных приближенных короля и один из самых близких и верных друзей Аньес, был брошен в тюрьму. На него было наложено публичное покаяние в грехах, огромный денежный штраф, до полной выплаты которого он должен был оставаться в тюрьме, а также конфискация всего имущества.

Приговор вступил в силу 5 июня 1453 года, публичное покаяние было принесено в Пуатье, и последующие два года Жак Кёр просидел в тюрьме.

К счастью, в 1455 году Жак Кёр совершил побег из тюрьмы и сумел добраться до Прованса и далее до Рима. Там он был достойно и радушно встречен папой Николаем V, который как раз в то время собирал войско против турок. После смерти Николая папа Каликст VI продолжил сбор войск и назначил Жака Кёра командующим собранной флотилии. Однако уже в Хиосе Жак Кёр заболел и там же умер в ноябре 1456 года. Уже после его смерти Карл VII пожалел его семью, и часть конфискованного имущества была возвращена обратно наследникам Жака Кёра.

Тайна смерти Аньес Сорель раскрыта

Был ли виновен Жак Кёр? Безусловно нет. По той простой причине, что Аньес Сорель не была отравлена. Долгое время неопровержимым доказательством этого служил хотя бы тот факт, что ее дочери удалось прожить целых полгода. Кстати, среди медиков, обративших внимание на симптомы болезни, описанные делавшим вскрытие доктором, очень долго бытовало мнение, что красавица из красавиц скончалась в результате дизентерии, а ослабление организма, связанное с тяготами изнурительного путешествия из Лоша в Жюмьеж, помешало ей одержать верх над своей болезнью. Таким образом, Аньес Сорель скончалась естественной смертью, желая спасти своего любовника. Вполне нормальная, благородная и вполне удобная для всех версия.

Казалось бы, все. На этом можно ставить точку. Но в истории, как известно, точка очень быстро может превратиться в запятую…

Так и произошло в 2004 году, когда французским ученым все же удалось снять завесу тайны с обстоятельств смерти Аньес Сорель. Во всяком случае, теперь причины ее смерти стали совершенно ясными. Для этого группе экспертов под руководством Филиппа Шарлье, патологоанатома из госпиталя университета города Лилля, пришлось провести эксгумацию тела знаменитой француженки. Эта операция прошла в городке Сент-Урс-де-Лош, где в местной церкви покоилось тело бывшей фаворитки короля. Церемония прошла в присутствии многочисленных именитых потомков Аньес Сорель, в частности герцога Орлеанского принца Жака де Франса и принца Шарля-Эммануэля де Бурбон-Пармского.

28 сентября 2004 года гробницу Аньес Сорель вскрыли, и в распоряжении исследователей оказались ее волосы, семь зубов, череп и фрагменты кожи. Около полугода их изучали двадцать два специалиста в восемнадцати лабораториях: в Лилле, Страсбурге, Париже и Реймсе. Уникальный эксперимент возглавлял сам Филипп Шарлье.

Анализ со всей очевидностью показал наличие в останках Аньес Сорель большого количества ртути, которую издревле использовали в качестве яда. Филипп Шарлье заявил, что именно ртуть стала причиной быстрой смерти, сразившей эту женщину менее чем за трое суток.

Итак, народная молва подтвердилась: Аньес Сорель унесла не дизентерия, а яд. А вот с последующими утверждениями ученые были осторожны: кто докажет, был ли это несчастный случай или

убийство? Известно, что примитивная медицина той эпохи использовала значительные количества ртути при производстве лекарств, и у Аньес был повод к ним прибегнуть. Ее беспокоили (это показал анализ в паразитологии) аскариды, да и при сложных родах тоже прописывали ртуть.

Однако у самого Филиппа Шарлье не вызывало сомнений преднамеренное отравление смертельным ядом: его содержание превышало разумные дозы в десять тысяч раз, и ошибки в дозировке лекарств быть не могло.

Получив возможность подробно, в течение шести месяцев, изучить останки Аньес Сорель, ученые внесли немало уточнений в биографию этой женщины. Прежде всего, стало ясно, что год ее рождения находится между 1422 и 1426 годами (1409 год точно отпал). Следовательно, смерть фаворитки короля последовала в возрастном промежутке между двадцатью тремя годами девятью месяцами и двадцатью семью годами девятью месяцами.

Криминалисты попытались воссоздать лицо Аньес, пленительная красота которой, как отмечали даже ее недруги, стала легендой. Исследования подтвердили, что она действительно была блондинкой и родила четверых детей. Проведенная по хорошо сохранившемуся черепу реконструкция лица также выявила явное сходство с существующими изображениями женщины, в частности с образом, созданным художником XVI века Жаном Фуке.

Была восстановлена и судьба захоронения Аньес Сорель. Ее тело было доставлено в Лош, где его похоронили без всяких украшений (король вскоре предался любовным похождениям и предпочел дарить их другим). Несмотря на то что Аньес была верующей и делала много пожертвований, церковникам не хотелось вести молебен в честь скандальной персоналии, и они решили перенести гробницу подальше от алтаря.

Как ни странно, ненавидевший Аньес Людовик XI не разрешил прикасаться к ее усыпальнице. Таким же категоричным был и Людовик XV, а вот сменивший его Людовик XVI удовлетворил прошение Церкви. Самое страшное произошло после Революции: в 1793 году гробницу разбили, а урну бросили на кладбище. Некий Пошоль собрал и сохранил ее содержимое. Потом префект региона генерал Поммерель отправил памятник на реставрацию, а затем поместил его в подземелье у подножия донжона в Лоше. По его приказанию очень смелые слова из стихов Вольтера украсили тогда фронтон: «Я — Аньес. Да здравствует Франция и любовь!» В 1970 году в целях сохранности надгробие разместили в королевском замке Лош.

Так кто же убийца?

Очевидно, что Жак Кёр не был врагом Аньес Сорель и не имел никакой заинтересованности в ее смерти. По мнению Н.И. Басовской, его самого «погубило то, что он нравился королевской фаворитке и считался ее другом». Убийцами Аньес Сорель могли быть совершенно другие люди, и они явно были из ближайшего окружения короля.

Будущий король Людовик XI, без сомнения, выглядит идеальным обвиняемым. Но дофин не мог быть непосредственным убийцей, он мог быть только заказчиком убийства.

Среди тех, кто находился в это время в тесном контакте с Аньес Сорель, фигурирует доктор Карла VII Робер Пуатвен, один из трех душеприказчиков фаворитки. Вот уж кто точно умел готовить яды и пользоваться ими. Но почему именно Робер Пуатвен? Возможно, он посчитал, что эта самозванка начала играть слишком большую роль в решениях короля и судьбах Франции.

Итак, доктор-убийца? Заманчивая версия, но к ней следует подходить со всей осторожностью…

Главным аргументом против Пуатвена является его неправильный диагноз, ведь это именно он установил, что Аньес умерла от «поноса», то есть от приступа дизентерии. Трудно поверить, что опытнейший королевский доктор действительно мог так ошибиться и не заметить признаков отравления. К сожалению, дальнейшая судьба этого доктора нам не известна, а вопрос о его виновности так и остается в области догадок…

Глава вторая
Диана де Пуатье

Обладая практическим складом ума, Диана в первую голову пеклась о величии Короны, никогда не забывая при этом о собственных интересах.

ИВАН КЛУЛАС, современный французский историк

Сен-Валлье, Батарне, Пуатье и другие

9 января 1500 года у Жана де Сен-Валлье, виконта д'Этуаля, представителя дворянского рода Пуатье и любимца короля Франции Франциска I, родилась дочь, которую назвали красивым именем Диана. Ее мать, Жанна де Батарне, также происходила из весьма древнего рода, который по праву мог гордиться своим генеалогическим древом (ее отец был фаворитом короля Людовика XI).

Девочка, появившаяся на свет в самом начале нового века, никогда не забывала об этом. В этом факте ей виделось нечто знаменательное, сулившее счастливое будущее, но реальность поначалу оказалась не самой радужной. В шесть лет Диана потеряла мать. Отец занялся ее воспитанием, и она некоторое время развивалась как настоящий мальчишка: часами ездила верхом, много бегала и с легкостью выполняла различные физические упражнения.

Чуть позже она была отдана под присмотр Анны де Божё, строгой женщины, долгое время выполнявшей функцию регента при своем брате, короле Карле VIII (когда их отец, король Людовик XI, умер, Карлу было всего тринадцать лет, и Анна де Божё взяла опеку над ним, став практически настоящей королевой).

В 1498 году Карл VIII неожиданно умер, и его сменил на троне его родственник из рода Валуа Людовик XII. Ему было под сорок, и прямая необходимость в Анне де Божё отпала, но все равно дочь короля Людовика XI, даже удалившись в провинцию, продолжила играть важную роль в стране, и не считаться с ней было невозможно.

Брак с Луи де Брезе

16 апреля 1515 года в возрасте пятнадцати лет Диана вышла замуж за великого сенешаля Нормандии, Луи де Брезе, графа де Молеврие. Он был на сорок лет старше ее. Человек этот был тоже весьма известный, ибо его мать была дочерью короля Карла VII и его фаворитки Аньес Сорель. Родство с королем делало его завидной партией для Дианы, но и для Луи де Брезе этот брак сулил немалые выгоды, так как семейство де Пуатье достигло высокого положения при дворе Анны де Божё в Мулене и имело ощутимую поддержку коннетабля Шарля де Бурбона, кузена короля Франциска I.

Церемония бракосочетания состоялась в Париже во дворце Бурбонов и в присутствии короля Франциска I, только что вступившего на трон.

Новобрачная тут же была произведена во фрейлины матери нового короля и королевы Клотильды, дочери Людовика XII. Ее муж Луи де Брезе и отец Жан де Сен-Валлье вскоре после свадьбы отправились на войну в Италию, где оба «проявили доблесть и сделали все, что надлежит хорошим военачальникам и отважным предводителям храбрецов».

От брака Дианы и Луи де Брезе родились две дочери: Франсуаза и Луиза. Первая из них появилась на свет в 1518 году (она выйдет замуж за Роберта IV де Ля Марка, герцога Буйонского, и умрет в 1574 году); вторая — в 1521 году (она выйдет замуж за герцога д'Омаля и умрет в 1577 году). Историк Поль Лежён по поводу этих детей пишет:

> «Согласно нравам аристократии того времени, эти рождения ничуть не изменили жизнь Дианы: быстро переданные кормилицам и гувернанткам, дети имели с отцом и матерью лишь весьма эпизодические контакты».

Однако, несмотря на огромную даже по тем временам разницу в возрасте, сами супруги жили душа в душу. Таким образом, уже в цветущей юности Диана познала какой-то секрет, благодаря которому возраст перестал иметь для нее значение.

Отец-заговорщик

Мы уже знаем, что семейство де Пуатье было тесно связано с Шарлем де Бурбоном, кузеном короля Франциска I. В частности, отец Дианы Жан де Сен-Валлье был его соратником и очень гордился принадлежностью к его свите. Но Шарль де Бурбон мечтал о троне, и в августе 1522 года, отбросив последние колебания, перешел под покровительство Карла V и Генриха VIII, вынашивавших планы захвата Франции. Коннетабль заключил с врагами своей страны договор, согласно которому был обязан выставить против Франциска 500 всадников и 10 000 пехотинцев.

Французский король не знал о подробностях этого договора, но до него дошли слухи о предполагаемой женитьбе Шарля де Бурбона на сестре Карла V, и он высказал своему кузену все, что он по этому поводу думает.

Жан де Сен-Валлье, находясь при Шарле де Бурбоне, невольно участвовал во всех этих событиях и вдруг осознал, что суровые обстоятельства связали его со злейшим врагом Франции. Он попытался отговорить коннетабля, но тот ничего не желал слушать.

Как говорится, паны бранятся — у холопов чубы трещат. В 1524 году отец Дианы, считавшийся сообщником вероломного де Бурбона, был арестован и отдан под суд как заговорщик против короля. Совершенно очевидно, что в этом деле он стал главным козлом отпущения. Что такое суд в XVI веке, мы хорошо знаем: после «допроса» (то есть после пытки) кто угодно мог признаться в чем угодно. «Злокозненные намерения» отца Дианы были оценены весьма высоко, и приговором стала смертная казнь. Однако в самый последний момент, когда осужденного уже везли на знаменитую Гревскую площадь, где обычно происходили казни, пришло сообщение о помиловании. 10 апреля 1524 года Жан де Сен-Валлье был переведен в крепость Лош, где и провел весь остаток своей жизни. Там с ним обращались достаточно уважительно и даже позволяли принимать друзей.

Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом, в своей книге «Жизнь галантных дам» так излагает эту историю:

> «Я слышал рассказы о знатном вельможе, приговоренном к отсечению головы и уже возведенном на эшафот, как вдруг пришло помилование, добытое его дочерью, одной из первых придворных красавиц. И вот, сойдя с эшафота, он изрек не что иное, как такую фразу: «Да упасет Господь благое лоно моей дочери, столь

удачно меня вызволившее».

Мысль о том, что Диана де Пуатье спасла своего отца именно таким образом, потом многократно высказывалась различными авторами. В частности, Ренье де Ля Планш, автор «Истории Франции при Франциске II», писал так:

«В юные годы Диана ценой своей девственности купила жизнь отца, сеньора де Сен-Валлье».

Франсуа де Мезерей, автор еще одной «Истории Франции» и явный противник Валуа, писал о помиловании Жана де Сен-Валлье следующее:

> «Говорят, король предоставил оное после того, как взял у Дианы, его дочери, достигшей четырнадцати лет, самое драгоценное, что есть у девушки. Обмен весьма необременительный для того, кто ценит жизнь превыше чести».

Однако современный биограф Дианы де Пуатье Иван Клулас весьма скептически относится к подобным «свидетельствам». Он пишет:

> «Большинство более поздних биографов считают это клеветой, распространенной, вне всяких сомнений, протестантами. Тем не менее Виктор Гюго в драме «Король забавляется» подхватил досужие домыслы Брантома, де Ля Планша и Мерезея, раздув их пуще прежнего. Он сделал сердобольного де Сен-Валлье жертвой одиозного Франциска I, который «осквернил, заклеймил, вывалял в грязи, обесчестил и погубил Диану де Пуатье, графиню де Брезе». Историк Анри Мартен рискнул бросить тень сомнения. «Брезе, — пишет он, — первым разоблачил заговор. Мадам де Брезе, прекрасная, блестящая и ловкая Диана де Пуатье, сумела использовать эту услугу, чтобы повлиять на короля».

Приводя мнения еще целого ряда историков, Иван Клулас делает свой вывод:

> «Брезе не был снисходительным мужем. Разве его собственный отец не убил неверную супругу, хоть в той и текла королевская кровь? Великий сенешаль никогда не позволил бы жене ввязаться в авантюру, лишавшую чести как ее, так и его самого. И согласись Диана отдаться королю, уж наверняка сумела бы выпросить для отца

чего-нибудь получше, чем пожизненное заключение с конфискацией всего имущества».

Плененный король и его дети

В том же 1524 году умерла королева Клотильда, а в 1530 году Франциск I женился на принцессе Элеоноре, сестре своего злейшего врага Карла V, испанского короля из рода Габсбургов. Брак этот скреплял договор между долго воевавшими друг с другом Францией и Испанией, и тут необходимо сделать ряд пояснений.

Дело в том, что в 1519 году у короля Франциска I родился второй сын Генрих, будущий герой этой истории. В самом начале жизни судьба уготовила ребенку невероятное испытание. Весной 1524 года его отец проиграл испанцам битву при Павии, был два раза ранен и попал в плен. Условием освобождения стало согласие Франциска передать в заложники двух сыновей: старшего, принца-дофина Франсуа, и младшего, принца Генриха.

В плену Генрих, человек по природе слабый и робкий, провел пять лет. Его постоянно перевозили из одной кастильской крепости в другую, много унижали. Разумеется, память об этом времени навсегда сохранилась у него, и, вероятно, именно неволя сделала его необычайно мужественным человеком, бесстрашным воином, презиравшим опасность. Можно предположить, что уже в раннем детстве он понял, что есть вещи пострашнее смерти.

Брак, заключенный его отцом, вернул Генриху свободу. Вернувшись в Париж, он был ослеплен его блеском; несчастный юноша никак не мог привыкнуть к своему новому положению и страшно комплексовал по этому поводу.

Вдова великого сенешаля Нормандии

23 июля 1531 года Диана де Пуатье овдовела (ее муж долго болел и скончался в возрасте семидесяти двух лет). Ей в то время был тридцать один год, и она обставила похороны с невероятной пышностью, пожелав извлечь из своего нового положения максимальную выгоду. Она была теперь фрейлиной при дворе королевы Элеоноры, а Франциск I даровал ей право распоряжаться всем имуществом своего покойного мужа и взимать с него налоги. Это означало, что Диана была теперь полностью свободна и очень богата.

Иван Клулас по этому поводу пишет:

> «Диана всей душой окунулась в купель честолюбивых помыслов. Отныне ей предстояло выйти из тени, где эта женщина осмотрительно держалась подле мужа, и в одиночестве вести сражение при ярком свете дня, дабы завоевать среди придворных первое место».

«Просвещение» юного Генриха

В октябре 1533 года принц Генрих, освобожденный из испанского плена, женился на дальней родственнице[4] Дианы де Пуатье Екатерине, дочери герцога Лоренцо де Медичи, который, в свою очередь, был внуком Лоренцо Великолепного и племянником Римского папы Льва X. Как все браки европейских монархов, это был чисто династический союз. О любви не могло быть и речи, по крайней мере в то время, когда четырнадцатилетний Генрих стал мужем. Да и мнением его ровесницы Екатерины тоже никто и не подумал поинтересоваться.

Брак был заключен в обстановке роскоши, достойной Валуа и Медичи.

Не прошло и года, как при дворе начались интриги, вызванные тем, что супруга дофина никак не могла произвести на свет ребенка. Предполагаемое «бесплодие» жены наследника привело к тому, что любовница Франциска I, герцогиня д'Этамп, в объятиях которой король находил утешение в то время, когда его сыновья были в плену, заговорила о неудачном браке. И надо сказать, слова ее не прошли незамеченными, ибо в те времена они имели силу почти закона.

Огромную заинтересованность в появлении наследника проявлял и папа римский папа Климент VII. По словам Ги Бретона, «ему хотелось уверенности в том, что этот союз будет нерасторжим и что Франциск I не сможет при желании вернуть ему Екатерину по причине «несостоявшихся интимных отношений». Он даже решил не покидать Францию, пока не получит точного подтверждения успешности своих замыслов, но, увы, Генрих старался изо всех сил, но у молодых ничего не получалось, и опасения папы все росли и росли.

Наконец, после длительных и напрасных ожиданий, Климент VII с печалью в сердце уехал. Прежде чем взойти на палубу корабля, он навестил Екатерину Медичи и дал ей последний совет:

— Умная женщина никогда не останется без потомства.

В ответ Екатерина лишь тяжело вздохнула. Мало того, что она вынуждена была оказаться в постели практически неизвестного ей человека, так и долгожданный ребенок никак не желал появляться, несмотря на предсказания астрологов, уверявших, что у нее будет десять детей, а сама она будет королевой Франции.

И вот тут-то из тени и вышла вдова великого сенешаля Нормандии Диана де Пуатье.

Говорят, Генрих был настолько робок в отношениях с женщинами, что его отец сам поручил Диане миссию «просветить» его. Миссию эту она приняла слишком близко к сердцу и очень скоро заняла при Генрихе пост одновременно матери, любовницы и доверенного лица. По определению Ивана Клуласа, «отношения между Дианой и дофином удивительно продвинулись». По всей видимости, под «продвинувшимися отношениями» следует понимать то, что несчастный дофин бесконечно доверял Диане, а также был очарован ее умом и красотой. Этому почти ребенку была очень важна поддержка такой женщины. Потом он увлекся, а Диана лишь «поощрила его к дальнейшим дерзаниям», открыв для него безмерную притягательность женской красоты и душевность, которых юноша не знал и не мог знать. Кстати сказать, именно Диана сумела убедить Генриха в том, что Екатерина — любящая супруга, а все разговоры о ее бесплодии — это всего лишь лживые наветы. Таким образом, она не только предотвратила назревавшие раздоры в королевской семье, но и даже сделала Екатерину Медичи своей союзницей, чтобы вместе с ней противостоять многочисленным дворцовым интригам. Могла ли Екатерина знать, что это было всего лишь начало…

Генрих становится наследником престола

12 августа 1536 года произошло знаменательное и одновременно с этим страшное событие. Старший брат Генриха принц Франсуа внезапно умер, и Франциск I объявил дофином, то есть наследником престола, своего младшего сына. Отметим, что Франсуа умер при таких странных обстоятельствах, что его итальянский виночерпий, обвиненный в том, что подлил яд в его стакан, был приговорен к смерти путем четвертования. Многие говорили, что в смерти принца была повинна Диана, которая и приготовила ему яд, но это так никогда и не было доказано, ибо невозможно (или, вернее, крайне сложно) убедительно доказать то, чего не было.

Екатерина Медичи, почувствовав, что ее мечта стать королевой Франции близка к осуществлению, несколько расслабилась и начала вести при дворе блестящую жизнь, полную удовольствий. Маленькая итальянка очень нравилась Франциску I, оценившему ее привлекательность, ум и культуру. Король не уставал восхищаться этой юной особой, которая изучала греческий и латынь, интересовалась астрономией и математикой, сопровождала его на охоте и нисколько не краснела, слушая фривольные анекдоты, которые он так любил рассказывать. В ответ она разделила его страсть к архитектуре, скульптуре, с энтузиазмом участвовала в строительстве многих замков в Иль-де-Франсе или на берегах Луары. Ко всему прочему, она принимала участие, как достойная наследница итальянского Ренессанса, в увлечениях короля и его сестры Маргариты Наваррской новыми идеями Эразма Роттердамского.

Улыбающаяся, мягкая и обходительная, она умела привлекать к себе людей. Конечно, Екатерина не была красива, но благодаря уму она, по словам Ги Бретона, «умела заставить забыть о своем круглом лице и толстых губах и обратить внимание на красивые ноги». С этой целью она придумала особый способ садиться на лошадь. Если женщины той эпохи взбирались на своих иноходцев боком, вставая ногами на специальную подставку, дофина для этого вставляла левую ногу в стремя, а затем заносила правую ногу на седло, то есть садилась «амазонкой». Король во время выездов на охоту глаз не мог отвести от икр своей невестки.

Бурное развитие романа

Пока Екатерина Медичи демонстрировала свои ножки, ее муж Генрих, которому новый титул также придал чуть больше уверенности, продолжал усердно ухаживать за Дианой де Пуатье.

Его верность Диане действительно поражала. По словам Майкла Фарквара, она «совершенно очаровала Генриха, несмотря на то что годилась ему в матери. Она оказалась абсолютной противоположностью его тошнотворно скучной жене, неказистой итальянке Екатерине Медичи». И наследник престола, не знавший ничего, кроме неумелых ласк жены и мимолетных объятий маркитанток во время частых военных экспедиций, продолжал носить цвета Дианы, называл ее своей «дамой» и засыпал страстными поэмами, над которыми корпел целыми ночами.

Строгая вдова, вот уже несколько лет не снимавшая траура и взиравшая на мужчин с полным безразличием, была взволнована и, как пишет один историк, «почувствовала сильный жар, неодолимое влечение и острое желание мужских ласк». Это привело Диану в прекрасное расположение духа и побудило приступить к диалогу с Генрихом уже с новых позиций. Проявляя изощренную ловкость, она постепенно распалила чувства дофина до самой крайней степени, представая перед ним попеременно кокетливой и по-матерински заботливой, влекущей и любящей.

Бедный юноша лишился сна и аппетита. Печальный и погруженный в меланхолию, он теперь жил, не отрывая взора от своей ненаглядной Дианы.

Ему было девятнадцать, ей около сорока, то есть она была почти на двадцать лет старше него. Герцогиня д'Этамп полагала, что такая разница окажется убийственной и вскоре приведет к падению вознесенной к подножию трона красавицы.

Следует отметить, что эти тщеславные женщины от всей души ненавидели друг друга. Диана всегда рада была принять под свое покровительство противников герцогини д'Этамп, а та с таким же удовольствием покровительствовала всем врагам Дианы. Соответственно, весь двор разделился на две партии, благодаря соперничеству двух женских властей. Благосклонность этих двух женщин обещала много выгод, и понятно, что вся придворная молодежь с жадностью ловила их суждения, горячо принимая к сердцу их ссоры. И все же Диане, владевшей сердцем Генриха, удалось взять верх над женщиной, которую любил Франциск I, но которая не отличалась большим постоянством. В результате наградой Диане стала сладчайшая из побед.

С ее ослепительной красотой не могла сравниться ни одна

дама при дворе. Вот что пишет по этому поводу знаток всех придворных тайн Ги Бретон:

> «В эпоху, когда тридцатилетние женщины считались старухами, подобная свежесть казалась поразительной, чтобы не сказать вызывающей, и многие считали, что она принимает приворотные зелья. А между тем секрет ее был прост: она вставала ежедневно в шесть утра, принимала холодную ванну, затем совершала верховую прогулку по окрестным местам, к восьми утра возвращалась домой. Дома снова ложилась в постель, принимала легкий завтрак и, лежа в постели, читала до полудня. Она никогда не употребляла ни пудру, ни кремы, ни даже губную помаду, которая могла лишить губы свежести».

Кончилось все тем, что и сама Диана, пораженная пылкостью дофина, влюбилась в него. Искренняя преданность этого юноши, на глазах обретавшего уверенность в ее крепких и ласковых объятиях, в значительной степени тешила ее женское самолюбие. Что же касается Генриха, то его эта связь просто преобразила, превратив в восторженного школяра. Именно тогда из детского озорства он собственноручно изобразил монограмму, которая вроде бы представляла собой символ его брака с Екатериной Медичи: на самом же деле все буквы в ней были начертаны таким образом, что превращались в «Д», первую букву имени Дианы. Вскоре эта монограмма появилась на его личном оружии, потом на всех его замках и даже на королевской мантии. Это и в самом деле было венцом двусмысленности, однако время очень скоро покажет, что муж, жена и любовница и в реальной жизни окажутся неразделимы.

А пока же молодой Генрих, покорившись умной и опытной любовнице, очень быстро потерял голову и попал под ее полное влияние. По определению Ивана Клуласа, «любовница дофина умела весьма ловко пускать в ход припрятанные козыри». Самое смешное, что и король Франциск I все заметнее стал подчеркивать свое расположение к фаворитке сына и дошел до того, что стал публично интересоваться ее мнением о государственных делах. И вскоре она уже присутствовала на королевском Совете. Очаровательная Диана всерьез поверила, что она уже стала почти королевой Франции. Все вокруг боялись ее и унижались перед ней.

«Проблема бесплодия» решена

Екатерину Медичи страшно волновал вопрос о рождении наследника. Впрочем, беспокоил он всех без исключения членов королевской семьи. Вначале, как это обычно и бывает, подозрения пали на воспитанную в Ватикане Екатерину. Колдуны стали предлагать ей испробовать пепел сожженной лягушки и мочу мула, заячью кровь, смешанную с вытяжкой из вымоченной в уксусе задней левой лапки ласки. Другие «специалисты» советовали постоянно носить пояс из козьей шерсти, омытой молоком ослицы… Дофина соглашалась на все, но все было бесполезно.

На самом деле причина стерильности пары заключалась не столько в Екатерине, сколько в ее супруге. Когда же тот набрался мужества и отдал себя в руки хирурга, Екатерина в январе 1544 года родила его первого ребенка, сына, которого назвали Франсуа.

Говорили, правда, что действенное средство пришло не от хирурга, а от Дианы де Пуатье, принимавшей самое активное участие в брачных делах дофина. Зачем ей это было нужно? Все очень просто: самой большой опасностью для Дианы была угроза развода Генриха (новая жена могла положить конец ее влиянию на него), а избавиться от нее можно было, лишь навсегда покончив с «проблемой бесплодия».

В результате Диана, по словам Майкла Фарквара, ежевечерне «ненавязчиво выталкивала короля из своей постели» и отправляла в супружескую спальню, снабдив его множеством полезных советов… Возможно, они были излишне акробатическими, но зато очень эффективными. Помощь вдовы великого сенешаля Нормандии оказалась так плодотворна, что со временем, став королем, Генрих назначил ей огромное вознаграждение «за добрые и пользительные услуги, оказанные ранее королеве».

После рождения Франсуа беременности следовали одна за другой с большой регулярностью: всего у Екатерины родилось десять детей (как и предсказывали астрологи), из которых семь выжили, и среди них были три будущих короля и две будущие королевы.

Едва родившись, дети уходили от забот матери, от ее присмотра, так как отец поручал их своей любовнице, которая должна была заниматься их образованием. Екатерина между тем оставалась матерью униженной, постоянно беременной, но внимательной к малейшим событиям в жизни своих чад.

Генрих «разошелся» так, что у него появились и внебрачные дети. Это факт, как говорится, исторический. В Италии, например, он имел связь с некоей Филиппой Дучи, и та родила ему девочку, которую Генрих распорядился привезти во Францию и тоже передать на воспитание Диане. Недоброжелатели тут же распространили слух, что матерью этой незаконнорожденной девочки была… сама вдова великого сенешаля Нормандии.

Благодеяния короля Генриха II

Через три года после рождения первого сына дофина, 31 марта 1547 года, смерть короля Франциска I изменила судьбу участников всей этой истории. Пятидесятитрехлетний король скончался, и его место на троне занял Генрих, провозглашенный королем Генрихом II.

Его коронация обернулась триумфом Дианы де Пуатье, вознесенной при новом дворе к заоблачным вершинам. Теперь она присутствовала на всех праздниках, театральных постановках и пирах. Генрих осыпал ее бесценными подарками: к самым завидным драгоценностям Короны он присовокупил и огромный бриллиант, с трудом вырванный у поверженной фаворитки умершего короля, герцогини д'Этамп. Кроме того, Диане достались и все ее замки, а также парижский особняк некогда строптивой соперницы.

Спустя три месяца после смерти отца Генрих II подарил своей возлюбленной замок Шенонсо, волшебную красоту которого нельзя описать, ибо это может быть под силу лишь поэтам.

Вскоре Диане была оказано еще одно, дотоле неслыханное благодеяние. В соответствии с традицией при смене царствования должностные лица обязаны были платить огромный налог «за подтверждение полномочий». По различным оценкам, этот чрезвычайный налог составлял от 100 000 до 300 000 экю. На сей раз этот золотой дождь пролился не на королевскую казну, а на Диану де Пуатье. Мало того, отныне она должна была получать и часть налога на колокола и колокольни. Этот жест короля только в первый год принес Диане еще более 500 000 ливров[5].

При всем при этом Диана страдала оттого, что не может занять место, которое соответствовало бы ее истинному могуществу. Ей хотелось получить собственный титул. Генрих понял это, и на следующий год после коронации она получила титул герцогини де Валентинуа. А еще он аннулировал вердикт, согласно которому в свое время было конфисковано имущество ее отца, и эти земли, соединившись с землями Валентинуа, стали приносить Диане еще большие денежные поступления.

Все герцоги королевской крови были возмущены тем, что дочь какого-то де Сен-Валлье по своему достоинству была поднята до уровня королевской династии. Фаворитка, подписывавшаяся отныне «Диана де Пуатье, герцогиня де Валентинуа, дама де Сен-Валлье», стала еще более ненавистной, чем когда-либо. Один из завидовавших ей тогда написал:

«Невозможно выразить, какого величия и всемогущества достигла герцогиня де Валентинуа. Вот когда все пожалели о мадам д’Этамп».

Ревность Екатерины Медичи

Екатерина Медичи, внешне всегда сдержанная и невозмутимая, безумно ревновала короля к неувядающей Диане. Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом, в своей книге «Жизнь галантных дам» приводит один эпизод, героев которого узнать несложно. Вот он:

«Один из владык мира сего крепко любил очень красивую, честную и знатную вдову, так что говорили даже, будто он ею околдован <…> Сие изрядно сердило королеву. Пожаловавшись на такое обращение своей любимой придворной даме, королева сговорилась с ней дознаться, чем так прельщает короля та вдова, и даже подглядеть за играми, коими тешились король и его возлюбленная. Ради того над спальнею означенной дамы было проделано несколько дырочек, дабы подсмотреть, как они живут вместе, и посмеяться над таким зрелищем, но не узрели ничего, кроме красоты и изящества. Они заметили весьма благолепную даму, белокожую, деликатную и очень свежую, облаченную лишь в коротенькую рубашку. Она ласкала своего любимого, они смеялись и шутили, а любовник отвечал ей столь же пылко, так что в конце концов они скатились с кровати и, как были, в одних рубашках, улеглись на мохнатом ковре рядом с постелью <…> Итак, королева, увидев все, с досады принялась плакать, стонать, вздыхать и печалиться, говоря, что муж никогда так с ней не поступает и не позволяет себе безумств, как с этой женщиной. Ибо, по ее словам, между ними ни разу подобного не было. Королева только и твердила: «Увы, я пожелала увидеть то, чего не следовало, ибо зрелище это причинило мне боль».

Годы спустя сеньор де Брантом не переставал восхищаться преданностью «величайшего суверена, так пылко любившего знатную вдову зрелых лет, что покидал и жену, и прочих, сколько бы ни были они молоды и красивы, ради ее ложа». Но к тому он имел все основания, ибо это была одна из самых красивых женщин, какие только рождались на свет. По словам Ги Бретона, «ее зима, несомненно, стоила дороже, чем весны, лета и осени других».

В результате Екатерина жила в мире, все предметы которого носили зримый или тайный отпечаток любви ее мужа к Диане де Пуатье. Гобелены, драпировки, обивка мебели, охотничьи флажки, посуда — все было украшено ее вензелями или аллегорическими картинами из жизни античной богини Дианы. Королева все видела, все знала, но изменить происходившее было не в ее власти. Тем более что советы Дианы не пропали даром —

на свет стали появляться многочисленные наследники, и за это следовало быть благодарной именно ей.

Диана всегда присутствовала при рождении королевских детей, всегда лично выбирала для них кормилиц, решала, когда ребенка пора отнимать от груди, следила за порядком в замках, которые она подыскивала для летнего или зимнего пребывания царственных птенцов.

К сожалению, королевские дети часто болели, и Диана мигом приказывала привести врачей, раздобыть необходимые лекарства. Но состояние здоровья Дианы беспокоило короля Генриха ничуть не меньше. Вот что писал он своей драгоценной возлюбленной, узнав, что она нездорова:

> «Любовь моя, умоляю вас написать мне о вашем здоровье, так как, услышав, что вы больны, пребываю в великой горести и не ведаю, что предпринять. Если вам по-прежнему плохо, я не хотел бы манкировать долгом вас навестить, дабы служить вам, как обещал, и еще потому, что для меня невозможно жить, столь долго не видя вас».

Тайные увлечения короля

Каким же он был в жизни, этот человек, который был неспособен жить вдали от своей Дианы? По всей видимости, это был человек незаурядный в самом прямом смысле этого слова. Венецианский посол Лоренцо Контарини, описывая Генриха, которому в ту пору было тридцать три года, говорил, что он был высок и в меру плотен, волосом черен, что у него красивый лоб, живые темные глаза и борода клинышком. Вот продолжение его описания:

> «Сложения он могучего, а потому большой любитель телесных упражнений… Короля отличает столь явная природная доброта, что в сем отношении с ним невозможно сравнить ни одного принца, даже если поискать такового во временах крайне отдаленных… Никто не видит его в гневе, разве что иногда во время охоты, когда приключится нечто досадное, да и то король не употребляет грубых слов. А потому можно сказать, что благодаря своему характеру он и впрямь очень любим…»

Изменял ли он хозяйке своего сердца Диане? Конечно, изменял. Такие уж были времена, и иначе рассказ об этой великой страсти был бы неправдоподобен. Но измены Генриха были так мимолетны, и он так тщательно скрывал их от Дианы, что они кажутся капризом пресытившегося подарками ребенка.

Наиболее известна история с гувернанткой маленькой королевы Шотландии, вошедшей в историю под именем Марии Стюарт. Та вместе со своей наставницей Джейн Флеминг жила в замке Сен-Жермен-ан-Ле, где на полтора месяца остановился во время своих многочисленных путешествий Генрих II.

Белокурая Джейн Флеминг была очень хороша собой, а Диана даже и не помышляла о том, что у нее появилась соперница. Однако «доброжелатели» донесли ей, что происходит в замке Сен-Жермен-ан-Ле. Диана тайком прибыла туда, и когда Генрих подошел к порогу комнаты Джейн, неожиданно предстала перед ними.

— Ах, сир, — воскликнула она, — куда это вы идете? Какое оскорбление наносите вы королеве и своему сыну…

Генрих растерялся и стал что-то лепетать в свое оправдание. Екатерине Медичи, должно быть, стало бы смешно, если бы она узнала, как ее собственная соперница защищала ее честь на

пороге комнаты Джейн Флеминг. Король же так дорожил обществом Дианы, что выдержал целую лавину упреков, попросил прощения и постарался срочно загладить свою вину. Однако вскоре Джейн Флеминг родила сына, которого назвали, разумеется, Генрихом.

Король по-прежнему продолжал ежедневно навещать Диану, советовался с ней обо всем, что его беспокоило, королева по-прежнему была с ней в самых приятных отношениях, и, как писал один мемуарист, это было справедливо, поскольку «по настоянию герцогини король спал в супружеской постели куда чаще, чем делал бы это по собственной воле». Однако после истории с Джейн Флеминг Генрих II стал более осмотрительным и уже старался тщательно скрывать свои сторонние увлечения. Как говорят, в случае, если он собирался ночевать в чужой постели, его всегда сопровождал доверенный лакей Пьер де Гриффон. Добравшись до места, Генрих ставил у двери преданного Гриффона, так что застать его врасплох было невозможно.

Жизнь втроем

Разумеется, экстравагантное поведение короля очень скоро начало вызывать порицание со стороны некоторых независимых политических деятелей, например иностранных послов. В частности, Альваротто, представитель герцога Феррарского в Париже, писал:

> «Относительно Его Величества можно сказать, что все его мысли заняты игрой в мяч, изредка охотой и постоянно ухаживанием за вдовой сенешаля: все свободное время днем, после завтрака, и вечером, после обеда, а это в среднем не меньше восьми часов в день, он проводит с ней. Если ей случается находиться в комнате у королевы, он посылает за ней. Дело дошло до того, что все вокруг сетуют на это и отмечают, что он ведет себя еще хуже, чем покойный король… Все сходятся на том, что Его Величество даже не понимает, что его, как здесь говорят, водят за нос».

Екатерине Медичи было тяжело. После длительного «бесплодия» она теперь что ни год производила на свет очередного принца или принцессу. Ее муж беспардонно пользовался этим, чтобы вполне официально устранить супругу от всех церемоний. Так как Екатерина теперь практически постоянно находилась «в ожидании счастливого прибавления», Генрих II жил в свое удовольствие, что никого и не удивляло.

По вечерам, после обеда, который они обычно проводили втроем, король подчеркнуто учтиво обращался к жене:

— Вы, наверное, утомились, мадам. Поэтому не хочу принуждать вас оставаться с нами. Ступайте, отдохните…

И королева, внутри себя кипя негодованием, поднималась из-за стола и отправлялась в свои покои, не произнеся ни слова, но при этом, по словам мемуариста, «как бы невзначай, по неловкости ударяя то там, то сям ногой по встречающейся на пути мебели».

После ее исчезновения король вставал и вместе с Дианой отправлялся в покои фаворитки.

Знаток альковных похождений французских королей Ги Бретон приводит следующий пример:

> «Эта развязная манера держаться друг с другом на людях, возможно, покоробит наше сегодняшнее

представление о стыдливости. Однако в XVI веке все было иначе, особенно при дворе, где жизнь короля не была тайной ни для кого. Мемуарист тех лет сообщает очень пикантный анекдот. Как-то вечером, когда Генрих II по обыкновению находился в покоях Дианы де Пуатье, вместе с несколькими друзьями, «в нем внезапно вспыхнул огонь желания, который сжигал его и заставил увести герцогиню де Валентинуа в постель».

Хорошо воспитанные друзья, притворившись, что ничего не замечают, продолжали сидеть у камина и беседовать. Время от времени из темного угла, где стояла кровать фаворитки, доносились разные шумы, но никто не позволил себе прислушиваться. Но вдруг раздался какой-то треск, потом стук. В пылу любовных сражений любовники сломали кровать, и герцогиня свалилась в пролом.

Все присутствующие бросились на шум. Диану едва отыскали на ощупь и вывели, красную от смущения, на свет. Что касается короля, то у него просто не было времени навести порядок в своей одежде, и весь его вид был далек от величественности.

К счастью, Диане хватило тонкого вкуса расхохотаться, разрядив тем самым атмосферу… Эта история несколько дней развлекала двор, и королева, конечно, тоже о ней узнала».

Жизнь втроем продолжалась. Король, по словам того же Ги Бретона, «докладывал Диане о текущих государственных делах, интересовался ее мнением о проекте нового налога, о содержании готовящегося очередного договора или об ответе, который следует дать иностранному дипломату, и вся эта дискуссия длилась зачастую больше часа. Потом все немного отдыхали».

Бедная Екатерина! Безумно влюбленная в короля, она в конце концов сблизилась с Дианой и установила с ней почти дружеские отношения. Диана, в свою очередь, воспользовалась этим, чтобы утвердиться еще больше. Обе женщины продолжали улыбаться и ломать комедию, изображая искреннюю дружбу. А между тем не было, казалось, такого унижения, которого королеве удалось бы избежать. Даже в день ее коронации Диана стояла рядом с ней в отороченной горностаем пелерине, и со стороны не всякий бы угадал, кто из них королева. А во время самой церемонии корона оказалась слишком тяжела для королевы, и одна из дочерей Дианы сняла ее с головы Екатерины и положила у ног своей матери на бархатную подушечку…

Королева и бровью не повела. Казалось, ее ничего не трогает. Однако на самом деле вынужденная терпеть такие унижения, наблюдая, как вертит ее мужем эта надменная фаворитка,

Екатерина не находила себе места от бессильной злобы. Ее настоящее отношение к самозванке скрыть было сложно. Как-то раз Диана невинно спросила Екатерину:

— Что вы читаете, сударыня?

— Я читаю историю Франции, — невозмутимо ответила Екатерина, — и обнаружила, что во все времена шлюхи управляли делами королей.

Страшного скандала с непоправимыми последствиями удалось избежать лишь чудом.

Почти тридцать лет спустя Екатерина Медичи писала одной из своих дочерей:

> «Я радушно принимала мадам де Валентинуа, ибо король вынуждал меня к этому, и при этом я всегда давала ей почувствовать, что поступаю так к величайшему своему сожалению, ибо никогда жена, любящая своего мужа, не будет любить его шлюху».

Последнее слово королева объясняла даже с некоторым юмором:

> «Потому что называть ее иначе невозможно, как бы особам нашего положения ни было тягостно произносить подобные слова».

Последний поединок короля

В 1552 году в Венеции были опубликованы предсказания известного астролога, который рекомендовал Генриху проявить особую осторожность, когда ему исполнится сорок лет, потому что именно в это время ему будет угрожать тяжелое ранение в голову. Причиной ранения астролог назвал дуэль, но тогда предсказание это вызвало лишь насмешку, так как у королей дуэлей не бывает.

Екатерина была очень суеверна, как, впрочем, и Диана. Изготовили амулеты-обереги, Екатерина постоянно молилась о здравии короля, но сам король лишь беспечно отмахивался от всевозможных предостережений.

28 июня 1559 года начались празднования по случаю обручения сестры короля Маргариты Французской. По этому поводу решили устроить пятидневный турнир, и Генрих II объявил, что готов сразиться с любым противником, будь то принц голубых кровей, странствующий рыцарь или простой оруженосец.

Первые два дня король без устали сражался со всеми желающими, его приветствовали криками восторга, а с королевской трибуны на него смотрели королева Екатерина и герцогиня Валентинуа, сидевшие рядом.

Утром 30 июня Генрих надумал сразиться с молодым графом Габриэлем де Монтгомери. Ночью Екатерина видела ужасный сон: король с окровавленной головой лежит бездыханный… Она пыталась удержать мужа, однако тот не желал отказываться от любимой забавы. Все знали, что сражается он великолепно, да и сам Монтгомери говорил всем, что преимущество на стороне короля…

В полдень Генрих II вышел на поединок. Его одежда была, как обычно, двухцветная, черно-белая, это были цвета Дианы де Пуатье. Всадники скрестили копья, но и после трех поединков исход состязания оставался неясен. Согласно правилам турнир надо было завершать, однако король потребовал еще одного поединка. Это было нарушением традиции, но Генрих крикнул, что во что бы то ни стало намерен отыграться.

Он пришпорил коня и ринулся на противника. Копья скрестились и разлетелись в щепки. Гибкий граф де Монтгомери удержался в седле, а вот король вдруг пошатнулся в седле и упал. Оказалось, что случайно отлетевший наконечник копья его противника пробил ему лоб прямо над правой бровью. Через несколько дней Генрих II скончался. Ему было именно те самые

предсказанные астрологом сорок лет. Двенадцать из них он правил Францией, и, по словам биографа Дианы де Пуатье Ивана Клуласа, «с полным основанием можно сказать, что Диана царствовала вместе с ним».

Конец Дианы де Пуатье

Генрих II умер 10 июля 1559 года. После этого Екатерина взяла на себя роль безутешной вдовы, навсегда одевшись во все черное. Но, как выяснилось, это было лишь затишье перед бурей.

Уже вечером 8 июля во дворец Дианы явился офицер и от имени королевы потребовал, чтобы герцогиня вернула все драгоценности Короны, подаренные Генрихом своей фаворитке.

— Что это значит? — удивилась Диана. — Разве король умер?

— Нет, мадам, — ответил офицер, — но это не замедлит произойти с минуты на минуту.

Диана все поняла, но сдаваться не собиралась.

— Тогда передайте тем, кто вас послал, — заявила она, — что пока в нем теплится хоть капля жизни, я хочу, чтобы мои недруги знали, что я их нисколько не боюсь и не покорюсь. Отвага моя еще не сломлена. Но когда он умрет, любые гонения будут мне сладостны по сравнению с моей потерей…

Когда короля не стало, Диана, не строя себе никаких иллюзий, добровольно отослала драгоценности Короны Екатерине Медичи, а та прилюдно объявила:

— Я желаю, чтобы матушка Пуатье никогда больше не появлялась при дворе.

Диана и сама понимала, что теперь ей лучше будет жить подальше от Парижа, и быстро уехала в одно из своих многочисленных поместий. Без короля ей нечего было рассчитывать на чью-либо поддержку, но королева не оставила ее в покое и в провинции. Она потребовала, чтобы ей было возвращено и принадлежавшее Короне недвижимое имущество, в том числе и прекрасный замок Шенонсо.

Но тут Диана сумела постоять за себя. Когда-то Генрих подарил ей этот замок, но зная, что в любой момент новый правитель может потребовать его возвращения, она продала Шенонсо, после чего сама же его и купила. Потом она десять лет добивалась в суде исключения Шенонсо из числа королевских владений, и ей это удалось. Таким образом, теперь она была законной владелицей замка.

«Мадам Змеюка», как называли королеву французы, поняла, что проиграла, но упрямства ради предложила сопернице обменять Шенонсо на замок Шомон. И Диана, не задумываясь, согласилась. Это была ее последняя победа, поскольку общая стоимость владений в Шомоне была намного выше стоимости владений в Шенонсо.

После этого, покинутая почти всеми своими друзьями, Диана

де Пуатье затворилась в своем замке, и с тех пор о ней никто ничего не слышал. Страница многолетнего унижения была перевернута. Теперь Екатерина Медичи не была больше зависимой женой-посмешищем, она была настоящей первой дамой королевства.

Оставшись одна, Диана не стала огорчаться. Вот что пишет о ее настроениях Иван Клулас:

> «Этой рассудительной и практичной особе было в общем не на что особенно жаловаться. Шестьдесят лет непрерывного восхождения к счастливой жизни сделали Диану такой, какой она мечтала стать в юности: сказочно богатой герцогиней, связанной с первыми домами королевства и благодаря этому если не могущественной, то, по крайней мере, менее уязвимой».

Легендарное здоровье сулило ей еще очень долгую жизнь. Очевидцы рассказывали, что герцогиня не знала болезней и даже в самую холодную погоду умывалась водой из колодца. Она приучила себя вставать в шесть часов утра, садиться на лошадь и в сопровождении своих гончих собак проезжать две-три мили, после чего возвращаться домой и до полудня проводить время в постели с книгой. Но, как говорится, человек полагает, а Бог располагает. По мнению Поль Лежён, «она стала жертвой своей страсти к верховой езде». Летом 1565 года Диана упала с лошади в Орлеане и сломала себе ногу. Несчастный случай спровоцировал болезнь, и 26 апреля следующего года она тихо умерла. Ей в ту пору было шестьдесят шесть лет. Успела ли она по-настоящему состариться? Скорее всего, обожавший ее король Генрих II ответил бы на этот вопрос отрицательно.

Умерла прекрасная Диана де Пуатье в своем замке Анэ. В церкви этого замка ей поставили памятник — статую из белого мрамора. Статуя эта теперь находится в музее Лувра.

Глава третья
Анна Болейн

Стоит несколько раз попробовать запретный плод, как он теряет свой притягательный аромат. То же самое случилось и с Анной Болейн. Генрих безжалостно отверг ее, не получив желанного наследника. Ведь сын был нужен ему гораздо больше, чем сама фаворитка с ее прелестями.

МАЙКЛ ФАРКВАР, современный американский писатель, историк

Девушка из Бликлинг-Холла

Ученые до сих пор спорят о точной дате рождения Анны Болейн. Разные источники указывают года от 1501 до 1507, однако 1507 год встречается чаще всего, и его-то мы и будем считать отправной точкой ее трагической истории.

Отцом Анны был вельможа короля Генриха VIII, сэр Томас Болейн, граф Уилтширский и Ормондский, человек не слишком знатный, но сумевший сделать стремительную карьеру при дворе. Мать Анны, леди Елизавета Болейн (урожденная Ховард), дочь Томаса Ховарда, герцога Норфолкского, напротив, происходила из очень старинного рода.

Фамилия Анны также имеет несколько вариантов транскрипций: в различных источниках ее называют и Болен, и Булен (в основном это делают итальянцы и французы), но правильнее всего именовать ее все же Болейн, так, по крайней мере, она сама писала свою фамилию, и мы не можем не признавать этого в полной мере исторического факта.

Анна родилась в особняке Бликлинг-Холл в графстве Норфолк. Здесь же у Болейнов родились еще двое детей: дочь Мария в 1503 году и сын Джордж в 1505 году. Сэр Томас неоднократно ездил во Францию по поручениям своего короля: он использовался как дипломат, а потом стал там послом Англии. Поговаривали, что его жена, на которой он в свое время так удачно женился, приглянулась семнадцатилетнему Генриху VIII (тогда еще принцу Уэльскому), и что он не только не препятствовал, но даже способствовал этому первому знакомству юноши с настоящим женским телом, доказав тем самым будущему королю свою безграничную преданность и заложив прочный фундамент своих будущих успехов. Во всяком случае, при коронации Генриха VIII он уже был оруженосцем короля, кавалером очень почетного ордена Бани (order of the Bath)[6], а также был возведен в графское достоинство. Разбогатев, сэр Томас через некоторое время купил в соседнем графстве Кент красивый замок Хевер с прудом под самыми окнами[7].

Анна получила обычное для того времени и ее положения домашнее образование. Образование это можно даже считать прекрасным (насколько это представлялось возможным в Англии XVI столетия), но для честолюбивого отца этого было недостаточно — его навязчивой идеей стала придворная карьера дочери и ее выгодный брак. Впрочем, относилось это и к ее старшей сестре Марии.

Отъезд в Париж

Образование девушек было решено продолжить в Париже. В 1514 году маленькую Анну и ее сестру отправили во Францию в составе свиты принцессы Марии Тюдор, сестры короля Генриха VIII: Мария должна была выйти замуж за французского короля Людовика XII.

В том же 1514 году Мария стала женой Людовика XII, но не прошло и трех месяцев, как тот умер, и овдовевшая Мария возвратилась в Англию. Несмотря на это, Анна Болейн еще несколько лет жила во Франции — при дворе нового короля Франциска I. Она находилась в свите его жены Клотильды (дочери покойного короля Людовика XII), которая полюбила ее за живость характера и миловидность. Отметим, что практически все историки сходятся на том, что красавицей Анна никогда не была, однако она была изящно и дорого одета, неподражаемо танцевала и была не в пример многим ее сверстницам умна, что очень нравилось королеве Клотильде. Среди немногих, кто называет ее красавицей, можно отметить Майкла Фарквара, который называет Анну «прекрасной леди с лебединой шеей».

Итак, несколько лет своей юности Анна Болейн провела во Франции, при в высшей степени куртуазном дворе, где она не только постигала всевозможные науки и искусства, но и совершенствовалась в тонкостях великосветского флирта.

После смерти Клотильды Французской в 1524 году Анна перешла фрейлиной к сестре короля герцогине Алансонской.

Возвращение в Англию

В 1525 году отношения Франции и Англии совсем испортились, и Анна вернулась домой. Впрочем, некоторые утверждают, что непосредственным поводом к отзыву девушки из Парижа послужило желание отца выдать ее замуж за лорда Пирса Батлера, сына графа Ормонда.

Приехав из «галантной» Франции, Анна стала фрейлиной королевы Екатерины, супруги короля Генриха VIII. Своим веселым нравом и артистической натурой она сумела выдвинуться и здесь, сразу же сделавшись самой популярной молодой леди при английском дворе.

Ее брак с лордом Батлером не состоялся. Этому называют разные причины, среди которых выделим стойкое нежелание самой девушки выходить замуж без любви.

К этому же периоду относится ее роман с лордом Генри Перси, сыном герцога Нортумберлендского, однако надеждам юной пары не суждено было сбыться, ибо Анну заметил сам король Генрих VIII.

Король Генрих VIII

Королю Генриху VIII в то время было около тридцати пяти лет. Он был из рода Тюдоров и правил в стране уже шестнадцать лет. И все эти годы его женой была Екатерина, дочь короля Испании Фердинанда V. Сказать, что это был брак по большой любви, невозможно. Дело в том, что Генрих был младшим сыном короля Генриха VII. Его старший брат, принц Артур, был человеком хилым и болезненным, но именно он в ноябре 1501 года вступил в брак с арагонской принцессой Екатериной. Конечно же, исполнять супружеские обязанности он не мог. Прикованный к постели, он постоянно кашлял, мучился от лихорадки и наконец скончался в апреле 1502 года. Его юная вдова осталась в Лондоне, а между английским и испанским дворами была достигнута договоренность о том, что она выйдет замуж за младшего брата Артура, когда тому исполнится пятнадцать. Папа Юлий II даже вынужден был дать на этот повторный брак специальное разрешение, ибо в Библии было сказано: «Если кто возьмет жену брата своего, это гнусно; он открыл наготу брата своего, и бездетны будут они».

В результате бедняга Генрих обвенчался с Екатериной. При этом он имел цветущее здоровье, был отлично сложен, считался прекрасным наездником и первоклассным стрелком из лука. К тому же, в отличие от своего меланхоличного и болезненного отца, он был весел и подвижен. С первых дней его царствования беспрестанно устраивались при дворе балы, маскарады и турниры. Ученые и реформаторы любили Генриха за то, что у него, по-видимому, был свободный и просвещенный ум; он говорил по-латыни, по-французски, по-испански и по-итальянски, хорошо играл на лютне.

Пожалуй, в начале своего царствования он был почти идеальным молодым монархом. «Природа сделала для него все, что могла», — писал о нем один из его современников. Высокорослый, пропорционально сложенный, голубоглазый белокурый красавец, с гармоничными чертами лица, с точеными икрами, которыми он явно гордился, неутомимый наездник, загонявший до десяти лошадей на охоте с собаками, неизменный победитель придворных турниров, стрелявший из лука лучше своих лучников, пластичный в движениях, с величественной осанкой, это был действительно король Божьей милостью, ибо проще было перечислить то, чего он не мог и не умел, чем то, что он умел и мог.

Однако, как и у многих других государей эпохи Ренессанса,

несомненные достоинства соединялись у Генриха VIII с пороками и деспотизмом. Король был очень высокого мнения о своих талантах и способностях. Он воображал, что знает все, начиная от богословия и кончая военными науками. Но, несмотря на это, он не любил заниматься делами, постоянно перепоручая их своим любимцам. И первым его фаворитом был Томас Уолси, сделавшийся из королевских капелланов кардиналом и канцлером.

Семейные дела у Генриха VIII явно не заладились. С одной стороны, как писал Эразм Роттердамский, его брак был по-настоящему «гармоничным». С другой стороны, королева Екатерина за годы своего замужества была несколько раз беременна, но сумела родить в 1516 году только одну здоровую девочку, нареченную Марией. Надеявшийся увидеть мальчика Генрих тогда сказал:

— Если первой родилась дочь, то Господь сделает так, что следующий ребенок будет мальчиком.

Но Господь не услышал этих его слов. Прожив много лет в браке, король так и не имел наследника. Екатерина поняла, что уже никогда не подарит Генриху сына, который мог бы продолжить династию Тюдоров, и постепенно между супругами возникло охлаждение.

К моменту приезда Анны Болейн в Лондон Генрих VIII уже давно перестал разделять с женой супружеское ложе. Екатерина только и делала, что молилась; между тем король, бывший на шесть лет младше, по-прежнему был полон сил, здоровья и имел к этому времени несколько любовниц и внебрачных детей. Справедливость, однако, требует отметить, что хотя обаянию Генриха трудно было противостоять, он не был тем, кого принято называть пылким мужчиной. Скорее он относился к плотской любви как к занятиям спортом: это было полезно и этим до́лжно было заниматься с регулярностью.

Что он и делал, но к моменту приезда Анны Болейн в Лондон у него уже успело накопиться немало претензий не только к королеве Екатерине, но и к фавориткам — Бетси Блаунт[8] и Марии Кэри (кстати сказать, родной сестре Анны).

Роман короля с Марией Болейн

Мария Болейн была много проще и слабее духом, чем ее младшая сестра, но в такой же мере и женственнее. Она с одиннадцати лет воспитывалась при самом блестящем и развращенном дворе Европы и стала, по циничному признанию короля Франциска I, его «рабочей лошадкой», заслужив прозвище «сквернословки» (или, если угодно, «похабницы»).

Определяющей чертой ее натуры была чувственность и нередко сопряженные с нею мягкость, снисходительность, терпимость, размытость нравственных критериев… «В ее характере было мало железа», — замечает один из историков, сравнивающий ее с плющом, который легко опутывает стену и так же легко может быть оторван от нее. Доброжелательная и отзывчивая, она была женщиной, которая не умеет сказать «нет». «Любовь победила рассудок», — она вся в этой фразе из ее письма государственному секретарю Кромвелю, которое было написано, когда она забеременела, будучи около двух лет вдовой. Но это будет потом. А пока же в глаза бросалось одно поразительное обстоятельство: несмотря на свой пылкий темперамент и весьма легкое поведение при французском дворе, Мария Болейн не имела ни одной беременности, и это при отсутствии в то время каких-либо противозачаточных средств!

Она была замечена Генрихом VIII еще во время его визита во Францию. Ей тогда было семнадцать лет, она была в самом расцвете своей юной красоты, к которой примешивался чисто французский лоск и множество слухов о ее легкодоступности.

Король, по всей видимости, не упустил своего шанса, так что Мария вернулась в Англию вместе с королевской свитой и уже 4 февраля 1520 года была фиктивно выдана замуж за приближенного короля, главного управляющего дворца Ньюхолл в графстве Эссекс сэра Вилльяма Кэри.

Связь Марии Болейн с королем продолжалась до того рокового дня, когда ее вернувшаяся из Парижа сестра Анна, впервые представленная ко двору, склонилась в изящном поклоне перед Генрихом VIII.

Говорят, что Марию, несмотря на ее явное нежелание, заставила уступить и стать любовницей короля честолюбивая родня. И расчет этот оправдался: вскоре она уже была настоящей некоронованной королевой. Очень быстро пролетели положенные девять месяцев, и Мария родила королю сына[9].

Но Генрих никогда не отличался постоянством, и, пока Мария была беременна, его королевский выбор уже пал на ее

младшую сестру Анну. И вновь семья принудила Марию поступиться своими чувствами ради семейных планов. Она должна была уступить место у трона той, кто еще больше понравился Его Величеству.

Роман Анны Болейн с лордом Перси

Но не один Генрих VIII с первого взгляда влюбился в прибывшую из Франции Анну. Пал, пораженный ее чарами, и молодой лорд Генри Перси, сын графа Нортумберлендского, еще в 1516 году предназначенный отцом к браку с дочерью графа Шрусбери. И надо сказать, что любовь его не стала безответной.

Однако грациозная и остроумная Анна так понравилась королю, что он поспешил расстроить ее возможный союз с лордом Перси. А так как молодые люди упорствовали в своем желании быть вместе, сэра Генри поспешно женили на Мэрион Тэлбот, дочери графа Шрусбери, а Анну отправили в отдаленное поместье Хивер. При этом короля не остановила даже явная холодность его избранницы (в ту пору Анну не интересовал грузный король, ее сердце принадлежало красавцу Генри). Он по-королевски решительно разрушил все ее романтические грезы и приказал взять ее под строжайший надзор. После этого Анна регулярно подвергалась осаде со стороны Генриха, и честолюбивая девушка в конце концов решила, что раз уж ее все равно лишили счастья, то пусть уж наградой ей будет место рядом с королем…

Отметим, что шансов остаться с любимым Генри у нее не было никаких: после предостережения от увлечения «глупой девчонкой», сделанного первым министром кардиналом Уолси, тот был назначен главным смотрителем границы с Шотландией, где и провел долгих четырнадцать лет и откуда ему не разрешили вернуться в Лондон даже на похороны отца.

Король меняет одну сестру на другую

Когда Генрих VIII понял, что ему больше не нравится Мария Болейн, он стал думать, как раз и навсегда порвать эту порядком наскучившую ему связь и ни в коем случае не признавать сына от нее. Для короля, уже женившегося на жене своего покойного старшего брата (что не одобрялось Библией), кровосмесительство было «больным местом». Именно поэтому он предпринял усилия для того, чтобы не делать церковной записи о рождении ребенка и утверждать потом, что таковое имело место уже значительно позже разрыва отношений с Марией. Вот почему историки до сих пор ставят после года рождения Генри Тюдора (Кэри, по фиктивному отцу) знак вопроса. Возможно, он родился в 1524 году, возможно, в 1525 году, а возможно, и раньше.

В любом случае, тот факт, что в течение шести лет (после рождения сына и до смерти Вилльяма Кэри) у Марии не было других детей, с точностью подтверждает фиктивность этого брака и отцовство короля.

Судьба Марии Болейн печальна: ее (якобы за дурное поведение) отстранили от двора и отправили домой, в замок Хевер в Кенте. Там она и жила с ребенком на руках и при фиктивном муже, лелея надежду на возвращение непостоянного монарха и целиком посвятив себя воспитанию и образованию сына, который, как она надеялась, однажды (волей обстоятельств или под давлением раскаяния) вполне мог быть признан и стать законным королем Англии Генрихом IX…

Из девиц легкого поведения в скромницы

Анна Болейн ничем не напоминала старшую сестру, ибо если Мария была пухленькой и приземистой, то Анна на ее фоне казалась почти худощавой. Мария обладала светлой кожей, золотисто-карими глазами и каштановыми волосами. У Анны же был желтоватый цвет лица, ее прямые волосы оттенка вороньего крыла спускались ниже пояса, глаза напоминали полированный блестящий оникс. Мария Болейн была хорошенькой, а лицо ее младшей сестры отличалось резкостью черт. Марию Болейн любили за ее почти детское добродушие, Анну же многие считали заносчивой и раздражительной.

Как мы уже поняли, ухаживания короля Анна сначала принимала без всякого восторга. Ей претила судьба фаворитки, тем более что практически на ее глазах и глазах всего двора разворачивалась драма ее «более сговорчивой» старшей сестры. Анна с удовольствием составляла компанию образованному и талантливому королю, но уступать ему как женщина вовсе не собиралась.

Генрих же, разочарованный в жене Екатерине Арагонской и двух любовницах, был явно обольщен этой маской стыдливости и невинности, которая придавала Анне вид женщины добродетельной, тогда как на самом деле она была воспитана при французском дворе и понимала, что без холодного разума она ничто. Нравственность английского двора того времени достаточно известна исследователям; и мы не будем входить в ее подробности, но при этом невозможно не отметить, что из всех придворных едва ли могла найтись другая, у которой бы лучше, чем у Анны Болейн, пошли впрок уроки кокетства и свободы нравов. Эта дама удивляла своей самоуверенностью и наглостью даже самых отчаянных блудниц своего времени, а молва о ее «подвигах» обогащала устную хронику.

На самом деле все обстояло так: по прибытии в Англию Анна поступила в штат королевы Екатерины и мгновенно преобразилась из прежней девицы легкого поведения в примерную скромницу. Стыдливо потупленные глазки, румянец, появлявшийся на щеках при мужском взгляде или неосторожном слове, тихий, мелодичный голос совершенно очаровали Генриха VIII, и он не замедлил с объяснением, находясь в полной уверенности, что Анна не будет с ним упрямее своей матери и старшей сестры.

Майкл Фарквар по этому поводу пишет:

> «Генрих написал целый ворох страстных писем «единственной в мире женщине, прекраснейшей и дражайшей». Практически в каждом из них следовало настойчивое: «Уверяю тебя, отныне и впредь мое сердце и мое тело принадлежат лишь тебе одной». Когда Генриху стало ясно, что развод с женой неизбежен, письма к Анне уже заканчивались более пылкими пассажами. «Я страстно хочу поскорей оказаться в объятиях моей милой возлюбленной и утонуть в ее пышных прелестях».

К совершенному удивлению и пущему обольщению короля, Анна отвечала ему суровым отказом, весьма основательными укорами и стереотипными нравоучениями, которых, заметим, истинно честная и невинная девушка и читать никогда не станет в ответ на страстное признание.

Короче говоря, Анна Болейн начала плести интриги, давая королю понять, что просто любовницей его она никогда не будет, что, если уж она ему и уступит, то только в качестве законной жены. Обезумевший от любви и недоступности Анны, Генрих VIII был согласен на все. Для него она была настолько хороша, что ей казалась впору роль не только любовницы, но и супруги короля, несмотря на все препятствия, стоящие на этом пути.

Следует признать, что кроме парижского шарма, грациозности движений (ее никто не принимал за англичанку) и царственной осанки Анна Болейн имела недюжинный ум и непомерное тщеславие, сочетавшиеся с резкостью в речах и неразборчивостью в средствах. А самое главное, в ней сидел такой непреклонный дух и железная воля, что перед ними пасовал даже такой человек, как Генрих VIII, который жаловался приближенным, что она иногда кричит на него, чего никогда не позволяла себе Екатерина Арагонская.

Иными словами, по внешности грозный лев, Генрих VIII оказался подкаблучником у более сильной духом Анны, что довольно часто случается среди высокорослых мужчин скромной сексуальности. Ослепленный король не сумел отличить поддельной добродетели от настоящей. Некоторые фразы Анны Болейн (например: «Я ваша верноподданная, государь, но не более…» или «Любить я могу только мужа…») вскружили королю голову окончательно, и он, тогда помышлявший уже о расторжении своего брака, решился приступить к осуществлению этого замысла.

Король хочет развестись с королевой Екатериной

Если препятствия в лице сэра Генри Перси и Марии Болейн устранили быстро, то разрушить королевский брак, освященный церковью, оказалось гораздо сложнее.

«Не позорьте моего ребенка!» — писала королева Генриху VIII, который заявил, что развод необходим ему, чтобы избавиться от совершенного греха: женитьбы на вдове брата. Эта гордая испанка заявила, что ни за что на свете не позволит посадить на свое место какую-то выскочку Болейн.

Получив такой ответ, ошеломленный упрямством всегда послушной жены Генрих начал действовать — он был уверен, что папа римский не откажется расторгнуть его бездетный и «небогоугодный» брак.

В это время (в начале мая 1527 года) Анна Болейн вместе с королем уже принимала французских послов, а кардиналу Томасу Уолси было поручено «уладить личное дело короля» в Ватикане.

Привыкшая к светской жизни, Анна отличалась непринужденностью и большим искусством управлять кавалерами. Она очаровала Генриха, этого одутловатого колосса, который испытывал уже негативные последствия возраста. Вместо того чтобы удовлетворять капризы короля, как это делали ее предшественницы, у нее хватило ума держать его на расстоянии.

Так прошло несколько лет. Поддерживаемая в этом своей семьей, Анна не оставила попыток отдалить Генриха от Екатерины, но, видя, что дело не сдвигается с мертвой точки, она все же дошла до того, что осенью 1532 года стала его любовницей.

Генрих был уверен, что его супруга согласится на развод, однако он жестоко ошибся — для испанской принцессы это было бы высшим унижением. К тому же племянник Екатерины — юный король Испании Карл V, правивший с 1516 года — не собирался спокойно принимать оскорбления, наносимые семье. Реакцию на все это Генриха VIII Майкл Фарквар описывает так:

> «Чем упорнее королева Екатерина настаивала на том, что она истинная законная жена короля, тем больше бесился Генрих».

Целых два года Генрих VIII готовил необходимые документы для развода с законной супругой. Первый шаг к активной части процесса развода сделал кардинал Томас Уолси: он предложил

королеве самой удалиться в монастырь, так как ее брак и сожительство с мужем якобы были противозаконными. Королева раз за разом отвечала резким отказом, а Ватикан все медлил с решительным ответом.

Позорный суд над королевой

21 июня 1529 года произошло первое заседание суда над королевой. На нем ложные свидетели в числе тридцати семи человек (почти все родные или знакомые Анны Болейн) обвинили Екатерину в нарушении супружеской верности, а духовные лица упомянули о кровосмешении, так как она, будучи вдовой одного брата, вышла за другого.

Безвинно опозоренная, униженная, но еще не сдавшаяся Екатерина в ответ заявила, что она все годы супружества была верна Генриху VIII, и это он может подтвердить лично, а брак их был разрешен папой римским потому, что она не разделяла ложа со старшим братом короля и была «непорочной девственницей», со спокойной совестью пошедшей с Генрихом VIII к святому алтарю. Также королева заявила, что отвечать согласием на предложение поступить в монастырь она не может до тех пор, пока не получит внятного ответа от родных из Испании и от Его Святейшества из Ватикана. На этом заседание было временно прервано.

Большинство судей понимали, что данный судебный процесс противен как гражданским законам, так и заповедям Господа. Даже любимец короля, его друг и фаворит кардинал Уолси, когда Генрих обмолвился ему о своем намерении жениться на Анне Болейн, упав на колени, заклинал его не унижать так ужасно королевское достоинство и взять себе в супруги сестру французского короля или Ренату, дочь покойного Людовика XII. Этот протест сильно разозлил Генриха VIII и привел в бешенство Анну Болейн.

Развод короля

Тем временем обстановка в Европе накалилась, а Ватикан не спешил с расторжением брака английского короля. Папский посол кардинал Лоренцо Кампеджо, прибывший на суд над Екатериной из Рима по требованию Климента VII, был очень строг и всячески препятствовал вынесению этого решения. Мотивы папы римского были просты. Племянник Екатерины король Карл V совсем недавно завоевал Рим, и теперь папа находился под его покровительством, а кто станет добровольно навлекать на себя гнев своего покровителя…

Дело кончилось тем, что Генрих VIII решил более не ждать папской милости и… порвал с Римом. Желая избавиться от королевы, Генрих готов был уже отравить ее. Но тут ему на помощь пришел хитроумный архиепископ Крамнер. Он предложил королю взять церковную власть в свои руки, ведь он помазанник Божий. И Генрих ради прихоти или похоти, называйте как хотите, пошел на раскол церкви — он решился на то, чтобы поменять религию, и объявил себя и свое государство независимыми от воли папы римского. А после этого он сам объявил свой прежний брак незаконным, а дочь Марию — незаконнорожденной и лишенной каких-либо королевских привилегий.

23 мая 1533 года было вынесено решение суда о разводе. Этого оказалось достаточно, чтобы отослать бывшую жену и дочь с глаз долой. Однако народ так любил королеву Екатерину, что в ответ на это улицы Лондона наводнили пасквили и листовки, поносящие Анну Болейн.

Анна Болейн с яростью фурии потребовала от короля изгнания кардинала Уолси со всех его высоких должностей. Мы уже знаем, что она была не так покладиста и терпелива, как отвергнутая королем испанка: Анна была требовательна, честолюбива и сумела восстановить против себя очень многих. Король, выполняя ее прихоти, изгонял и казнил всех противников супруги: так или иначе, но жертвами репрессий стали даже верные сторонники Генриха — кардинал Уолси, епископ Фишер и лорд-канцлер Томас Мор. Причем если первый министр и правая рука короля Уолси успел умереть в преддверии Тауэра и казни, то с Томасом Мором, одним из величайших людей в истории Англии, ситуация сложилась кошмарная: он был признан виновным в государственной измене, брошен в Тауэр, а затем обезглавлен.

Подходя к плахе, он сказал, что «умирает как добрый слуга

короля, но в первую очередь — Бога».

— Ты виновата в смерти этого человека! — в сердцах бросил Анне уважавший Томаса Мора король, получив известие, что палач сделал свое дело.

Однако Анна Болейн не сделала из этого надлежащих выводов и стала вести себя еще более вызывающе: она устраивала блестящие праздники (часто в отсутствие короля), заказывала себе самые дорогие украшения и всячески старалась заглушить нарастающий страх перед будущим. Совместная жизнь для Генриха и Анны стала полна ревности и семейных скандалов. Известно, например, что после очередной стычки с Екатериной король прибежал в покои Анны, но та, вместо того чтобы поддержать его, злобно закричала:

— Разве я не говорила тебе, что, сколько ты ни спорь с королевой, она все равно одержит верх над тобой!

После этого она принялась плакать и причитать, что слишком долго ждет, хотя за это время вполне могла бы заключить выгодный брак, что юность ее пропадает, а годы уходят.

Катастрофа — родилась девочка

К январю 1533 года Анна обрадовала короля долгожданной вестью — она была беременна, а в конце этого месяца, соблюдая строжайшую тайну, они с королем обвенчались. После этого счастливый король пожаловал Анне Болейн титул маркизы де Пемброк.

После этого Анна попала в объятия славы, и астрологи, врачи и прелаты, преисполненные угодничеством, начали без устали сообщать о предстоящем рождении ребенка мужского пола. Заранее даже было выбрано имя — Эдуард; и будущая мать, носительница столь драгоценного бремени, была окружена тысячами забот.

А 7 сентября 1533 года, в воскресенье, Анна без проблем родила здорового ребенка, нормального, но, к глубокому огорчению всех… женского пола. По меркам того времени это была трагедия. Ребенку быстро нашли имя — Елизавета, это было имя матери короля. Это была будущая великая королева Елизавета I Английская, но в тот момент ничто не предвещало блестящей будущности новорожденной. Генрих был ужасно разочарован.

Впрочем, разочарован — это не то слово. Король был буквально убит этой новостью. Сын-то у него имелся, но внебрачный, и теперь ему был просто необходим законный наследник, поскольку королевы в то время в Англии были не в обычае. И тут такой провал, крушение всех надежд.

Генрих VIII никогда не отличался постоянством, и его капризная чувственность уже начала пресыщаться Анной Болейн. Рождение девочки ставило в этой истории точку. Равнодушие к Анне, еще более усилившееся, когда вместо сына, которого он страстно желал, она родила ему дочь, скоро перешло в охлаждение и даже отвращение.

А тем временем несломленная королева Екатерина Арагонская умерла в изгнании в полной нищете. Перед смертью она написала Генриху письмо следующего содержания:

«Мой возлюбленный господин, мой король и муж!

Приближается час моей смерти <…> У меня нет выбора, но я уповаю на тебя. Я обращаюсь к тебе и твоему здравомыслию, которое для тебя должно быть важней любого слова или чужой плоти. На какие бы еще несчастья ты ни обрек меня, сам ты все так же остаешься несчастлив <…> Я прощаю тебя за все и молю Господа, чтобы и он тебя простил».

Майкл Фарквар уточняет:

> «Екатерина передала своей дочери, с которой не виделась больше пяти лет, свое золотое распятие. Но Генрих отнял его. Анна Болейн тоже приложила руку и провела обыск во владениях Екатерины. Оттуда она вынесла все, чтобы ничего не досталось Марии от матери».

К этому можно лишь добавить, что, узнав о смерти Екатерины, Генрих VIII не особо расстроился. Хотя он и оделся в знак траура во все желтое, были устроены двенадцатидневные увеселения. И это по случаю смерти женщины, бывшей ему более двадцати лет преданной женой…

Так закончилась жизнь королевы Екатерины Арагонской, а ее печальная судьба навеки переплелась с судьбой провинциальной придворной блудницы Анны Болейн.

Резкая перемена в Генрихе VIII

На двенадцатый день этих циничных празднеств состоялся придворный турнир, на котором Генрих VIII, всегда бравший первые призы, был выбит из седла, и на него, уже лежавшего на земле, упала вставшая на дыбы закованная в тяжелые доспехи лошадь. Король два часа пролежал без сознания. Некоторое время даже опасались, выживет ли он. Через некоторое время он все же пришел в себя, но это был уже совсем другой человек.

Тяжелый ушиб головного мозга никогда не проходит бесследно, и в первую очередь утрачиваются самые хрупкие, высшие способности, в результате чего изменяется (иногда довольно резко) личность. После этого происшествия Генрих VIII стал, как было замечено, менее энергичным и смелым, но более жестоким. Он никогда больше не участвовал в турнирах и перестал охотиться с собаками, предпочитая по-мясницки убивать из безопасной засады выгнанную на него дичь. Оставил он занятия поэзией и музыкой, начал страдать головными болями и набирать вес. Но самое главное — внезапно (как бы очнувшись) он разлюбил Анну Болейн…

После похорон Екатерины Арагонской у Анны случился выкидыш, и многие усмотрели в этом перст судьбы. Явившийся к ее постели король необычно сурово заявил, что теперь он ясно видит, что Бог не хочет дать им сына, и, хотя она объяснила свой выкидыш волнением из-за несчастного случая с ним на турнире, он вышел из комнаты, зловеще пообещав поговорить с ней позже… В тот же день он шептал тем, кому доверял, что она завлекла его в брак колдовством, а посему брак этот недействителен, и теперь он может взять себе другую жену.

С Анной после этого мало разговаривал и на масленицу уехал развлекаться, оставив ее во дворце Гринвича одну. Пораженная переменой в ранее абсолютно послушном короле и еще не оправившаяся от выкидыша, Анна допускала к себе только старшую сестру Марию, еще недавно удаленную ею от двора якобы за позорную для вдовы беременность.

Тяжелые времена

Итак, надежды на рождение сына не оправдались. Родившаяся Елизавета была, возможно, дитем любви, и, без всякого сомнения, дитем политических амбиций, но женского пола, что все перевернуло с ног на голову. Ее отец Генрих VIII не был уже молодым человеком: ему было сорок два года, из которых двадцать четыре года он сидел на троне. Что касается Анны Болейн, то ей было всего двадцать шесть лет.

Теперь Генрих VIII вдруг увлекся молоденькой, черноглазой, жизнерадостной фрейлиной Джейн Сеймур, а Анну стал обвинять во всех смертных грехах. Очевидно, что постоянно болевшая после последней неудачной беременности жена уже не была нужна королю.

Помимо разочарования от отсутствия наследников мужского пола, на что он очень серьезно надеялся, Генрих VIII вынужден был противостоять враждебности папы римского, который угрожал ему и требовал немедленно разойтись с Анной Болейн, которую в Ватикане квалифицировали как сожительницу. Да и в своей собственной стране Генрих тоже чувствовал, как растет его непопулярность; карикатуры и памфлеты преследовали его и его последнюю избранницу, которую народ называл «королевской девкой».

Король попытался ответить на это все насилием, головы летели одна за другой, но ситуация не менялась. Более того, папа римский не замедлил отреагировать на его поведение: он отлучил Генриха VIII от церкви. Но мятежный король сам встал во главе церкви Англии, начал проводить Реформацию — и никакой папа теперь ему был не указ.

Так уж сложилось, что Генрих VIII искренне считал себя центром Вселенной, именно поэтому его не мучили угрызения совести, ибо все, что делал он, шло, по его мнению, на благо государству, человечеству и ему, Генриху. Любая прихоть короля должна была выполняться любыми средствами, даже самыми безумными.

Со своей стороны Анна Болейн, добившись своего и став женой короля, не учла темперамента Генриха. Прелесть новизны очень скоро исчезла, королевская страсть была удовлетворена, наследник никак не хотел появляться на свет, и она осталась один на один с ненавистью подданных, холодностью мужа и бесконечными дворцовыми интригами. До поры до времени она не обращала на это внимания.

— Ну и пусть, — говорила она, — к сожалению, слишком

много ворчунов развелось.

Эта фраза долгое время была ее девизом.

Как избавиться от неугодной жены?

Прошло немного времени, и король Генрих, уже имевший опыт по расторжению неугодных ему браков, окончательно решил избавиться и от Анны. Однако с ней следовало поступить иначе, нежели с Екатериной, ее нужно было обвинить ни много ни мало в государственной измене, а точнее — в супружеской измене королю. План Генриха VIII был предельно прост: он хотел совершенно «законно» объявить, что Анна нарушила «обязательство» родить ему сына. В этом явно сыграла роль рука Божья, следовательно, он, Генрих, женился на Анне по наущению дьявола, она никогда не была его законной женой, и он волен поэтому вступить в новый брак.

Для этого лорду-канцлеру Томасу Одли и первому министру Томасу Кромвелю, пришедшему на смену кардиналу Уолси, он дал указание собрать компрометирующие жену сведения и судить ее, например, за колдовство и за привороты, затуманившие рассудок короля. Генрих VIII так и говорил, что Анна «околдовала его, приворожила, а затем соблазнила», буквально заставив жениться. Многочисленные враги Анны, по словам Майкла Фарквара, «подхватили тему порочной ведьмы и довели ее до абсурдного конца».

29 апреля 1536 года Кромвель получил донесение, что рано утром молодой и красивый придворный музыкант и танцор Марк Смитон выходил из спальни Анны Болейн… Можно было начинать действовать.

На майском турнире в Гринвиче Генрих VIII был уже зрителем и видел, как Анна уронила платок, который подобрал победитель — один из самых доверенных его приближенных Генри Норрис. Тот поднял уроненный Анной платок и подал его ей с выражениями страстной любви. Заметив это, король в бешенстве покинул состязания, пообещав схваченному Норрису сохранить жизнь, если он сознается в преступной связи. В тот же день были брошены в Тауэр еще двое придворных, а также музыкант Смитон и брат Анны Джордж, обвиненный в кровосмесительстве.

2 мая 1536 года после разговора с королем (их видели в окне) Анна также была переправлена в Тауэр. Там, поняв, что ее бросят в темницу, она упала на колени и расплакалась, а потом начала истерически смеяться. Она ничего не понимала: как мог ее Генрих, которым она столько лет правила, как он — Англией, так внезапно и страшно перемениться? Единственное правдоподобное (хотя и не без натяжки) объяснение, которое пришло ей в голову

и о котором она сказала тюремщику, было: «Я думаю, король испытывает меня…»

Потом она время от времени молилась и к вечеру пришла в себя настолько, что даже в обычной для нее саркастичной манере шутила по поводу того, что ее легко будет потом дразнить «Анной Безголовой», и при этом смеялась, но уже не истеричным смехом.

Суд над «заговорщиками»

Помимо Анны, как мы знаем, было схвачено и брошено за решетку множество обвиняемых в преступной связи с ней. Генрих VIII сгоряча утверждал даже, что в этом подозреваются более ста человек. Французский посол Шапюи по этому поводу не без изумления сообщал своему королю:

> «Король громко говорит, что более ста человек имели с ней преступную связь. Никогда никакой государь или вообще никакой муж не выставлял так повсеместно своих рогов и не носил их со столь легким сердцем».

Впрочем, в последнюю минуту Генрих опомнился: часть посаженных за решетку была выпущена из Тауэра, и обвинение было выдвинуто только против первоначально арестованных лиц. 12 мая 1536 года их судили. Из них только музыкант Марк Смитон признал свою вину. К чести Генри Норриса, он не воспользовался перспективой обещанного помилования за клевету на Анну. Все были приговорены к так называемой «квалифицированной» казни: повешению, снятию с виселицы, сожжению внутренностей, четвертованию и лишь после этого — обезглавливанию. Впрочем, всем дворянам король заменил «квалифицированную» казнь обезглавливанием, а музыканту Смитону — повешением. Отец Анны был среди пэров, судивших «заговорщиков» и признавших их виновными, а значит, и свою собственную дочь.

Отсутствие каких-либо реальных доказательств вины было настолько очевидным, что король отдал приказание судить Анну и ее брата не судом всех пэров, а специально отобранной комиссией. Это были сплошь представители враждебной Анне Болейн партии при дворе. В эту комиссию, кстати сказать, входил и ее первый возлюбленный лорд Перси (когда ввели Анну, ему стало плохо, и он вышел из зала).

Подсудимые держались твердо, особенно Джордж Болейн. Несмотря на это, помимо «преступлений», перечисленных в обвинительном акте, им было поставлено в вину то, что они издевались над Генрихом и поднимали на смех его приказания (по-видимому, речь шла о критике Анной и ее братом баллад и трагедий, сочиненных королем). Исход процесса был предрешен. Анна не сделала никаких признаний, но была приговорена, как ведьма, к сожжению или обезглавливанию (на выбор короля).

В обвинительном акте утверждалось, что существовал заговор с целью лишить короля жизни. Анне инкриминировалась преступная связь с придворными Норрисом, Брертоном, Вестоном, музыкантом Смитоном и, наконец, ее братом Джорджем Болейном, графом Рочфордом. В пунктах 8 и 9 обвинительного заключения говорилось, что изменники вступили в сообщество с целью убийства Генриха и что Анна обещала некоторым из подсудимых выйти за них замуж после смерти короля. Пятерым «заговорщикам», кроме того, вменялись в вину принятие подарков от Анны и даже ревность друг к другу, а также то, что они частично достигли своих злодейских замыслов, направленных против монарха. В обвинительном акте говорилось:

> «Король, узнав обо всех этих преступлениях, бесчестиях и изменах, был так опечален, что это вредно подействовало на его здоровье».

Очень деликатным был вопрос о «хронологии»: к какому времени отнести воображаемые измены Анны Болейн? В зависимости от этого решался вопрос о законности ее дочери Елизаветы, имевший столь большое значение для престолонаследия. Генрих VIII в конце концов сообразил, что неприлично обвинять жену в неверности уже во время медового месяца, что его единственная наследница Елизавета будет в таком случае признана дочерью одного из обвиняемых — Норриса (поскольку брак с Екатериной был аннулирован, их дочь Мария не считалась законной дочерью короля). Поэтому судье пришлось серьезно поработать над датами, чтобы не бросить тень на законность рождения Елизаветы и отнести мнимые измены ко времени, когда Анна родила мертвого ребенка.

Судьи не погнушались даже обвинить Анну в кровосмешении с собственным братом (под этим, видимо, подразумевалось то, что он присел однажды на постель своей сестры).

Архиепископ Кранмер сделал все возможное, чтобы спасти Анну, и сама она написала королю трогательное письмо, умоляя его по крайней мере простить несчастных молодых людей, ни в чем перед ним не повинных.

Вот это письмо:

> «Государь!
>
> Неудовольствие Вашего Величества и мое заключение в темницу мне кажутся столь странными, что я не знаю, о чем мне должно писать к вам и в чем должно просить прощения. Вы прислали известного всем врача моего сказать мне, что я должна сознаться в

истине, если хочу снова приобрести вашу благосклонность. Он не успел еще объяснить мне своего поручения, как я уже приметила, в чем состоит ваше намерение. Но если, как вы говорите, признание в истине может доставить мне свободу, я повинуюсь вашим повелениям от всего сердца и со всею душевной покорностью. Не воображайте, Ваше Величество, что ваша бедная жена когда-нибудь могла быть доведена до такого преступления, о котором она никогда не дозволяла себе и помыслить. Никогда ни один Государь не имел супруги столь верной всем своим обязанностям, столь исполненной нежнейшей привязанности, какова Анна Болейн, собственная ваша супруга. Она умела ценить то высокое состояние, до которого возвысили ее милость Провидения и снисходительность ваша. Но стоя на высоте величия, на которую возведена была, никогда не забывала я, что могла подпасть такой участи, какой подверглась ныне. Мое возвышение не имело никакого другого основания, кроме кратковременной вашей ко мне склонности, и я не сомневаюсь, что малейшее изменение тех внешних приятностей, которые произвели ее в сердце вашем, могло обратить вас к иному предмету.

Вы извлекли меня из ничтожества, возвели на высочайшую степень в государстве, присоединили меня к Августейшей фамилии вашей: сего блеска я никогда не смела ожидать; сие величие выше заслуг моих. Между тем, если вы уже удостоили меня сей почести, то не потерпите, великий Государь, чтобы непостоянство или злые советы врагов моих могли меня лишить благосклонности Вашего Величества. Не допустите, чтобы порицание за неверность, пятно столь черное и столь недостойное, обесчестило имя вашей супруги, а вместе с нею и имя юной принцессы, вашей дочери.

Итак, повелите, Государь, исследовать дело мое, соблюдая свято законы справедливости, и не допустите, чтобы враги мои были вместе моими доносчиками и моими судьями. Повелите, чтобы процесс мой произведен был публично. Моя верность защитит меня от поношения и стыда. Вы увидите: невинность моя будет оправдана, ваши подозрения развеются, ваш дух успокоится, и молчание заступит на место порицания, или же мое преступление будет обнаружено пред глазами целого света. Итак, повелите сделать со мною

то, что угодно Богу и вам. Вы можете, Ваше Величество, избежать чрез сие общественной молвы; мое преступление, будучи обнаружено по справедливости, даст вам, пред Богом и пред людьми, право не только наказать меня как неверную супругу, но и беспрепятственно последовать склонности, чувствуемой вами к той, которая стала причиной моего несчастного состояния. Я могла бы давно произнести пред вами имя ее. Вы не знаете, Ваше Величество, как далеко в сем случае простираются мои подозрения. Наконец, если вы уже решились погубить меня и если смерть мою, основанную на постыдной клевете, почитаете единственным средством к получению желаемого вами блага, то я буду просить Бога, чтобы он простил сие великое преступление как вам, так и врагам моим, послужившим при сем орудиями, и чтобы в последний день, сидя на престоле своем, пред которым вы и я предстанем скоро и пред которым моя невинность, если смею сказать, будет явно открыта, Он не потребовал от вас строгого отчета в поступке, столь недостойном вас и столь жестокосердном.

Последняя и единственная моя просьба состоит в том, чтобы вы на одну меня возложили всю тяжесть вашего гнева и чтоб не подвергали никакому бедствию тех несчастных, которые, как я слышала, содержатся по моему делу в тесной темнице. Если когда-нибудь я могла о чем упросить вас, если имя Анны Болейн когда-нибудь было приятно вашему слуху, не откажите мне в сей просьбе, и я ни о чем более беспокоить вас не буду; в противном случае мне остается воссылать пламенные молитвы к Богу, чтоб он был к вам милостив и управлял всеми вашими действиями.

Ваша верная и покорнейшая супруга Анна.

Тауэр, 6 мая 1536 года».

Но Генрих был неумолим. Процесс против «заговорщиков» повели с такой поспешностью и с такими нарушениями самых обыкновенных судебных формальностей, что Анна даже ни разу не видела своих обвинителей. Ей удалось добиться от бывшего супруга лишь одной «милости»: костер ей был заменен эшафотом.

Казнь Анны Болейн

Джордж Болейн сложил голову на плахе через два дня после суда. Зрителей собралось почти 2000 человек.

19 мая 1536 года взошла на эшафот и Анна, до последней минуты пребывая в безумной надежде на то, что Генрих лишь испытывает ее. Меч палача положил этой надежде конец…

Накануне она спрашивала, не будет ли ей больно. Она еще добавила, что палачу будет не так трудно управиться со своей работой, ведь у нее такая тонкая шея. Говоря так, она точно знала, что обо всем этом тут же передадут королю.

В своей предсмертной речи Анна сказала лишь, что теперь нет смысла касаться причин ее смерти. Она крикнула:

— Люди, я просто подчиняюсь закону, который осудил меня! Я прощаю судей и прошу Господа позаботиться о моей душе!

После этого она совершенно спокойно добавила:

— Я не обвиняю никого. Когда я умру, то помните, что я чтила нашего доброго короля, который был очень добр и милостив ко мне. Вы будете счастливы, если Господь даст ему долгую жизнь, так как он одарен многими хорошими качествами: страхом перед Богом, любовью к своему народу и другими добродетелями, о которых я не буду упоминать.

Казнь Анны была отмечена одним новшеством. Во Франции было распространено обезглавливание мечом, и Генрих VIII решил также внедрить меч взамен обычной секиры, а первый опыт провести на собственной жене. Правда, не было достаточно компетентного эксперта — пришлось выписывать нужного человека из Кале. Палач был доставлен вовремя и оказался знающим свое дело. Эксперимент прошел успешно.

Генрих VIII любил поступать по закону, но понимал он законность весьма специфически: их необходимо было быстро приноравливать к желаниям короля. Доктор богословия и архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер, выполняя приказ Генриха о разводе с Анной Болейн, формально совершил акт государственной измены. По действовавшему акту о престолонаследии 1534 года государственной изменой считалось всякое «предубеждение, оклеветание, попытки нарушить или унизить» брак Генриха с Анной. Немало католиков лишилось головы за попытку «умалить» любым способом этот брак, ныне объявленный Кранмером недействительным. В новый акт о престолонаследии 1536 года была включена специальная статья, предусматривавшая, что те, кто из лучших мотивов недавно указали на недействительность брака Генриха с Анной, не

виновны в государственной измене. Однако тут же была сделана оговорка, что аннулирование брака с Анной не снимает вины с любого, кто ранее считал тот брак не имеющим законной силы. Вместе с тем было объявлено государственной изменой ставить под сомнение оба развода Генриха — и с Екатериной Арагонской, и с Анной Болейн. Теперь уж действительно все было в порядке. Но это еще не все. За Анной отправится на эшафот и сам Кранмер: после восстановления католицизма при Марии Тюдор он был обвинен в государственной измене и сожжен на костре как еретик.

Когда раздался пушечный выстрел, извещающий, что голова Анны Болейн скатилась на доски эшафота, нетерпеливо ожидавший казни король весело закричал:

— Дело сделано! Спускайте собак, будем веселиться!

Брак короля с Джейн Сеймур был заключен в тот же день.

А потом у него были еще три жены, и пятая из них, Екатерина Ховард, была двоюродной сестрой Анны Болейн, и она тоже кончила жизнь на плахе по обвинению в супружеской неверности.

Ирония судьбы здесь состоит в том, что через двадцать два года после того, как Анна Болейн поднялась на эшафот, на престол Англии взошла и на протяжении сорока пяти лет твердой рукой правила ее дочь, одна из самых величественных правительниц Елизавета I Английская, чье огромное историческое значение для судьбы Англии и Европы известно всем. И происходило это, несмотря на все попытки дочери Екатерины Арагонской Марии подорвать ее популярность намеками на то, что Елизавета «похожа на Марка Смитона», который «когда-то считался очень привлекательным мужчиной».

Глава четвертая
Маркиза де Монтеспан

Король сделал вид, что доверяет ей <…> Во всяком случае, чтобы остановить волнения, он приказал остановить начавшийся судебный процесс <…> Но историки после этого не стали меньше рассуждать о прекрасной фаворитке как об «отравительнице».

ПОЛЬ ЛЕЖЁН, современная французская писательница, историк

Девушка завидного происхождения

Одна из самых знаменитых куртизанок короля Людовика XIV родилась 5 октября 1640 года в Люссак-ле-Шато, департамент Вьенна (Пуату).

Она происходила из очень старинного рода: ее отцом был Габриэль де Рошешуар, герцог де Мортемар. Он воспитывался вместе с юным королем Людовиком XIII и потом сопровождал его во всех военных кампаниях, за что был награжден чинами первого камергера двора, генерал-лейтенанта, губернатора Меца, Туля и Вердена, а также орденом Святого Духа, одним из самых престижных орденов королевской Франции, которым удостаивались лишь те, чье дворянство насчитывало не менее четырех поколений. В 1650 году король Людовик XIV за особые заслуги преобразовал его маркизат де Мортемар в герцогство.

Его женой и матерью новорожденной была Диана де Грансень, придворная дама королевы Анны Австрийской. Их брак к тому времени уже дал Франции двоих детей: это были дочь Габриэлла (1633 г.р.) и сын Луи-Виктор (1636 г.р.).

В октябре 1640 года родится третий ребенок (всего их будет пять) — девочка Франсуаза. Второе имя — Атенаис она возьмет себе сама несколько позже.

Как и другие знатные дамы того времени, Франсуаза-Атенаис воспитывалась в монастыре, ибо ее родители с самого начала старались привить своим дочерям принципы благочестия.

Брак с маркизом де Монтеспаном

В девятнадцать лет Франсуаза-Атенаис прибыла в Версаль и стала фрейлиной королевы Марии-Терезии, жены короля Людовика XIV. Она ходила к причастию каждый день, чем внушила набожной королеве-испанке (она была дочерью короля Испании Филиппа IV Габсбурга) высокое мнение о своей добродетели. Однако уже в то время у Франсуазы-Атенаис набожность вполне сочеталась с веселостью нрава и светским непостоянством.

В возрасте двадцати двух лет, в 1663 году, Франсуаза-Атенаис вышла замуж за дворянина Луи-Анри де Пардайона де Гондрэна, маркиза де Монтеспана. Он был моложе ее на год. Это был блестящий брак, который соединил родовитость, положение в обществе и могущество. Супругам была предоставлена возможность жить вместе, и в тот же год у них родилась дочь, которую назвали Марией-Кристиной (она умрет через двенадцать лет). Через два года родился и долгожданный мальчик, получивший имя Луи-Антуан (позже он получит титул герцога Антенского).

Известный мастер эпистолярного жанра той эпохи Мария де Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье называла эту пару «несравненной», при этом отмечая «триумфальную красоту» мадам де Монтеспан.

Эта-то «триумфальная красота», помноженная на затаенные амбиции и страстные желания, и повернула жизнь благополучных супругов на сто восемьдесят градусов: на пышные прелести юной красавицы обратил свой благосклонный взор «король-солнце». Упускать такую удачу было нельзя. А посему надо было действовать, ибо человек, которому повезло, — это всего лишь человек, который сделал то, чего другие не делали или только собирались сделать.

Конкуренция с Луизой де Лавальер

Помимо красоты, очарование и шарм мадам де Монтеспан таились в необыкновенной остроте ее ума и особой манере шутить. Признаемся, что для женщины это весьма нечастое сочетание, и когда оно имеет место, многих именно это в ней и раздражает. Вот и в Версале многие осуждали высокомерие и острый язык Франсуазы-Атенаис. Во всяком случае граф де Сен-Симон, знавший в этом толк, ехидно замечал, что «ее прелести превосходили ее высокомерие и им же уравновешивались». Однако отметим, что именно потрясающее умение метко награждать точными и колкими определениями и помогло маркизе убрать со своей дороги тогдашнюю первую любовницу короля Луизу де Лавальер.

Когда Франсуаза-Атенаис увидела, какой роскошью окружена фаворитка короля, она подумала, что во всем превосходит соперницу, и решила рискнуть. В конце концов, кто не рискует, тот не пьет шампанского. А решив так, она сделала Луизу мишенью для своих острот. Говорят, что именно эти ее старания и способствовали тому, что сама она была замечена Людовиком XIV.

Задуманное удалось маркизе полностью, и вскоре она вытравила образ спокойной и нежной де Лавальер из сердца короля. По этому поводу Рафаэль Сабатини восхищенно пишет:

> «Вообще женщины при дворе Людовика XIV играли значительную роль. Стоило государю обратить на какую-нибудь из фрейлин свои темные глаза, как она таяла, словно воск, под лучами «короля-солнца». Однако мадам де Монтеспан был доступен секрет обратного воздействия, и сам венценосец превратился в воск, из которого ее ручки могли вылепить любую модель».

А произошло это следующим образом. В июне 1667 года молодой король отправился на войну во Фландрию. Удача ему улыбалась, и при первом же появлении французских войск противник спешил открыть ворота своих городов. Королева, принцессы и двор следовали за королем, в то время как «официальной фаворитке» было приказано оставаться в Версале. Конечно, это не была отставка, но многие поспешили трактовать титул герцогини, дарованный Луизе де Лавальер в мае 1667 года, как прощальный дар. К тому же Людовик XIV причастился перед походом, что говорило о многом. Безусловно, Его

Величество, будучи истинным христианином, периодически брался за ум и начинал стремиться к искуплению грехов.

Луиза была в отчаянии и отправила королю полный горечи сонет. Король ответил ей в той же манере и примерно теми же рифмами, но фаворитка не удовлетворилась таким ответом и помчалась во Фландрию, где высочайший любовник встретил ее весьма прохладно.

Очаровательная мадам де Монтеспан не могла упустить такой благоприятной возможности и решила окончательно унизить свою «подругу», чье место она задумала занять. Как-то раз она сказала Марии-Терезии:

— Я преклоняюсь перед ее смелостью предстать перед вами, приехав вопреки воле короля.

И пока королева проливала слезы, она, потупив глаза, добавила:

— Бог сохранил меня от счастья быть любовницей короля. Но если бы я ею и была, мне было бы стыдно являться перед королевой.

Конечно, она лукавила. Ей было прекрасно известно, что король уже обратил на нее свое внимание, ведь ее броская красота брюнетки с голубыми глазами уж больно контрастировала с внешностью рябоватой и чуть-чуть прихрамывавшей Луизы. К тому же та совершила очень большую ошибку, бесконечно расхваливая перед королем свою новую подругу.

Поначалу короля утомляли явные усилия Франсуазы-Атенаис ему понравиться. Он даже высокомерно заявлял:

— Она делала все, что могла, чтобы меня очаровать, но я не желал этого.

Но настал момент, когда король сдался и… нашел эту капитуляцию прекрасной. Столь прекрасной, что он появлялся в своей супружеской спальне только под утро.

— Я читал срочные депеши и отвечал на них, — попытался он оправдаться перед Марией-Терезией, но та лишь покачала головой и голосом, полным осуждения, ответила:

— Вы могли бы найти для этого другое время.

Но короля это не отрезвило, и он, по словам графа де Сен-Симона, «выставляя напоказ сразу двух любовниц, прогуливался с ними по лагерю, а во время движения войск вез их в карете королевы». И при этом прекрасная Франсуаза-Атенаис, вопреки тому, что она говорила, отнюдь не чувствовала угрызений совести ни перед «подругой», ни перед королевой.

Мадам де Шатрие, состоявшая на службе при семействе Конде, описывала это так:

> «Шатер короля, в котором я побывала, имел три залы и одну спальную комнату с двумя кабинками, причем все они блистали золотом. На подушках китайского атласа восседали прекрасные амазонки: они могли бы скорее привлечь врагов, нежели нагнать на них страху. В этот эскадрон, возглавляемый Его Величеством, входили Мадам, мадемуазель де Лавалльер, мадам де Монтеспан, мадам де Ровр и принцесса д'Аркур. Дневную жару они пережидали в палатке, и туда же им подавался обед, и ели они отнюдь не по-походному, и сервировка была великолепной. По вечерам они катались на лошадях вместе с Его Величеством: войска брали на караул, раздавались мушкетные выстрелы, никому не причинявшие вреда».

Вернувшись в Париж, Людовик XIV уже был полностью в плену чар Франсуазы-Атенаис, однако и свою Луизу он пока не бросил, но та, все прекрасно понимая, затаилась в своем особнячке и тихо страдала. Однако король не любил тайных сцен.

Надо сказать, что Людовик XIV зашел гораздо дальше своих предшественников, обычно довольствовавшихся двумя женщинами. Он любил наслаждаться куда более хлопотной полигамией, имея трех женщин одновременно, причем всегда открыто, официально и публично: одну королеву и двух фавориток.

Обеих фавориток король содержал словно восточный султан. Рассказывают, что сначала он посещал Луизу, а затем проводил вечер у Франсуазы-Атенаис.

Историк Ги Шоссинан-Ногаре пишет:

> «Пробыв недолгое время у первой, он брал у нее разрешение на то, чтобы отправиться к ее сопернице, и, оставляя вместо себя маленькую собачонку, говаривал: «Вот вам компания, с вас и этого достаточно». Какова бы ни была правдивость этой невероятной истории, мадемуазель де Лавалльер все острее переживала свое унижение, и ее раненое чувство все непреодолимее увлекало ее к Богу».

Любовницу, которая больше не возбуждала в нем желания, Людовик XIV сохранял подле себя долго, пока та совершенно не пресыщалась своим двусмысленным и обидным положением. При этом свою жену, покорную Марию-Терезию, он неизменно почитал, как это и надлежало добропорядочному супругу. Просто должность фаворитки была слишком освящена традицией, чтобы

вдруг взять и отказаться от этого.

Вышедшая в тираж фаворитка, даже несмотря на сменившее страсть безразличие, все равно продолжала удостаиваться его внимания и подводилась к окончательному разрыву постепенно. Этому театральному любовнику нужно было, чтобы все происходило на глазах у зрителей. В рассматриваемом случае король устроил празднества в Сен-Жермене под названием «Балет муз», где Луиза и Франсуаза-Атенаис получили совершенно одинаковые роли.

По словам Ги Бретона, «это была шутка довольно дурного тона, однако двор веселился от души». Людовик XIV в костюме пастушка исполнил изящный сольный номер, а затем вдруг приблизился к мадемуазель де Лавальер и, глядя ей прямо в глаза, с изумительной бесцеремонностью прочел стихотворение, написанное знаменитым салонным поэтом Иссаком де Бенсерадом специально для этого случая:

Вас не хочу разгневать я, но лишь предупреждаю,
Что прежних нежных чувств к вам больше не питаю,
И на прощание открыться вам могу я,
Что больше не свободен я, ведь полюбил другую.

После этого он покинул Луизу, раздавленную горем и стыдом. Под ироническими улыбками публики несчастная вынуждена была кое-как дотанцевать до самого конца спектакля, но едва только ей представилась возможность ускользнуть, она бросилась к себе, упала на постель и стала горько рыдать, что она всегда делала и не в столь драматических обстоятельствах.

А вскоре милая и наивная Луиза де Лавальер простилась со своими друзьями, принесла публичные извинения королеве и ушла в монастырь, и это означало безоговорочную победу умной и целеустремленной мадам де Монтеспан.

Супружеские баталии

Но, как оказалось, до полной победы было еще далеко, ибо нелепое (как казалось мадам де Монтеспан) поведение мужа чуть было не испортило ей всего дела. Луи-Анри де Пардайон де Гондрэн, маркиз де Монтеспан, оказался весьма неуступчивым супругом, столь старомодным и нерасчетливым, что не оценил чести, оказанной ему монархом, и имел дерзость оспаривать свою жену у самого Юпитера.

Это был необыкновенный человек, который при всех непочтительно высказывался в адрес короля, устраивал жене бурные сцены и награждал ее пощечинами. Правда, и Людовик XIV вел себя крайне несдержанно, ссылаясь при этом на Священное Писание, а именно на пример царя Давида, имевшего несколько жен. Он без обиняков заявил маркизу, что тот должен отдать ему жену, иначе Бог покарает его. В ответ маркиз, никак не желавший смириться со своим бесчестьем, осмелился призвать на голову «короля-солнца» кару Божественного правосудия.

А 13 января 1668 года на премьере комедии Мольера «Амфитрион» произошла следующая сцена. Актер, игравший Юпитера, произносил свой монолог:

> То имя, что весь мир, робея, произносит,
> Рассеет здесь и толки все и ложь:
> С Юпитером дележ
> Бесчестья не приносит.
> Признав теперь, что твой соперник — царь богов,
> Гордиться можешь ты и звать себя счастливым…

В этот момент маркиз де Монтеспан вскочил с места и принялся так громко и зло комментировать слова о том, что дележ супруги с Юпитером не приносит бесчестья, что его вывели из зала. Но и это не охладило его. Вернувшись к себе в поместье, маркиз приказал задрапировать карету траурными лентами и пригласил родственников и друзей на «похороны» своей жены.

На следующий день во дворе его замка можно было увидеть странное шествие: несколько человек несли пустой гроб, за ним шли маркиз и юноши-служки со свечами в руках. Перед тем как войти в часовню, маркиз приказал открыть двери настежь и громко воскликнул:

— Мои рога столь велики, что не пройдут в узкую дверь!

Гроб опустили в землю, и имя маркизы высекли на

надгробном камне.

По словам Рафаэля Сабатини, «все это отдавало дурным вкусом, и если маркиз избежал тайного указа о заключении в Бастилию, то лишь потому, что король опасался широкой огласки его скандальных намеков и оскорблений, могущих бросить тень на его монаршую непогрешимость».

Последней каплей стало то, что маркиз рассказал обо всех проделках своей жены придворным. При этом он заявил:

— Я стыжусь, что моя обезьяна вместе с ним развлекает чернь!

Подобные слова произвели сенсацию при дворе, и Людовик почувствовал себя настолько задетым и оскорбленным, что отправил маркиза де Монтеспана в отставку. При этом он написал начальнику своей полиции:

> «Господин де Монтеспан в Париже, и следовало бы наблюдать за его поведением. Этот сумасшедший способен на экстравагантные выходки».

За этим последовало поручение принять меры, чтобы маркиз покинул Париж, и «как можно быстрее».

С этих пор муж мадам де Монтеспан больше при дворе не появлялся. Он удалился в свое родовое поместье, а несколько позже, предупрежденный доброжелателями о том, что король все еще зол на него и ищет предлог, чтобы подвергнуть его судебному преследованию, покинул пределы Франции. Официальный развод маркиза и маркизы был оформлен 11 июля 1670 года.

Маркиз Монтеспан так до конца своих дней и не простил жене измены. Более того, он отправил письмо Марии-Терезии, в котором сообщил о любовной связи короля, что, разумеется, только усилило ненависть к нему Людовика XIV.

Новая куртизанка короля

Итак, признанная всеми новая куртизанка короля с ее безграничным влиянием, самовлюбленная и честолюбивая, стала надеждой и ужасом придворных, министров и генералов. Она тотчас добилась возвышения своей родни. Само собой разумеется, что ее отец стал губернатором Парижа, а брат Луи-Виктор де Рошешуар — маршалом Франции и герцогом де Монтевер де Вивонн.

В ее салоне собирались сливки аристократии и мира искусств. Она покровительствовала драматургу Жану Расину и поэту Жилю Буало, добилась пенсии для старика-драматурга Пьера Корнеля, помогала композитору Жану-Батисту Люлли. Она знала, в чем нуждались художники и поэты. Граф де Сен-Симон со всей возможной скрупулезностью и объективностью описывал события при дворе:

> «Она всегда была превосходной великосветской дамой, спесь ее была равна грации и благодаря этому не так бросалась в глаза».

Да и в самом Версале маркиза занимала на первом этаже двадцать комнат, а многострадальная королева на втором — всего одиннадцать. Старшая статс-дама де Ноай, супруга маршала Франции, несла шлейф маркизы, а шлейф королевы нес обыкновенный паж. При выездах ее сопровождали лейб-гвардейцы. Если она отправлялась куда-либо по стране, ее должны были приветствовать лично губернаторы и интенданты, а города посылали ей подношения. За ее запряженной шестеркой лошадей каретой следовала такая же карета с придворными дамами. Затем тянулась кавалькада почетного эскорта и бесконечный кортеж свиты.

Немногие государыни способны были держаться с таким подлинно королевским достоинством, как мадам де Монтеспан.

Историк Андре Кастело пишет:

> «В Версале только и говорили о триумфе великолепной маркизы, о ее роскоши, о ее беспредельной надменности, о ее «тысяче кудряшек», о ее брильянтовых подвесках, платьях и золоте. Особенно о золоте».

Мадам де Севинье в письме к своей дочери описывала платье,

подаренное одним из богатых и галантных придворных фаворитке:

> «Золото на золоте. Вышитое золотом, окаймленное золотом, а все это перевито золотом, и все это перемешано с золотыми вещичками, а все вместе составляет платье из необыкновенной ткани. Надо было быть волшебником, чтобы создать такое произведение, чтобы выполнить эту немыслимую работу».

Замок де Кланьи

Такой женщине, конечно же, была необходима и подобающая резиденция. Ею стал замок де Кланьи, второй Версаль, кстати расположенный совсем недалеко от первого. Правда, сначала Людовик XIV велел построить в Кланьи лишь небольшой загородный дом для своей возлюбленной, но когда маркиза увидела его, она объявила, что этого было бы достаточно для какой-нибудь оперной певички… И вскоре там был возведен огромный замок, проект которого пристыженный монарх поручил сделать прославленному архитектору Франсуа Мансару, автору замка в Блуа, дворца Мезон-Лаффит, церкви Валь-де-Грас в Париже и многих других знаменитых построек. Новый замок стоил примерно 28 000 000 ливров. Для сравнения скажем, что в то время бюджет всего французского флота составлял вдвое меньшую сумму.

Людовик XIV вообще не жалел денег на свою фаворитку. 12 января 1674 года Людовик XIV писал генеральному контролеру финансов Жану-Батисту Кольберу:

> «Мадам де Монтеспан очень хотела разбить сад уже этой осенью; сделайте все необходимое, чтобы удовлетворить ее просьбу, и сообщите мне о мерах, какие вы примете для этого».

Не только в Кланьи, но и в Версале «султанша» (так между собой называли мадам де Монтеспан придворные) чувствовала себя хозяйкой.

> «Мадам де Монтеспан пишет мне, что вы, Кольбер, спрашиваете ее, какие еще пожелания следует учесть в ходе строительных работ в Версале, — писал Людовик. — Вы правильно сделали, поступив таким образом. Продолжайте угождать ей всегда».

Семь детей от короля

Маркиза де Монтеспан окончательно утвердилась в положении «официальной фаворитки» (maîtresse en titre), когда в январе 1670 года разрешилась младенцем, Луи-Огюстом, будущим герцогом Мэнским. Ее первый ребенок от короля родился чуть раньше, но умер в 1672 году и потому не был узаконен. Луи-Огюсту повезло больше, и парламент узаконил его, объявив «королевским сыном Франции» со всеми вытекающими из этого последствиями в виде титулов, поместий и наследственной королевской ренты. В пять лет он уже был полковником, в двенадцать — губернатором провинции Лангедок, в восемнадцать — генералом.

Потом маркиза родила королю еще пятерых мальчиков и девочек, которые также были признаны его законными отпрысками. Так, в 1672 году на свет появился Луи-Сезар, будущий граф де Вексен и принц де Бурбон; в 1673 году — Луиза-Франсуаза, будущая графиня Нантская; в 1674 году — Луиза-Мария-Анна, будущая принцесса де Бурбон; в 1677 году — Франсуаза-Мария, будущая герцогиня Орлеанская; в 1678 году — Луи-Александр, будущий граф Тулузский.

Рафаэль Сабатини по этому поводу не может скрыть иронии:

> «Достойно удивления, что революция произошла не тогда же, а лишнюю сотню лет спустя, когда угнетенный народ не выдержал невыносимого бремени налогов и восстал, чтобы покончить с паразитами».

Историк Ги Шоссинан-Ногаре делает более серьезный анализ ситуации:

> «Король-солнце» узаконил шестерых бастардов от мадам де Монтеспан. Он даровал им все права законных детей, а затем, в конце жизни, пошел еще дальше, что вызвало бурную реакцию в обществе, проявившуюся, правда, уже после его смерти. Когда после кончины легитимных детей и внуков у него остался только один самый младший внук, чье слабое здоровье внушало беспокойство, он испугался, что его род по линии законного наследования исчезнет. И тогда он признал за своими сыновьями от мадам де Монтеспан, герцогом Мэнским и графом Тулузским, право наследования короны. Декларация об этом, датированная 14 июля

1714 года, была занесена в протокол парламента 2 августа. Такое новшество вызвало изумление современников, и по крайней мере часть общества, к которой принадлежал граф де Сен-Симон, пришла в негодование <…> Так рождалась идея о праве нации распоряжаться Короной, и в первую очередь о праве на контроль власти. Парадоксально, что бастарды стали невольным рупором протеста, не затихавшего вплоть до революции».

Но оставим будущие проблемы наследования и вернемся к проблемам, на тот момент более насущным. Очевидно, что мадам де Монтеспан не могла сама заниматься таким количеством детей, и, что интересно, им была найдена гувернантка — скромная, спокойная, рассудительная и начитанная женщина мадам Франсуаза д'Обинье, вдова поэта Поля Скаррона. Может возникнуть вопрос: и что же тут интересного? А то, что через несколько лет именно это ангельское создание сменит мадам де Монтеспан в постели уставшего от бурной жизни короля и войдет в историю под именем мадам де Ментенон.

Ги Шоссинан-Ногаре характеризует ее так:

«Высокая и стройная, словно Диана-охотница, окруженная лестью и галантными кавалерами, мадам Скаррон овдовела в возрасте двадцати пяти лет. Муж ничего не оставил ей, королева же назначила небольшую пенсию, и она поселилась в монастыре, сохраняя респектабельность и изредка посещая свет. Может быть, за ней и водились тайные грешки, но ей удавалось не вызывать в свой адрес злословия. Именно в таком положении она оказалась в поле зрения мадам де Монтеспан, когда в 1669 году та родила своего первого бастарда. Она доверила этой женщине своего ребенка, которого следовало воспитывать в полной тайне в снятом для этой цели маленьком домике. В 1670 году родился будущий герцог Мэнский и также оказался на попечении этой гувернантки, которая, не прерывая связи ни со своими друзьями, ни со светской жизнью, большую часть времени посвящала воспитанию вверенных ей детей. Когда двумя годами позже мадам де Монтеспан родила будущего графа де Вексена, троих детей водворила в Вожираре, и мадам Скаррон стала вести более замкнутый образ жизни, поддерживая отношения только с самыми близкими друзьями. Она сильно привязалась к детям и заменяла им мать».

Пресыщение Людовика XIV

А ведь, зная непостоянство Людовика, Франсуазе-Атенаис следовало бы опасаться появления этой более молодой и значительно более умной, чем она, женщины. Но маркизе пока было не до нее. Она и без того была окружена толпой врагов и завистников. Многих раздражали ее высокомерие и острый язык, за ней постоянно следили, чтобы обо всем доносить королю и таким образом спровоцировать тихий дворцовый переворот. К этому заранее велись приготовления, и всегда под рукой была какая-нибудь дамочка, заветным желанием которой было занять вожделенное место фаворитки.

На подобном фоне Франсуаза д'Обинье выглядела настоящим ангелом, от которого никак нельзя было ожидать подвоха.

А пока же триумф действующей фаворитки был громок и молниеносен. В непомерной гордыне она прибрала к рукам все и вся и начала тиранить окружающих, в том числе самого короля. Рафаэль Сабатини по этому поводу пишет:

> «Он сделался ее робким и покорным рабом, да только рабство это, видно, было не таким уж и сладким. Постоянство и покорность не входят в число добродетелей Юпитера. Поначалу король стал раздражителен, а потом сорвался и, отбросив всякую сдержанность, пустился в скандальный и вопиющий разврат. Представляется сомнительным, чтобы в богатой истории всевозможных королевских похождений удалось обнаружить параллели этому любвеобильному периоду в жизни «короля-солнца». В продолжение нескольких месяцев мадам де Субиз, мадемуазель де Рошфор-Теобан, мадам де Людр и множество менее значительных особ стремительной чередой прошли сквозь горнило монаршей нежности, а точнее, через королевскую постель; и, наконец, двор с изумлением воззрился на вдову Скаррон и воздаваемые ей со всеми положенными церемониями почести. Назначение вдовы на должность гувернантки королевских отпрысков никого не могло ввести в заблуждение касательно истинного положения вдовы во дворце».

Гордая маркиза де Монтеспан страдала от ревности. Она пребывала, как замечала мадам де Севинье, в неописуемом состоянии духа: в течение двух недель не показывалась перед

двором, писала с утра до вечера и все рвала в клочья перед сном.

Пока час окончательного прощания с ней короля еще не наступил, но наблюдательные люди сделали вывод — он уже пресытился маркизой…

Историк Андре Кастело констатирует:

> «Время от времени она устраивала скандалы своему сиятельному любовнику, если он оказывал внимание какой-нибудь красотке. Так было с мадам де Людр. Как только король покинул эту кокетку, весь двор бросился поздравлять мадам де Монтеспан».

Мадам де Севинье в письме к дочери восхищалась:

> «Ах, моя милая, какой триумф в Версале! Какая гордыня! Какая вновь обретенная власть! Я пробыла целый час в ее комнате. Она была в постели, причесанная, расфуфыренная — отдыхала перед «разговеньем в полночь». Как она перемывала косточки бедной де Людр!»

И действительно, после этого король и его возлюбленная стали даже более близки и общались чаще, чем когда-либо прежде. Казалось, чувства прежних лет вернулись, все былые опасения исчезли, и любой мог с уверенностью утверждать, что никогда не видел более прочного положения мадам де Монтеспан. Ничто больше не омрачало счастья маркизы, и никогда еще ее власть над королем и его двором не была столь абсолютной. Так продолжалось целых два года.

Однако вскоре оказалось, что это была последняя вспышка умирающего огня, и король вновь попал в ловушку своих собственных необузданных эмоций. На горизонте появилось восемнадцатилетнее создание, которое звали Мария-Анжелика де Фонтанж.

Шел 1679 год. Мадемуазель де Фонтанж была фрейлиной королевы, и при этом она выглядела совсем еще ребенком, нежной и свежей, как утренний лепесток розы, покрытый каплями росы. Она очаровала «короля-солнце» своими волосами цвета спелой ржи, огромными светло-серыми бездонными глазами и розовыми щечками. Она вела себя как настоящая героиня из романов. По свидетельству баронессы Лизелотты фон дер Пфальц, она была прелестна, как ангел, и родственники послали ее ко двору, чтобы она составила себе счастье, как раз благодаря этому своему главному достоинству.

Мадам де Монтеспан в это время уже исполнилось тридцать восемь лет, и перед ней находилась соперница, по возрасту годившаяся ей в дочери. На озаренном «королем-солнцем» небосклоне явно всходила новая ослепительная звезда. Нежные чувства, проявляемые Людовиком XIV к юной мадемуазель де Фонтанж, ни для кого уже не были секретом, и промедление грозило мадам де Монтеспан безжалостной отставкой.

Людовик XIV осыпал девушку бесчисленными милостями и подарками. Он пожаловал ей титул герцогини с доходом в 20 000 ливров. Подданные шушукались и роптали, официальную же фаворитку все это попросту бесило. В слепой ярости она открыто оскорбляла новоиспеченную герцогиню и однажды спровоцировала короля на публичный скандал, с небывалой откровенностью и завидной смелостью заявив ему в глаза:

— Вы обесчестили свое звание, вы покрыли себя позором. Вам явно изменил вкус. Надо же, завести шашни с этой маленькой пустышкой, у которой ума и хорошего воспитания не больше, чем у бездушной бело-розовой куклы!

Сказав это, маркиза презрительно усмехнулась, заключив свою речь беспрецедентным оскорблением:

— И вы, король, стали любовником этой неотесанной деревенщины!

Людовик XIV побагровел от возмущения и грозно воскликнул:

— Бессовестная ложь! Мадам, вы совершенно невыносимы!

А потом, будучи привычным к тому, что до сих пор даже самые гордые головы во Франции непременно склонялись перед

его гневом, он добавил:

— Вашими устами говорит ваша дьявольская гордость, ваша ненасытная алчность и безжалостная душа деспота. У вас самый лживый и ядовитый на свете язык!

Король был очень доволен своим ответом, уж он-то умел ставить людей, забывших, с кем они разговаривают, на место. Однако ответ маркизы низвергнул божество с небес на землю.

— Все мои несовершенства, — усмехнулась она, — ничто в сравнении с вашей похотливостью.

Это было уже слишком. «Король-солнце» не мог стерпеть такого надругательства над своим «грозным божественным великолепием». Эта женщина посмела указать ему на его человеческие слабости. Простить такое было невозможно.

Гробовое молчание нависло над остолбеневшими свидетелями этой сцены. Потом, в тщетной попытке спасти свое поруганное достоинство, Людовик XIV без единого слова резко повернулся и удалился, громко стуча каблуками по полированному паркету.

Вот тут-то мадам де Монтеспан и осознала, какую непоправимую глупость она совершила, но ничего, кроме ярости, не почувствовала. Кроме ярости и жажды мести. Нет, этой новоиспеченной герцогине де Фонтанж не придется наслаждаться плодами своей победы! И Людовику (да, и Людовику тоже!) не избежать наказания за свою неверность…

И маркиза уже знала, кто ей поможет.

Как-то раз ее внимание привлек один молодой человек, выделявшийся в пестрой толпе своим черным с головы до пят платьем. Бледное лицо его несло на себе печать внутренней сосредоточенности, а взгляд словно пронизывал насквозь. Это был известный алхимик Ванан из Прованса, человек сколь таинственный, столь и опасный. И мадам де Монтеспан в последней отчаянной надежде вдруг решила обратиться к нему за помощью. Она дождалась, пока он на нее посмотрит, и с улыбкой на устах сказала:

— Месье Ванан, я слышала, что ваши философские успехи столь велики, что вам удалось превратить медь в серебро?

Тонкие губы алхимика тронула улыбка:

— Это правда, мадам, — ответил он. — Я сделал слиток чистого серебра, который приобрел у меня монетный двор.

Интерес мадам де Монтеспан, казалось, еще больше возрос.

— О, монетный двор! — воскликнула она удивленно. — Но ведь это же настоящее чудо!

— Никак не меньше того, — довольно согласился алхимик. — Но теперь мне предстоит еще большее чудо — трансмутация неблагородного металла в золото.

— Что вы говорите? Неужели это возможно?

— Дайте мне только добыть секрет затвердевания ртути, а остальное — сущий пустяк. А я добуду золото, причем очень скоро.

Алхимик говорил так уверенно, словно он нисколько не сомневался в том, что обещает, и все для него выполнимо. Мадам де Монтеспан тяжело вздохнула:

— Вы мастер на такие вещи, месье Ванан. А не знаете ли вы случайно какого-нибудь надежного средства смягчить каменное сердце, сделать его более податливым?

Алхимик взглянул на нее и широко улыбнулся:

— Мадам, посмотрите на себя в зеркало. Разве вам нужны услуги алхимика?

Однако мадам де Монтеспан не стала подыгрывать его комплиментам, а мрачно ответила:

— Я смотрела, и все напрасно. Вам многое доступно, месье Ванан. Прошу вас, помогите мне.

— Любовное зелье, — хмыкнул алхимик. — И вы это всерьез?

Но по всему было видно, что эта женщина не шутит, и тогда Ванан убрал с лица улыбку.

— Алхимия, которой я занимаюсь, вам не поможет, — прошептал он. — Но я знаком с теми, кто может сделать то, что вы хотите…

Маркиза с горячностью схватила его за руку.

— Я хорошо заплачу, — пообещала она.

— Да, уж… Подобные услуги стоят дорого…

Алхимик оглянулся, желая удостовериться, что их никто не подслушивает, и наклонился к уху мадам де Монтеспан:

— Я знаю одну колдунью по имени Лавуазен. Она известна многим придворным дамам, и, если хотите, я мог бы замолвить ей за вас словечко…

Мадам де Монтеспан вдруг побледнела. Богобоязненное воспитание, несмотря на греховную жизнь, которую она вела, заставило ее содрогнуться от отвращения перед задуманным. Колдовство ведь от дьявола. Она хотела уже было высказать свои сомнения, но тут в другом конце зала вдруг зазвенел женский смех. Это был смех мадемуазель де Фонтанж, к прелестному ушку которой склонился самодовольный король. Сильный приступ ярости мутной волной окатил душу мадам де Монтеспан, и все ее сомнения были тотчас же забыты. Пусть Ванан отведет ее к этой своей колдунье, а там будь что будет.

Колдунья Лавуазен встретила мадам де Монтеспан любезно и пообещала посодействовать. Для этого она связалась с другой колдуньей по имени Ляфилястр, имевшей самую зловещую репутацию, а также привлекла двух опытных отравителей — Романи и Бертрана, и все вместе они изобрели хитроумный план устранения герцогини де Фонтанж. Романи под видом торговца нарядами и Бертран под видом его слуги должны были заявиться в дом герцогини и предложить ей разные товары, в том числе модные перчатки из Гренобля, славившиеся во всем мире. Любая женщина, разумеется, попадется на такую приманку. Но это будут не простые перчатки, а должным образом обработанные. И, поносив их некоторое время, герцогиня умрет медленной смертью. При этом ни у кого не возникнет ни малейшего подозрения в ее отравлении.

Как все обстояло на самом деле, никто не знает, но в конце июня 1681 года мадемуазель де Фонтанж тяжело заболела и умерла. Говорят, что причиной тому было воспаление легких, возникшее у нее после неудачной попытки родов (родился мальчик, но он тут же умер, а роженица потеряла очень много крови и сильно ослабла). Однако бедная Мария-Анжелика, которой едва исполнилось двадцать лет, умерла, убежденная в том, что ее отравила ее соперница. Людовик XIV думал так же и хотел было отдать распоряжение о вскрытии, однако

родственники герцогини выступили против этого. Установить истинную причину смерти так и не удалось. Несмотря на это, версия об отравлении получила широкое распространение. В частности, баронесса фон дер Пфальц писала: «Нет сомнений, что де Фонтанж была отравлена. Сама она обвинила в своей смерти де Монтеспан, которая подкупила лакея, и тот погубил ее, подсыпав отраву в молоко».

Многие современные исследователи склоняются к этой же версии. Однако далеко не все. Ги Шоссинан-Ногаре, например, пишет:

> «Новейший биограф мадам де Монтеспан, Жан-Кристиан Птифис, после внимательного ознакомления со всеми обстоятельствами дела оправдал свою героиню от обвинений в отравлении <…> Сейчас очень трудно разобраться во всех перипетиях этого грязного и темного дела с фигурировавшими в нем дикими верованиями, питавшими ум и душу мадам де Монтеспан. Не следует ли вообще, за неимением твердых доказательств, исключить криминальный характер действий фаворитки?»

Черные мессы аббата Гибура

Со смертью мадемуазель де Фонтанж фактически закончилась семилетняя абсолютная власть мадам де Монтеспан над Людовиком XIV. И благородные кавалеры, и простолюдины продолжали относиться к ней с благоговейным трепетом, но, совершенно отвергнутая королем, она теперь принимала почести за насмешки. По всей видимости, отставная фаворитка совсем потеряла рассудок и, внешне ничем себя не выдавая и сохраняя высокомерную улыбку, стала лелеять в душе различные планы мести.

Страх перед участью Луизы де Лавальер доводил мадам де Монтеспан до отчаяния. Привыкшая играть главные роли, она пала ныне до положения простого зрителя разыгрывавшейся дворцовой комедии и молча наблюдала за происходившим, и лишь в самой глубине ее прекрасных глаз мелькали отблески того адского пламени, которое сжигало ее душу и сердце. Теперь у нее была лишь одна мечта — покарать оставившего ее на посмешище всем любовника. А почему бы для этого вновь не обратиться к колдунье Лавуазен, чтобы та пропитала своим зельем его одежду или место, где он должен был сидеть…

Вся эта драма всплыла на свет во время одного веселого ужина, данного мадам Лавигурё, женой модного дамского портного. Одна из приглашенных, знахарка и гадалка Мари Боссе, выпила лишнего и, давясь от смеха, воскликнула:

— Какая клиентура! Только графини, маркизы, принцессы и вельможи! Еще три отравления, и я покину это блестящее общество с хорошеньким состоянием…

Один из присутствовавших, адвокат мэтр Перрен, передал услышанное своему другу, служившему капитаном в королевской полиции. Тот отправил свою осведомительницу к Мари Боссе с тайным заданием пожаловаться на своего мужа, и незадачливая гадалка легко попалась в эту ловушку. Она сразу же предложила своей новой клиентке флакон с ядом, который «поможет ей избавиться от злого мужа». Отравительницу тут же схватили, а вместе с ней и мадам Лавигурё, которая промышляла тем же. На следующий день арестовали и колдунью Лавуазен, у которой при обыске нашли мышьяк и несколько других сильнейших ядов. За этими злодейками в тюрьму последовали алхимики, искатели философского камня и прочие чародеи, совершавшие черные мессы…

Узнав об этих злодеяниях, Людовик XIV учредил специальную комиссию — «Огненную палату» (по названию средневекового

суда над еретиками). «Огненная палата» активно взялась за работу, и вскоре около сорока человек было приговорено к смерти.

На допросах колдуньи Лавуазен, которая была осуждена на сожжение на костре на Гревской площади, всплыло имя мадам де Вивон, двоюродной сестры мадам де Монтеспан, а также мадемуазель Клод дез Ойет, камеристки мадам де Монтеспан. По словам колдуньи, она нередко поставляла придворным камеристкам разные снадобья, а еще она призналась, что многие люди разных сословий и достояний обращались к ней, чтобы найти средство избавиться от неугодных им лиц.

После казни перед следствием предстала Маргарита Лавуазен, дочь колдуньи, и она заявила:

— Моя мать казнена, мне некого больше щадить, и я хочу, чтобы узнали правду.

Далее она рассказала, как присутствовала на черных мессах, проводимых дома у ее матери ужасным аббатом Гибуром. Эти черные мессы сопровождались ритуальными убийствами младенцев, а однажды она видела обнаженную женщину, лежащую перед аббатом, и на животе у нее лежала салфетка, а на ней — крест и чаша. Это была мадам де Монтеспан. Ее тело аббат использовал вместо алтаря.

Далее Маргарита Лавуазен уточнила:

— Когда мадам де Монтеспан начала сомневаться в расположении короля, она дала знать матери, и та послала ей какие-то снадобья, а потом вызывала священника для служения черной мессы.

О священнике-расстриге Этьенне Гибуре она сообщила то, что тот принес на мессу для мадам де Монтеспан ребенка, явно родившегося раньше срока. Он купил этого младенца всего лишь за один экю, сказав несчастной матери, доведенной до отчаяния голодом, что намеревается отдать его женщине, у которой «соски болят от обилия молока». Потом он проткнул горло младенца ножом и налил его кровь в чашу, которую поставил на живот мадам де Монтеспан. После этого он приступил к заклинаниям:

> «Астарот, Асмодей, князь согласия, молю вас принять в жертву этого младенца, а взамен исполнить то, о чем прошу. Молю вас, духи, чьи имена записаны на этом свитке, содействовать желаниям и намерениям особы, ради которой была отслужена месса».

Мадам де Монтеспан при этом выразила свою волю в следующих словах:

«Хочу, чтобы король не лишил меня своей дружбы, чтобы принцы и принцессы при дворе воздавали мне почести, чтобы король никогда не отказывал мне».

Литургическое действо было совершено по всем правилам, только по завершении его аббат прикоснулся губами не к алтарю, а к подрагивающему телу прекрасной мадам де Монтеспан. Потом он изготовил какое-то гнусное зелье, и его пил король вместо микстуры от кашля.

Маргарита Лавуазен сказала также, что мадам де Монтеспан прибегала к черным мессам не однажды, а всякий раз, когда связь короля с очередной любовницей казалась ей долгой и серьезной. Она заявила, что и ее мать неоднократно готовила для мадам различные снадобья и порошки для короля, которые делались из обугленных и растолченных костей жабы, зубов крота, человеческих ногтей, шпанской мушки, крови летучих мышей, кошачьей мочи, лисьего кала, артишоков и стручкового перца. Поистине, если «король-солнце» после этого выжил, то он обладал могучим здоровьем.

И действительно, колдовское зелье оказывало на короля совсем не такое воздействие, на которое надеялась мадам де Монтеспан. Монарх вдруг стал испытывать просто ненасытную потребность в половой близости, в чем скоро пришлось убедиться многим придворным дамам. Первой, на кого он обратил внимание, была баронесса де Субиз, которая, по образному выражению Ги Бретона, «почтительно уступила не слишком почтительному предложению». Ее муж, кстати, в отличие от маркиза де Монтеспана, обладал покладистым характером и был вполне деловым человеком. Увидев в своем бесчестье верный источник дохода, он не стал протестовать, а, наоборот, быстро сколотил себе миллионное состояние. Вслед за баронессой последовали сначала мадемуазель де Грансе, затем принцесса Мария-Анна Вюртенбергская…

Аббат Гибур также был арестован и во всем признался. Он показал следователю листок, где были записаны просьбы, которые мадам де Монтеспан назвала ему во время черной мессы. Вот они:

«Я прошу дружбы короля, и чтобы она не кончалась. Пусть королева будет бесплодна, пусть король покинет ее постель и стол для меня. Пусть я получу от него все, что попрошу для себя или для родственников. Пусть мои друзья и слуги будут ему приятны. Пусть я буду уважаема вельможами; чтобы меня призывали на королевский совет, чтобы я знала, что там происходит.

> Пусть дружба и любовь короля ко мне удвоится. Пусть король разведется с женой, и я стану королевой».

Дочь колдуньи Лавуазен и другие подследственные утверждали, что мадам де Монтеспан хотела отравить и самого короля с помощью прошения, написанного на отравленной ядом бумаге. По словам Ги Бретона, Трианон, сообщница Лавуазен, «приготовила отраву столь сильную, что Людовик XIV должен был умереть, едва прикоснувшись к бумаге». Но исполнению этого плана якобы помешали какие-то обстоятельства.

Было ли это на самом деле? Трудно сказать. Однако историк Жорж Монгардьен в своей книге «Дело о ядах» замечает:

> «История не имеет права принимать без сомнения ужасные обвинения против мадам де Монтеспан, матери законных принцев. Личности отравителей и колдунов не заслуживают доверия. Надо по крайней мере очень осторожно принимать их показания. Одна из колдуний, Лафилястр, давшая показания против мадам де Монтеспан, перед казнью отказалась от своих обвинений.

Надо учесть, что обвиняемые, чтобы избежать смертной казни, были заинтересованы в том, чтобы скомпрометировать самых высокопоставленных людей королевства, и в первую очередь — любовницу короля. Это давало шанс превратить простое уголовное дело об убийстве в «государственное» и сделать невозможным дальнейшее расследование. Кто же выносит сор из «государственной» избы?!

Не могло быть и речи о вызове маркизы де Монтеспан в суд для дачи показаний перед «Огненной палатой», и колдуньи прекрасно это знали. Впутать в дело фаворитку короля и ее фрейлин — означало смутить гражданские и судебные власти, затянуть следствие или даже сделать суд и час расплаты невозможными».

Правая рука короля, генеральный контролер финансов Жан-Батист Кольбер, чья третья дочь вышла замуж за племянника мадам де Монтеспан, во что бы то ни стало хотел спасти маркизу, и для него показания знахарок были «мерзкой ложью».

«Маргарита Лавуазен, — утверждал он, — своими показаниями со всеми этими громкими именами и титулами явно хотела превратить процесс в «государственное» дело». По мнению министра, это было верное средство избежать суда.

Соломоново решение Людовика XIV

Когда все открылось, король был сражен. Его многолетняя возлюбленная, мать его детей, подозревалась в таких ужасных преступлениях! Однако, хорошенько подумав, Людовик XIV принял поистине соломоново решение. Была задета королевская честь, и он приказал… закрыть следствие. Был ли он убежден в невиновности мадам де Монтеспан, или нет, но он не мог рисковать своим именем, оказавшись замешанным в таком громком скандале.

Генерал-лейтенант полиции Ля Рейни был в отчаянии:

> «В Бастилии и Венсеннской тюрьме содержится сто сорок семь обвиняемых по этому делу. Против каждого из них есть веские доказательства вины в отравлениях или продаже ядов, обвинения в кощунстве и безбожии. Приказ короля оставляет этих негодяев без заслуженного наказания».

Чтобы как-то успокоить общественное мнение, провели суд и приговорили к смертной казни двух обвиняемых: они оказались из тех, кто был меньше виновен и никогда не произносил имя мадам де Монтеспан. Затем секретным письмом от 21 июля 1682 года была распущена «Огненная палата». Заключенные, которые слишком много знали, были переведены в другие тюрьмы. Военный министр Франсуа-Мишель Ле Теллье де Лувуа приказал приковать их цепями к стенам камер. Так они и провели остаток своей жизни. Некоторые просидели по сорок лет, наблюдая, как умирают один за другим их «коллеги». Лувуа запретил тюремщикам слушать «клевету», выдуманную этими безбожниками. «В особенности, — писал он, — порекомендуйте этим господам воздержаться от громких выкриков всяких глупостей в адрес мадам де Монтеспан, которые не имеют никаких оснований. Пригрозите им таким наказанием при малейшем шуме, чтобы ни один из них не осмелился бы даже громко вздохнуть».

Когда пришли арестовывать мадам де Вилльледье, она воскликнула:

— Почему арестовали меня, всего лишь раз посетившую Лавуазен, тогда как мадемуазель дез Ойет побывала у нее раз пятьдесят, и она на свободе!

— Король не будет страдать, потеряв вас, — заметила ей мадемуазель дез Ойет.

Сама мадемуазель дез Ойет не была вызвана в суд на очную ставку с главными обвиняемыми. Людовик XIV удовлетворился тем, что упрятал ее в частном доме на улице Монмартр в Париже, где она и умерла 18 мая 1687 года. Заметим, что эта дама была не просто камеристкой мадам де Монтеспан, но и… одной из любовниц короля, от которого она даже имела незаконнорожденную дочь Луизу, появившуюся на свет в 1676 году.

А что же мадам де Монтеспан? Если обвинения в желании отравить короля могли быть сняты, то обвинения в участии в черных мессах и жертвоприношениях младенцев остались. Людовик XIV оберег себя от публичного признания ее связи с колдунами. Все министры и советники объединили свои усилия, чтобы смягчить слишком быстрое падение фаворитки и избежать скандала. Мать детей короля не могла быть отлучена от королевского двора, она должна была лишь покинуть свои огромные апартаменты на первом этаже и переселиться в более дальние и скромные. Король продолжал принимать ее и наносить ей официальные визиты в присутствии придворных, но все свидетели этой трагикомедии в Версале отмечали глубокие изменения в отношении короля к маркизе. Мадам де Севинье писала дочери, что Людовик XIV обходится с ней довольно грубо. Другой придворный, де Бюсси-Рабютен, утверждал, что король смотрит на нее с неприязнью.

Постепенное возвышение мадам де Ментенон

В августе 1680 года военный министр де Лувуа, желавший во что бы то ни стало спасти мадам де Монтеспан, устроил ей встречу с королем (по некоторым версиям, король сам через своего министра назначил ей аудиенцию). Мадам де Ментенон, наблюдавшая за ними издали, заметила, что опальная фаворитка очень волнуется. Сначала маркиза плакала, затем засыпала всех упреками, заявила, что все это ложь и что она пошла на эти преступления только потому, что ее любовь к королю была необъятной.

Гордая, еще недавно всевластная дама буквально ползала у короля в ногах, но король остался тверд и равнодушен к ее слезам. Он сказал, сколь отвратительна ему женщина, запятнавшая себя столь гнусным кощунством. Он не говорил о ее преступлении прямо, но намеками в достаточной степени проявил свою осведомленность. Мадам де Монтеспан поначалу была сражена его обвинениями и подавленно всхлипывала, однако не в ее натуре было долго и безропотно внимать упрекам. Презрение короля пробудило в ней гнев, и всю ее покорность словно рукой сняло.

— Ну, так что же? — воскликнула она, сверкая мокрыми от слез глазами. — Разве только моя в этом вина? Пусть все, в чем вы меня обвиняете, — правда. Но не меньшая правда и то, что вы своим бессердечием и изменами ввергли меня в бездну отчаяния. Я вас любила, ради вас я пожертвовала моей честью, моим любящим мужем, этим честным и благородным человеком, я пожертвовала всем, чем только может дорожить женщина. И что я получила от вас в награду? Ваши жестокость и непостоянство сделали меня посмешищем придворных лизоблюдов. И вас еще удивляет, как я могла впасть в такое безумие? Как смогла я потерять жалкие крохи чести и чувства собственного достоинства, которые у меня еще оставались? Я давно потеряла все, кроме жизни. Возьмите и ее, если это доставит вам удовольствие. Небесам известно, сколь мало она для меня значит! Но не забудьте: занося руку надо мной, вы ударите мать ваших детей — законных детей Франции. Помните об этом!

Но все было напрасно. Король остался непреклонен. При этом он заботился только о себе — как бы не уронить своего королевского достоинства. Для него не было ничего страшнее, чем быть замешанным в скандале или оказаться в смешном

положении, а это должно было неизбежно случиться, стань дело достоянием гласности.

Его бывшая фаворитка получила королевскую пенсию в 10 000 пистолей (100 000 франков) и была отправлена в монастырь Святого Иосифа. Ее роль в деле отравителей прояснится только после вскрытия архивов Бастилии в XIX веке. Увы, прояснится только частично, ибо в 1709 году Людовик XIV собственноручно уничтожит бумаги своего только что умершего начальника полиции.

После этого король вновь обратился к религии и вернулся к Марии-Терезии. Надо сказать, что на этот путь он вступил не без помощи мадам де Ментенон, которая, по словам Ги Бретона, «потихоньку обретала влияние, действуя в тени, но чрезвычайно ловко и осмотрительно». Людовик XIV видел, с какой любовью она воспитывает детей, совершенно заброшенных мадам де Монтеспан. Он уже успел оценить ее ум, честность и прямоту и, не желая признаться в том самому себе, все чаще искал ее общества.

Пройдет несколько лет, и Людовик XIV привяжется к этой женщине, так не похожей на мадам де Монтеспан. После дела отравителей его смятенная душа явно потребует утешения. В 1683 году умрет королева, и вскоре король пойдет на тайный брак с мадам де Ментенон, откажется от шумных праздников и любовных связей и станет вести примерный образ жизни.

Покаяние в монастыре и смерть

А тем временем мадам де Монтеспан полностью сдала все свои позиции. По словам Ги Шоссинан-Ногаре, «когда в 1691 году она оставила двор, в ней уже давно видели лишь осколок минувших времен». Она поселилась в ею же самой основанном монастыре Святого Иосифа и здесь ежедневно каялась и пыталась искупить свои грехи. Она не смела вернуться ко двору даже для того, чтобы присутствовать на брачных церемониях своих детей. Пытаясь найти душевный покой, она понемногу раздала бедным почти все свое состояние, трудилась в монастырях и богадельнях, выполняя самую грязную работу, скудно питалась, соблюдала все посты и церковные запреты, носила грубое белье и железный пояс, от которого у нее были раны на теле. Ее преследовал постоянный страх смерти. Граф де Сен-Симон рассказывал:

> «Она ложилась спать с незашторенными окнами, со множеством горящих свечей, вокруг нее должны были бодрствовать служанки. Когда бы она ни проснулась, они должны были разговаривать, есть, прихорашиваться, но только не спать».

Так прошло шестнадцать лет. Наконец, 27 мая 1707 года, она исповедалась, попросила прощения за все свои злодеяния, получила отпущение грехов и умерла. Ей было шестьдесят шесть лет, и ее последними словами была благодарность Богу за то, что он дал ей умереть в месте, далеком от детей, не виноватых в ее грехах.

Прослышав о ее смерти, Людовик XIV остался безразличен, заметив лишь герцогине Бургундской:

— С тех пор, как я дал ей отставку, я не рассчитывал когда-либо с ней встретиться. Она уже давно была мертва для меня.

Глава пятая
Маркиза де Помпадур

Она была очень умной женщиной, сумевшей удержаться в непростом положении: любовница короля, не отличавшегося постоянством, она чрезвычайно ловко перешла от любви к дружбе, став, в некотором роде, поставщицей наслаждений, которых больше не дарила сама… Она довольно успешно занималась политикой, изменяя ход истории.

АНРИ ДЕ КАСТРИ, французский писатель XIX века, историк

Дочь Франсуа Пуассона?

Жанна-Антуанетта Пуассон, будущая маркиза де Помпадур, родилась в Париже 29 декабря 1721 года, и была она дочерью не мясника и не торговца скотом, как это иногда пишут (поставщиком мяса для парижского Дома инвалидов был дедушка Жанны-Антуанетты по материнской линии), а, как сейчас говорят, «делового человека», связанного со снабжением армии. Впрочем, если это и лучше, то совсем ненамного: Жанна-Антуанетта не имела ни «голубой крови», ни внушительной, уходящей в века родословной, короче, ничего, что могло бы позволить предположить, что вскоре она станет одной из самых знаменитых женщин не только Франции, но и всей Европы. Более того, многие впоследствии говорили, что она имела несчастье быть дочерью Франсуа Пуассона, сына Клода Пуассона и Мари Маранже.

Франсуа Пуассон был тем еще ловкачом, а с учетом того, что ловкачами были и братья Пари, владельцы крупного королевского банка, у которых он служил, можно себе представить, чем занимался отец Жанны-Антуанетты и в каких делах он преуспел.

Мать Жанны-Антуанетты, в девичестве Луиза-Мадлен де ля Мотт, тоже была личностью достаточно специфической. О ней говорили много всякого разного, но ведь соседи всегда такие: сначала злословят, а уж потом разбираются, был ли действительно повод для злословия.

Упомянутые братья Пари, а их было четверо, в те времена считались весьма влиятельными людьми. Контролируя государственные финансы и продовольственные поставки для армии, они пользовались практически неограниченной властью. Перед ними трепетали полководцы и политики, и даже сам король иногда занимал у них крупные суммы денег. Один из них, Жан Пари, более известный как Пари де Монмартель, и стал крестным отцом Жанны-Антуанетты. А ее крестной матерью согласилась стать дочь четвертого из братьев, Жозефа Пари-Дювернэ.

Дела у Франсуа Пуассона в «хозяйстве» братьев Пари тоже шли весьма неплохо: его повысили до управляющего, а затем и до старшего управляющего. Он стал неплохо зарабатывать, а его семья смогла себе позволить переехать с улицы Клери, где родилась Жанна-Антуанетта, на более престижную улицу кардинала де Ришельё.

Все шло просто замечательно до 1725 года, то есть до тех пор, пока не разразился страшный скандал, в результате которого отец Жанны-Антуанетты едва избежал тюрьмы и спасся от

виселицы лишь тем, что сумел бежать за границу. В одночасье благополучие семьи рухнуло, и мать Жанны-Антуанетты осталась одна с двумя детьми на руках. Почему с двумя? Да потому, что у Жанны-Антуанетты к этому времени уже был младший брат Абель, родившийся как раз в этом самом 1725 году. В будущем он станет маркизом де Мариньи.

Красивый дом Пуассонов на улице кардинала де Ришельё был конфискован, и оставшаяся без кормильца семья перебралась на невзрачную улочку Нёв-де-Бонзанфан. Там Луизе-Мадлен Пуассон ничего не оставалось, как день и ночь лить слезы. Это сейчас женщина, оказавшаяся в ее положении, еще может пойти работать и хоть как-то содержать себя и детей, в те же времена вариантов у нее не было никаких. Хотя нет, один вариант все же был, и его наша красавица сумела использовать по полной программе. Вариантом этим оказался, конечно же, другой мужчина, и звали его Шарль Ле Норман де Турнэм. В свое время он служил послом в Швеции, а теперь возглавлял крупную компанию и от имени короля занимался сбором податей. Будучи другом семьи Пуассонов, он не бросил бедную женщину в беде.

Может возникнуть естественный вопрос: а что такое «друг семьи» в данном контексте? И первое, что приходит в голову, — конечно же, любовник. Возможно, так оно и было на самом деле. Во всяком случае, богача де Турнэма частенько включают в список предполагаемых отцов Жанны-Антуанетты.

Удивительно, но точного ответа на вопрос, кто был подлинным отцом будущей маркизы де Помпадур, нет. Франсуа Пуассон, безусловно, утверждал, что отец — это он. Однако разные биографы маркизы указывают в этом смысле на разных мужчин. Так, например, братья Гонкуры, давшие миру знаменитую литературную премию своего имени, называют любовником Луизы-Мадлен Пуассон государственного секретаря Ле Блана, историк Жилль Перро — банкира Жана Пари де Монмартеля. Он пишет:

> «Никто не может абсолютно утвердительно сказать, что господин Пари де Монмартель, ее крестный, не был одновременно и ее отцом».

Относительно родственных связей между Жанной-Антуанеттой Пуассон и господином де Турнэмом тот же историк высказывает не менее осторожное предположение:

> «Финансист Ле Норман де Турнэм, генеральный откупщик, связанный с братьями Пари, был старым любовником мадам Пуассон и, возможно, отцом ее

дочери».

Современный исследователь этого вопроса Ги Шоссинан-Ногаре тоже то ли предполагает, то ли утверждает:

> «Пуассон, возможно, не был родным отцом девочки, им мог быть и Пари де Монмартель, и откупщик Ле Норман де Турнэм — оба состояли в близких отношениях с мадам Пуассон. Эта дама не отличалась неприступностью и имела дурную славу».

Как бы то ни было, после того как Жанна-Антуанетта стала знаменитой, сразу два брата Пари и господин Ле Норман де Турнэм долго оспаривали друг у друга факт отцовства. Но вот незадача: сам Франсуа Пуассон благополучно бежал за границу, оставив жену и детей на произвол судьбы, братья Пари тоже как-то не очень озаботились проблемами семьи своего бывшего старшего управляющего, а реальную помощь в беде оказал лишь господин де Турнэм.

С раннего детства Жанна-Антуанетта была введена в круги крупных парижских финансистов, и это общество привило ей вкус к роскоши и меценатству, которыми отличались друзья господина де Турнэма.

Следует сказать, что большую часть детства маленькая Жанна-Антуанетта провела в постели — она была слаба, как тогда говорили, грудью и горлом. Говоря современным языком, она была склонна к респираторным заболеваниям и предрасположена к туберкулезу. Но у постельного режима есть одно преимущество — он волей-неволей заставил девочку много читать. Наряду с романами, стихами и пьесами, мадемуазель Пуассон очень жаловала книжки по ремеслам и естествознанию. Кроме того, она обнаружила склонность к рисованию: до уровня профессионального художника будущая маркиза де Помпадур, конечно, не дотягивала, но для обычного дилетанта рисовала очень и очень недурно.

Пророчество гадалки

В 1726 году пятилетнюю Жанну-Антуанетту отдали в монастырь в Пуасси, монашенками которого были две сестры Франсуа Пуассона. Там она стала болеть еще больше, но ее образование получило недостающую ему системность.

Оставила монастырь Жанна-Антуанетта через три года. К этому времени она стала совершенно прелестным ребенком. Прекрасное личико, идеальная фигурка, изумительный цвет кожи, умные и блестящие глаза — о чем еще мечтать будущей женщине? Уже в девять лет она очаровывала всех вокруг. Не хватало лишь одного — крепкого здоровья.

Когда девочка вернулась домой, мадам Пуассон, восхищенная ее красотой, всплеснула руками и воскликнула:

— Ну и лакомый же ты кусочек!

После того как дочери исполнилось девять, мать отвела ее к Жанне Лебон, одной из самых знаменитых в то время гадалок, и та, внимательно посмотрев на хрупкую девочку, вдруг сказала:

— Эта малютка в один прекрасный день станет царствовать в сердце короля.

Подобное предсказание несказанно обрадовало мать, и она бросилась рассказывать об этом соседям. С тех пор все вокруг стали звать ее ребенка не иначе как Ренетта, что в переводе с французского значит «Королевна». Было от чего закружиться и детской головке. Закружилась она тогда или нет, мы не знаем, но точно известно, что двадцать лет спустя, когда предсказание сбылось, маркиза де Помпадур разыскала старуху-гадалку и передала ей огромные по тем временам деньги — 600 ливров[10]. «За то, что, когда мне было девять лет, она предсказала мне, что я стану любовницей короля». Этим она лишний раз доказала, что с младых ногтей и навсегда усвоила одно правило: по-настоящему талантливым творческим людям всегда надо платить, платить сполна, платить не скупясь. Это люди необычные, с совершенно другой душевной организацией, и их мало, гораздо меньше, чем каких-нибудь герцогов, графов или маркизов. Именно этим, кстати сказать, она выгодно отличалась от подавляющего большинства сквалыжно-скаредных фавориток французских королей времен прежних и будущих.

А пока же детская головка, скорее всего, все-таки не пошла кругом, ведь с самых малых лет у Жанны-Антуанетты умственное начало уверенно опережало сердечное. Впрочем, в девять лет даже самый практический ум вряд ли мог ей подсказать, как обычной простолюдинке проникнуть в вожделенный Версальский

дворец, жилище французских королей.

«Эта малютка в один прекрасный день станет царствовать в сердце короля». Мысль об этом не оставляла Жанну-Антуанетту, и она стала жить мечтами о любовном романе с монархом. Собственно, о самой любви она пока имела весьма приближенное представление, однако это не мешало ей предаваться сладостным грезам о неведомых пока наслаждениях.

Брак с Шарлем д’Этиолем

Когда Жанне-Антуанетте исполнилось девятнадцать, стало ясно, что пора выходить замуж. Таковы были неписаные правила, но никто не торопился взять в жены дочь проворовавшегося и даже приговоренного к виселице служащего и женщины сомнительной репутации. И тут за дело вновь взялся господин Ле Норман де Турнэм. В результате, 9 марта 1741 года в церкви Сент-Осташ Жанна-Антуанетта все же стала замужней женщиной.

«Счастливчиком» оказался племянник господина де Турнэма Шарль Ле Норман д’Этиоль, сын Эрве Ле Нормана, генерального казначея монетного двора, и Элизабет де Франчини.

Он был всего на четыре с половиной года старше Жанны-Антуанетты, и поначалу идея брака с «какой-то там Пуассон» не показалась молодому человеку удачной. Но дядя сумел сделать ему предложение, от которого так просто не отказываются: он сказал, что всю жизнь будет оплачивать все его расходы из первой половины своего огромного состояния, а после смерти пообещал оставить в наследство и вторую половину.

Новоявленный жених был мал ростом и совершенно некрасив, но зато теперь он стал невероятно богат. Конечно, Шарль д’Этиоль не тянул на сказочного принца, но и рохлей, каковым его ныне представляют некоторые историки, он тоже не был. Отнюдь нет. Он был дворянином из вполне приличного, хотя и не очень богатого рода, с собственным фамильным замком. Другая бы на месте Жанны-Антуанетты руками и ногами ухватилась за такое предложение. Другая, но не она. Она долго тянула с окончательным ответом, но потом все же согласилась, представив все так, что это не ее пристраивают замуж, а она делает большое одолжение, соглашаясь на брак.

Так девица Пуассон рассталась со своей незавидной фамилией (по-французски poisson — это рыба) и стала именоваться мадам д’Этиоль.

Двух недель «медового месяца» Жанне-Антуанетте оказалось достаточно, чтобы забеременеть, и четко по графику к 26 декабря 1741 года она родила мужу мальчика, но тот, к несчастью, не прожил и нескольких недель. После этого 10 августа 1744 года она родила дочь, которую назвали Александриной.

Замужество как переходный этап

Вскоре Шарль д'Этиоль незаметно для самого себя полюбил свою жену, и ему стало казаться, что они вместе уже много-много счастливых лет. Так иногда бывает, иначе не существовала бы поговорка «стерпится — слюбится». Но более всего удивительно было то, что он не просто полюбил Жанну-Антуанетту — он буквально преклонялся перед ней, боготворил и готов был исполнить любые ее желания. В своем замке он устроил для жены домашний театр с настоящей сценой, занавесом и кулисами. Лошади и экипажи, платья и драгоценности мадам д'Этиоль очень скоро стали вызывать зависть соседей.

Каждый день Шарль дарил жене цветы и говорил, что любит ее. Она же, смеясь, отвечала, что тоже любит его и никогда не оставит, разве что только ради самого короля. Шарль непринужденно смеялся в ответ. Ему очень нравилась непосредственность супруги, и это ее высказывание даже стало чем-то вроде семейной шутки, но, как потом оказалось, мадам д'Этиоль и не думала шутить.

По словам братьев Гонкуров, «это замужество не было для нее ни целью, ни завершающим этапом, оно было средством, переходным этапом». Замок Этиоль — это, конечно, хорошо, но Жанна-Антуанетта мечтала совсем о другом. Ее цель состояла в том, чтобы любыми правдами и неправдами познакомиться с королем.

Молодая женщина быстро поняла, что искусство нравиться сводилось к нескольким приемам, и ими совсем несложно было овладеть. Прежде всего, надо было стать знаменитой или хотя бы общаться со знаменитыми людьми. Эта задача была уже почти выполнена. Далее, чтобы обратить на себя внимание, не нужно было следовать общепринятым правилам поведения. Правильной и заурядной личностью никто не будет восхищаться, а поразить может только оригинальность во всем — и в мыслях, и в поступках. Как говорится, даже недостаток, свойственный лишь одному, делает больше чести, чем достоинство, разделяемое с другими. А еще нужно было уметь притворяться и обманывать, а также не забывать о том, что все вокруг тоже притворяются и обманывают. Это позволяло всегда видеть не то, что говорят и показывают, а то, что за этим скрывается.

Для того чтобы стать любовницей короля, нужно было для начала, чтобы король ее увидел, а чтобы он ее увидел, нужно было как минимум появиться в Версальском дворце. Понимая это, Жанна-Антуанетта начала пристально следить за Версалем —

ведь там была ее судьба, там находился обещанный ей гадалкой монарх. Кроме того, она стала регулярно ездить в Сенарский лес, где имел обыкновение охотиться король Людовик XV (в этом лесу, на счастье, и был расположен замок Этиоль).

Жанна-Антуанетта рассуждала так: вдруг случится чудо, и проезжающий мимо король заметит ее.

Король Людовик XV

Людовик XV — король Франции из династии Бурбонов — правил в стране с 1715 года, то есть (так уж сложилось) с пятилетнего возраста.

Когда французскому королю исполнилось пятнадцать, его женили на Марии Лещинской, дочери польского короля Станислава. Новая королева Франции была на восемь лет старше Людовика, чрезвычайно набожна, скучна и не особенно привлекательна. Зато она обладала мягким характером, была несварлива и тихое женское семейное счастье ценила превыше всего на свете.

Заметим, что в двадцать лет Людовик XV был чист и непорочен сердцем, а его двор, как это ни покажется потом удивительным, представлял собой средоточие самых невинных и простодушных нравов. Король страстно увлекался охотой, любил игру, вкусную еду и тулузские вина. А еще он любил работать руками и не чурался даже самой черновой работы: с удовольствием выращивал лук, вышивал по нанесенному на ткань рисунку и вытачивал весьма красивые деревянные табакерки. В своей частной жизни он был скромен, добр и со всеми любезен.

Несмотря на большое количество окружавших его красивых и соблазнительных женщин, король долгое время хранил верность своей законной супруге. Первые годы их брака были безоблачными, почти образцовыми, и у них за менее чем десять лет родилось десять детей. Однако, произведя на свет столько детей, Мария Лещинская — женщина и без того от природы малотемпераментная — стала обнаруживать по отношению к королю усталость и холодность.

— Только спать с ним, беременеть и рожать… Как же это скучно! — призналась она как-то одной из своих придворных дам.

Призналась… и повела себя, как самая обыкновенная женщина, смертельно уставшая от выполнения «супружеского долга»: стала увиливать от него под всевозможными предлогами. А что же король? Король был мужчиной. Подобная сексуальная голодовка ему быстро надоела, и он постепенно начал отдаляться от жены.

Так началась знаменитая эпоха фавориток Людовика XV.

Первой в их бесконечной череде стала графиня де Майи, дочь фрейлины королевы маркизы де Нель. Потом ей на смену пришла ее сестра Фелисите де Нель, потом — герцогиня де Лорагэ (третья сестра де Нель), потом — маркиза де ля Турнелль (четвертая сестра де Нель). Последняя была самой очаровательной и самой

влиятельной, и ей в 1744 году король-любовник пожаловал титул герцогини де Шатору.

Место в сердце Людовика XV вакантно

К несчастью для короля, в декабре 1744 года герцогиня де Шатору умерла. Мадам д'Этиоль восприняла смерть фаворитки как сигнал к активным действиям.

После смерти любовницы Людовик XV несколько растерялся. Разумеется, никто не сомневался в том, что рано или поздно он обзаведется новой пассией. Назывались и имена возможных кандидаток на эту роль. Их было немало, и начали даже составляться целые группы в поддержку той или иной герцогини, маркизы или графини. Но время шло, а король, казалось, свято хранил память о мадам де Шатору. Так продолжалось несколько месяцев.

Не помогали ни охоты, ни государственные дела. Тоска… Король никого не желал видеть и все чаще стал запираться в своем великолепном замке Трианон, где предавался глубокой скорби и печали. Людовик XV определенно не знал, где искать новую любовницу, достойную предыдущей.

Помимо короля, смерть герцогини де Шатору очень расстроила еще одного человека. Это был Луи-Франсуа дю Плесси, герцог де Ришельё — внучатый племянник легендарного кардинала де Ришельё, первого министра короля Людовика XIII, которого все знают по произведениям Александра Дюма. Мадам де Шатору была «его человеком», и теперь герцог де Ришельё, видя, что король крайне опечален, старался побыстрее найти ему новую подругу.

Чтобы хоть как-то развлечь короля, герцог обратился к общественным увеселениям. В результате в начале февраля 1745 года жаждущих занять место фаворитки внезапно взбудоражило сообщение: в Версале готовится грандиозный бал-маскарад… Бал-маскарад? Карнавальное веселье и суета? Тысячи приглашенных? А вдруг именно в этот вечер король сделает свой выбор — почему бы и нет?

Бал-маскарад в Версале

Вечером 25 февраля 1745 года в Большой галерее Версальского дворца резвились под звуки приятнейшей музыки все без исключения хозяева тогдашней жизни. Кого тут только не было: Арлекины и Коломбины, китайцы в соломенных шляпах и размалеванные дикари, пастухи и страшные колдуны, феи и диковинные существа из сказок… Фантазия участников маскарада не знала границ. Не имела она и финансовых ограничений, ведь на балу присутствовал весь королевский двор, представители всех самых видных и богатых семейств Парижа.

Ну а что же король? Время, как известно, — лучший целитель, и его душевная рана хоть и не перестала болеть окончательно, но, по крайней мере, больше не кровоточила. В два часа ночи переодетый в тисовое дерево с цветочной вазой наверху он все же выдал себя, обратившись с комплиментами к некоей юной красавице в одеянии Дианы-охотницы. Его Величество был не прочь познакомиться. Их сразу же окружила восторженная толпа. Прекрасная Диана в ответ на предложение снять маску вдруг начала дразнить короля, маня его за собой, но маски не снимая. Сильно заинтригованный, Людовик XV стал пробираться за ней следом. Продолжая кокетничать и громко смеяться, Диана все время терялась в толпе. Таинственная незнакомка, похоже, прекрасно знала слабое место короля: паническую боязнь скуки. Погоня за ускользающей Дианой — это было новое приключение, слишком хорошая приманка, чтобы Людовик XV пренебрег ею.

В руке у Дианы был платок. То, что произошло дальше, описывает собиратель пикантных историй о маркизе де Помпадур Жан-Луи Сулави:

> «В руке у нее был платок, и то ли случайно, то ли специально она его обронила. Людовик XV торопливо поднял платок, но он не мог пробраться к его владелице и со всей учтивостью, на какую был способен, бросил ей этот изящный комочек».

В зале раздался смущенный переходящий из уст в уста шепот:
— Платок брошен… Платок брошен… Платок брошен…

Диана ловко поймала платок. Она победила. Всем остальным соискательницам освободившегося места в сердце короля стало ясно: у монарха зарождается новый любовный роман, и «ловить» им в прямом и переносном смысле этого слова больше нечего.

Нетрудно догадаться, что молодой женщиной, которую при

всех выбрал король, оказалась Жанна-Антуанетта д'Этиоль. Она была необыкновенно хороша собой. Светловолосая, с задорными искрящимися глазами, глядящими сквозь прорези в маске, высокой грудью, прекрасными руками с тонкими запястьями и элегантными пальчиками. Лишь один недостаток нарушал это совершенство. Да, собственно, и не недостаток вовсе, а так — небольшой дефектик на фоне общего совершенства. Современники отмечали, что у избранницы короля были слишком бледные, как будто обветренные, губы. Этот факт объяснялся привычкой постоянно их прикусывать — вот невидимые сосудики и порвались. Ничего страшного, даже в чрезмерно бледных губах можно найти определенную прелесть.

В одно мгновение молодая женщина стала мишенью для тысяч ненавидящих взоров — все приглашенные на бал-маскарад безжалостно ее разглядывали и, конечно же, осуждали. Придворные дамы чувствовали себя оскорбленными. Это неслыханно! Им предпочли неизвестно кого! Место в Версале займет любовница не из аристократок, а из буржуа! История Франции подобного еще не знала…

Король влюблен

Но король уже принял свое решение, и оно было окончательным и бесповоротным. После эпизода с оброненным платком мадам д'Этиоль не пришлось долго ждать. Людовик XV приказал своему камердинеру Бинэ вновь доставить кокетку в Версаль.

Король и «малютка д'Этиоль», так Людовик XV пока называл свою избранницу, вместе поужинали. Разумеется, «лакомый кусочек для короля» вскоре очутился в самой завидной постели Франции.

Разумеется, в первый раз все прошло не совсем гладко, но Людовик XV был удовлетворен, влюблен и полон желания еще раз «пообщаться» со своей новой фавориткой.

Вообще-то говоря, Людовика XV называли человеком с «крайне сложным и загадочным характером». Жанна-Антуанетта это знала. А еще о нем говорили, что его «скромность была качеством, которое превратилось у него в недостаток». И это она тоже знала и старалась использовать. Все эти «сложности характера» — это же всего лишь обыкновенные комплексы. Их много у любого мужчины, и король здесь не исключение. А раз так, то нужно тонко играть на этом. Королю грустно — мы его развеселим, король не уверен в себе — мы его обнадежим, король лучше всего себя чувствует в обществе красивых женщин — оно у него будет. Главное — четко соблюдать правила игры и ни в коем случае не форсировать событий, ведь столько великолепных планов разрушилось из-за излишней торопливости исполнителей…

К моменту встречи на балу-маскараде с мадам д'Этиоль Людовику XV, этому «красивейшему мужчине в своем королевстве», было тридцать пять лет. Будущей же маркизе де Помпадур едва исполнилось двадцать три.

Она затмила всех других женщин двора

Так что же такого было во внешности этой молодой женщины, так решительно и бесповоротно покорившей сердце короля? Многочисленным портретам, написанным в то время, доверять трудно: и мужчины, и женщины на них — все на одно лицо. Все такие округленькие, розовощекие, с элегантными носиками, огромными глазами и пухлыми губками. На них даже молодой Людовик XV удивительно похож на Жанну-Антуанетту, а Жанна-Антуанетта — на молодого Людовика XV. По всей видимости, художники XVIII века задолго до появления социалистического реализма поняли, что изображать надо только положительные черты человека, даже не черты — а идеальные представления о его возможных чертах.

Отзывы современников, как и подобает, выглядят порой взаимоисключающими. Многие из них даже не стоит цитировать. Одно важно, что даже самые лютые враги будущей маркизы де Помпадур вынуждены были признать, что не испытывали ничего приятнее и обворожительнее, чем беседа с ненавистной, но такой обаятельной фавориткой.

Вот, например, президент Парижского парламента Шарль Эно (совсем не близкий друг Жанны-Антуанетты) еще в 1741 году, то есть в год ее свадьбы, писал:

> «Я встретил одну из самых красивых женщин, каких мне когда-либо доводилось видеть. Это была мадам д'Этиоль. Она прекрасно разбирается в музыке, поет со всей возможной веселостью и вкусом, знает сотни песен, играет в спектаклях, не хуже, чем играют в Опера́».

Или, например, Дюфор де Шеверни, занимавшийся представлением иностранных послов (вообще человек почти посторонний), он написал о Жанне-Антуанетте следующее:

> «Ни один мужчина из живущих на свете не отказался бы иметь ее своей любовницей. Высокая, но не длинная; прекрасная фигура; круглое лицо с правильными чертами; изумительные цвет кожи, руки и пальцы; глаза не так чтобы очень большие, но самые яркие, умные и блестящие из всех, что я видел. Все в ней округлое, включая и жесты. Она, бесспорно, затмевает всех других женщин двора, хотя некоторые из них очень красивы».

А вот описание маркиза Шарля де Вальфона:

> «Своей грацией, легкостью фигуры и красотой волос она напоминает нимфу».

Впрочем, однозначно внешность этой женщины охарактеризовать вряд ли возможно. Тут скорее имел место случай, справедливо замеченный французским афористом XVIII века Пьером Буастом, говорившим, что «красота бывает лишь относительной: наденьте только слишком сильные или слишком слабые очки, и она исчезает». Оттого-то так и разнились описания облика будущей маркизы де Помпадур. Естественно, многое, если не все, здесь зависело от отношения к ней.

Один из явных недоброжелателей маркизы, граф д'Аржансон, не находил в ней ничего особенного:

> «Она была блондинкой со слишком бледным лицом, несколько высоковатой и довольно плохо сложенной, хотя и наделенной грацией и талантами».

Сопоставляя подобные словесные портреты, вывод можно сделать такой: красота Жанны-Антуанетты была достаточно специфической, скажем так, не классической, и в современные фотомодели ее точно не взяли бы, но она была потрясающе интересной женщиной, настолько интересной, что для окружавших ее мужчин (а уж тем более для влюбленных в нее мужчин) пропорции ее тела, длина ног, размер груди и цвет волос не имели ровным счетом никакого значения.

А вот главный королевский егерь господин Леруа искренне восхищался ею:

> «Ростом она была выше среднего, стройная, непринужденная, гибкая, элегантная. Ее лицо прекрасно гармонировало с ее телом: правильный овал, красивые волосы, скорее светло-шатеновые, чем белокурые, достаточно большие глаза, обрамленные длинными ресницами, совершенной формы нос, привлекательный рот, очень красивые зубы, чудесная улыбка и самая красивая в мире кожа, придававшая сияние всему ее облику».

Особенно же поражали Леруа непонятного цвета глаза Жанны-Антуанетты:

> «Ее глаза обладали особой привлекательностью,

вероятно потому, что невозможно было точно сказать, какого они цвета; в них не найдешь ни ослепительного блеска черных глаз, ни мечтательной нежности голубых, ни особой утонченности серых; их неопределенный цвет придавал им неповторимую соблазнительность и все оттенки выразительности».

Очень поэтично, не правда ли? И вполне совпадает с портретами Франсуа Буше, которому будущая маркиза всегда оказывала покровительство.

Не исключено, что именно это покровительство маркизы и повлияло на то, что на портретах кисти Буше она предстает чуть ли не богиней красоты со свежим, румяным и достаточно упитанным лицом, в то время как история донесла до нас массу фактов, свидетельствующих о том, какого слабого здоровья была эта женщина и каких невероятных усилий требовало от нее поддержание иллюзии любвеобильной и цветущей красавицы.

Так или иначе, но ее «неопределенного цвета» глаза вскоре оказались напротив королевских на последовавшем за баломмаскарадом представлении итальянской комедии. Жанне-Антуанетте пришлось сильно постараться, чтобы получить место рядом с королевской ложей. В итоге король снова пригласил мадам д’Этиоль поужинать…

Переезд в Версальский дворец

А еще через несколько дней простодушный король, пожелавший превратить неуправляемую идиллию в постоянную связь, предложил Жанне-Антуанетте переехать к нему в Версальский дворец, и она не заставила себя долго упрашивать. Переезд состоялся 31 марта 1745 года.

После этого Жанна-Антуанетта заняла прежние покои мадам де Майи и мадам де Шатору. О, какие удивительные истории могли бы рассказать стены этих комнат, если бы стены умели говорить!

А через два с половиной месяца был оформлен развод Жанны-Антуанетты с Шарлем д'Этиолем, ставшим третьим лишним. В соответствии с брачным договором бывший муж выплатил бывшей жене 30 000 ливров.

Избавившись от обузы в лице изрядно поднадоевшего мужа, экс-мадам д'Этиоль облегченно вздохнула: позади был очень важный этап ее жизни. Теперь необходимо было заставить королевский двор примириться с ее присутствием в Версале. Однако это оказалось делом отнюдь не легким. Ее несколько вольное обращение, а иной раз бесцеремонная, игривая манера говорить не всем здесь нравились. Многих шокировало, когда она называла герцога де Шольна — «мой поросенок», аббата де Берни — «голубь мой», а мадам д'Амбримон — «моя тряпка».

А еще «новенькая» совершенно не умела садиться и вставать, как это было принято при дворе, не так держала вилку и нож и т. д. и т. п. Все эти умения вырабатывались годами и требовали особых тренировок.

Все это только подливало масла в огонь всеобщего недовольства «новенькой», и Жанна-Антуанетта еще острее почувствовала непрочность своего положения. Ей был категорически нужен серьезный титул. И она стала незаметно подводить короля к этой мысли.

Маркиза-гризетка

Счастливый Людовик XV не мог отказать своей новой любовнице ни в чем. В результате уже 7 июля 1745 года он купил для нее титул маркизы де Помпадур и земли в Оверне с 12 000 ливров дохода. Кстати сказать, по слухам, деньги на этот подарок королю предоставил финансист Пари де Монмартель, принимавший активное участие в продвижении наверх Жанны-Антуанетты.

Ставшее знаменитым слово «Помпадур» связано с названием одноименного средневекового замка. Замок этот был построен в 1026 году Ги де Лятуром и представлял собой восемь башен, соединенных мощными стенами и окруженных глубоким рвом. В XII веке замок был сожжен англичанами, а через три столетия восстановлен феодалом Жоффруа де Помпадуром, давшим ему свое имя.

Следует отметить, что фамилия де Помпадур была в свое время во Франции достаточно известной. К сожалению или, скорее, к счастью, ведь не случись этого, она точно не осталась бы на века в памяти человечества, она угасла в начале XVIII века в связи с тем, что в ней не осталось продолжателей рода мужского пола. Последней, условно говоря, «настоящей» маркизой де Помпадур считается Мария-Франсуаза Эли де Помпадур, маркиза д'Отфор. После нее замок перешел во владение принца де Бурбон-Конти, а тот уже в 1745 году переуступил маркизат Людовику XV.

Получив этот замок во владение, Жанна-Антуанетта, впрочем, так в нем никогда и не побывала, а в 1760 году продала его банкиру Ляборду, который перепродал его герцогу де Шуазелю. Во время Великой французской революции замок был разрушен, и восстановили его уже в наше время.

Но, даже став маркизой и ежедневно проводя по несколько часов в спальне короля, Жанна-Антуанетта продолжала оставаться чужой при дворе, ведь она не имела там никакой должности и даже не была официально представлена. Требовалось как можно скорее упрочить ее положение, и 14 сентября 1745 года король представил новоиспеченную маркизу приближенным как свою новую и официальную подругу. Версальским придворным ничего не оставалось, как тихо негодовать, ведь со времен Габриэль д'Эстре, ставшей первой в истории Франции официальной фавориткой монарха (Генриха IV Наваррского), это почетное место занимали только дамы из приличных семей. Сейчас же им предлагалось любить и почитать едва ли не плебейку, непонятно от кого рожденную.

Маркизе де Помпадур злые языки тут же дали прозвище Гризетка с явным намеком на то, что в их глазах она мало чем отличается от особ, добывающих себе пропитание пошивом дешевой одежды и прогулками по вечерним парижским улицам («grisette» по-французски — сорт легкой дешевой ткани).

Ну и пусть Гризетка! Новоявленная маркиза все равно была в восторге. Наконец-то осуществились самые смелые ее мечтания, за что ей, несомненно, надо благодарить Бога, если она хоть немного в него верила. Король любил ее, и это было важнее всего. Его счастье передавалось ей, их сердца и души как будто слились в единое целое… Во всяком случае, маркизе так казалось, ведь сама она полностью растворилась в Людовике, подчинив все свои помыслы удовлетворению его самых сокровенных желаний. Несмотря на высоту своего положения, он не показывал ни малейшей самонадеянности и старался доставить ей как можно больше удовольствия как в постели, так и вне ее. Редкая женщина устояла бы под таким натиском…

Официальная фаворитка короля

Относительно «плебейки» придворные были, конечно же, не совсем правы. Жанна-Антуанетта происходила из кругов новой французской буржуазии, она несла в себе дух Парижа, дух нового общества, только начинавшего выдвигаться на вершину застоялой государственной иерархии. Обитатели Версаля с опаской взирали на эту «буржуазку», несшую угрозу их многовековой монополии, и именно этим и объясняется суровость, а нередко и полная несправедливость их суждений о ней.

Ги Шоссинан-Ногаре восхищается:

> «Сколько новизны привнесла с собой эта истинная парижанка со своей веселостью, ясным умом и свободой, которые так контрастировали с жеманством и устаревшей слащавостью двора. Рожденная, воспитанная и сформировавшаяся в духовной среде лучшего парижского общества, самого открытого и привлекательного — в литературных салонах и особняках щедрых финансистов, — эта женщина принесла с собой во дворец легкий бриз, наполненный дыханием жизни столицы. Свежий ветер совершенно нового вкуса, пикантный и пряный, повеял на Версаль, заскрипевший под этим дуновением».

Однако на первых порах все при дворе сочли, что опьяненная своей властью новая фаворитка короля ведет себя как самая последняя выскочка: виданное ли дело, она пожелала, чтобы все оказывали ей особые знаки внимания.

Сразу невзлюбивший фаворитку герцог де Ришельё по этому поводу писал:

> «Мадам де Помпадур потребовала, будучи любовницей, то, что мадам де Ментенон получила, являясь тайной супругой. В рукописях герцога де Сен-Симона она прочла о фаворитке Людовика XIV: та, сидя в особом кресле, едва привставала, когда монсеньер входил к ней, не проявляла должной учтивости к принцам и принцессам и принимала их лишь после просьбы об аудиенции или сама вызывала для нравоучений.

Мадам де Помпадур считала своим долгом во всем ей

подражать и позволяла себе всевозможные дерзости по отношению к принцам крови. Они почти все покорно ей подчинились, кроме принца де Конти, он холодно с ней обращался, и дофина, который открыто ее презирал».

Свою деятельность новая фаворитка начала с того, что лишила места министра финансов Филибера Орри, решительно отказавшегося ей покориться. Главный финансист Франции был большим врагом братьев Пари и, считая их отъявленными жуликами, отказался продлить им заказ на поставки для армии. Те пожаловались маркизе, и Филибер Орри получил отставку.

Что касается личного богатства маркизы, то оно быстро начало расти, и через шесть месяцев после объявления ее официальной любовницей короля она имела уже 600 000 ливров годового дохода.

Версальская Шахерезада

Жанна-Антуанетта понимала, что, пока король не будет целиком в ее власти, титул официальной фаворитки вряд ли можно будет удержать надолго. А незаменимой для него она могла стать только в том случае, если бы сумела изменить само качество его жизни, избавить от меланхолии и скуки, ставших в последнее время постоянными спутниками Людовика XV. А значит, ей предстояло сделаться эдакой версальской Шахерезадой.

Это превращение совершилось быстро. Теперь каждый вечер в ее гостиной Его Величество обнаруживал какого-нибудь интересного гостя. Скульптор Бушардон, философ-просветитель Монтескье, художники Карл Ван Лоо, Франсуа Буше и ученик последнего Жан Фрагонар, композитор и органист Жан-Филипп Рамо, знаменитый естествоиспытатель Жорж Леклерк де Бюффон — вот далеко не полный список представителей художественной и интеллектуальной элиты, которые окружали маркизу. Столь изысканное общество развлекало короля, открывая ему все новые и новые грани жизни. В свою очередь гости маркизы — люди бесспорно талантливые — в глазах общества повышали свой социальный статус, обретая тем самым существенную поддержку. Как видим, с самого начала маркиза де Помпадур почувствовала вкус к меценатству и не изменяла этому пристрастию всю свою жизнь.

Так начиналась эпоха маркизы де Помпадур при французском дворе. При дворе, где до нее красивый, обаятельный, окруженный многочисленными придворными король обычно скучал. Маркиза же поставила перед собой главную цель — развлекать короля. Развлекать, не переставая, если понадобится — круглые сутки. И она развлекала его, каждый раз придумывая что-то новое, что-то, о чем король и подумать не мог.

Но маркиза не только развлекала короля. Она еще выступала как своего рода психотерапевт: терпеливо выслушивала его, понимающе кивала головой, жалела. Она всегда, в любых обстоятельствах была на его стороне. В этом отношении она заменила ему мать, которой король лишился, когда ему было всего два года. С ней одной он теперь мог по-настоящему расслабиться и даже поплакать. С ней одной он мог себе позволить побыть самим собой и не играть роль великого монарха великой державы.

Известен, например, такой факт. Однажды министр де Морепа сильно утомил короля своим долгим докладом. Но это

была работа, и король, у которого уже голова шла кругом от витиевато-бессмысленного бормотания министра, не осмеливался прервать его. И тут на помощь ему подоспела маркиза де Помпадур, которая резко оборвала министра и сказала:

— Все! Господин де Морепа, от вас у короля уже лицо стало желтым… Прием окончен! До свидания, господин де Морепа!

Как же он был благодарен за это своей фаворитке! Дошло до того, что без нее он стал чувствовать себя незащищенным, каким-то жалким, лишенным опоры.

Короче говоря, она стала его добрым другом. Настоящим другом. Не церемонно-подобострастным, как придворные, не эгоистичным и тщеславным, как дофин и ему подобные, не вежливо-равнодушным, как королева, а верным, все понимающим и всегда готовым прийти на помощь. И таким же нежным, как мама.

О роли маркизы в жизни короля очень точно сказали братья Гонкуры:

> «Мадам де Помпадур овладела всем существованием Людовика XV. Она убивала все его свободное время, скрашивала его монотонный ход, ускоряла течение дней. Она вырывала его из вечной скуки, тянувшейся от раннего утра и до поздней ночи. Она наполняла его и занимала, не оставляя ни на минуту и не позволяя снова оказаться один на один с самим собой».

Граф д'Аржансон написал об этом в своем дневнике буквально следующее:

> «Король обрел в госпоже д'Этиоль, каковая вскоре стала называться маркизой де Помпадур, очень подходящую особу для руководства собой. Пленив его проявлениями нежности, она достигла большей власти, чем могло бы дать личное доверие, утешение, посвящение в тайны. Она объездила его с ловкостью, более достойной профессиональной куртизанки, которая становится плотской любовницей, не нуждаясь в душевной связи, что не в обычае у знатных и достойных женщин. Ее мать, знаменитая блудница Пале-Рояля, подготовила и предназначила ее для такого рода деятельности».

Но король любил ее не за это, вернее, не только за это. Рядом с ней он, зажатый в тиски этикета, со всеми этими многочасовыми церемониями пробуждения и отхода ко сну

чувствовал себя просто свободным человеком. Кто, кроме маркизы де Помпадур, мог зазвать в королевские гостиные столь блистательных интеллектуалов и собеседников — от Вольтера до Бернара де Фонтенелля? Того самого де Фонтенелля, который за пять дней до смерти в столетнем возрасте с грустной улыбкой сказал: «Печально, друзья! Я начинаю терять вкус к жизни!»

Людовик XV, выросший без матери и отца, был человеком застенчивым, во многом закомплексованным. Маркиза же, в числе прочего, умела короля и по-матерински приласкать. При этом она очень дорожила их близостью и делала все возможное, чтобы соответствовать сексуальному напору короля. В частности, у нее хранилось множество баночек с ароматическими травами и мазями, а естественный порядок вещей она часто заменяла его замысловатыми имитациями, приводившими короля в неописуемый восторг.

Сколько раз она пыталась испытать неизведанное блаженство, предаваясь мечтам о плотских наслаждениях. Порой она в неистовстве бросалась на кровать и начинала ласкать себя руками, но каждый раз приходилось признать иллюзорность своих надежд. Все было тщетно, ибо можно легко обмануть мужчину, можно даже попытаться обмануть саму себя, но природу не обманешь…

Эти усилия во имя любви делали ей честь, ибо маркиза по природе своей была не самого горячего темперамента, и ей стоило большого труда представлять собой женщину страстную, охочую до любви, ненасытную. Для этого она прибегала к всевозможным ухищрениям. Мадам дю Оссэ, преданная камеристка маркизы, в написанных ею «Мемуарах» доносит до нас некоторые из них:

> «Мадам де Помпадур изо всех сил старалась нравиться королю и отвечать его страстным желаниям. На завтрак она пила шоколад с тройной дозой ванили. В обед ей подавали трюфели и суп с сельдереем».

Казалось бы, весьма странное меню, но известно, например, что древние ацтеки и индусы кипятили ту же ваниль в молоке и пили эту смесь как сексуальный тоник. Известно также, что корни, стебли и листья сельдерея поднимают общий тонус организма, а дорогущие трюфели, эти подземные грибы с их специфическим вкусом, являются лучшей возбуждающей пищей, оставляя позади даже икру и устрицы.

Роль королевы Марии Лещинской

Королева Мария Лещинская, несмотря на то что у нее были все основания относиться к новой фаворитке мужа с предубеждением, приняла Жанну-Антуанетту исключительно любезно. После официального представления новой фаворитки королева объявила:

— Раз уж королю непременно нужна любовница, пусть это лучше будет мадам де Помпадур, чем кто-нибудь другой.

Это выглядит странно, но Гризетку чуть ли не лучше всех приняла именно законная супруга короля. Возможно, королева, настрадавшаяся в свое время от нахально-бесцеремонных сестер де Нель, была рада, что новая фаворитка ее супруга оказалась, по крайней мере, почтительной. А возможно, набожная и совершенно охладевшая к сексуальным утехам королева почувствовала в Жанне-Антуанетте родственную душу. И она не ошибалась — интимная сторона отношений с королем и его новой фаворитке давалась не без труда. По всей видимости, именно эта проблема впоследствии в определенной степени сблизила обеих женщин. Во всяком случае, доподлинно известно, что королева относилась к маркизе де Помпадур гораздо лучше, чем ко всем остальным бывшим и будущим фавориткам своего супруга. Это помогло маркизе еще прочнее утвердиться при дворе.

Провокации недовольных

Стремительный рост влияния Жанны-Антуанетты, о которой еще три года назад никто ничего не знал, произвел впечатление на придворных. Мало-помалу все они в той или иной степени склонили головы перед ней, и даже министры стали прислушиваться к ее мнениям и указаниям.

Конечно, анонимные угрозы продолжали приходить с малоприятной регулярностью, однако внешне все стало выглядеть достаточно прилично. Лишь несколько человек осмеливались не скрывать того, что остаются ее противниками.

Одним из главных врагов фаворитки короля стал герцог де Ришельё, имевший сильное влияние на Людовика XV. Выскочку-маркизу он терпеть не мог и по отношению к ней всегда вел себя ужасно: не смеялся над ее шутками, не хвалил ее нарядов, не поддерживал ее начинаний. Самое неприятное заключалось в том, что делал он это открыто и демонстративно, заботясь лишь об одном: чтобы этого не видел король. В присутствии маркизы вид его всегда был насмешливым, а речь — желчной. Доходило до того, что, когда у маркизы сильно болела голова, он специально хлопал дверями и устраивал танцы, доводя ее до полного отчаяния.

Враги маркизы де Помпадур обвиняли удачливую фаворитку короля во всех смертных грехах. И дело тут было не только в ней. Вся ревность аристократии, зависть к быстро возросшему богатству буржуа — вся эта «классовая ненависть» обрушилась на Жанну-Антуанетту.

Один из ее врагов — граф д'Аржансон — по этому поводу писал:

> «Она чудесно обогатилась и сделалась объектом всеобщей ненависти».

Конечно, газет в нынешнем понимании этого слова тогда не было. Но была куча профессиональных острословов, и была парижская толпа, которая мгновенно подхватывала многочисленные сатирические стишки, куплеты и эпиграммы, которые стали называться по девичьей фамилии маркизы де Помпадур — пуассонадами (poissonades).

Автором нескольких пуассонад, к удивлению маркизы, оказался ее старый друг Вольтер (он, правда, потом очень долго извинялся, утверждая, что это не более чем шутка).

«Отличился» и морской министр граф де Морепа,

написавший ряд просто неприличных четверостиший, направленных против фаворитки короля. Вот, например, одно из них, найденное маркизой де Помпадур под своей салфеткой на обеде в Шуази:

Маркиза наша — чудо красоты,
И прелести ее достойны пира Духа.
Лишь ступит где — рождаются цветы,
Но вот беда, что ни цветок — то шлюха.

Этого маркиза стерпеть не могла, и вскоре к господину де Морепа явился курьер с запиской, в которой рукой короля было написано:

«Месье, в ваших услугах больше не нуждаются. Передайте ваши обязанности месье де Сен-Флорантену. Поезжайте к своей семье. Я освобождаю вас от надобности отвечать мне».

Редко когда королевская немилость выражалась столь неожиданно и в столь жесткой и не допускающей толкований форме.

«Олений парк»

В 1751 году маркизе де Помпадур исполнилось тридцать лет, и именно в это время ей все же пришлось смириться с тем, что король рано или поздно ускользнет из ее объятий, ведь тягаться с чужой молодостью и красотой дальше ей уже было решительно невозможно. Королю было чуть за сорок, и его все больше и больше тянуло к молоденьким, сексуально активным девушкам. Да маркиза и сама понимала, что ее давняя болезнь легких неотвратимо делает свое разрушительное дело. Бессонные ночи и бесконечные интриги не могли пройти бесследно, ее былая красота начала блекнуть, и бороться с этим процессом становилось все труднее и труднее.

Страдала маркиза и от еще одного крайне неприятного недуга — от тика лицевых мышц, причем это была даже не болезнь как таковая, а симптом какого-то очень серьезного заболевания нервной системы. Выражалось это в том, что глаз ее постоянно как бы подмигивал, неизменно привлекая внимание окружающих, воспринимавших это как какие-то тайные или интимные сигналы. На самом же деле все это были лишь непроизвольные сокращения окологлазных мышц.

Заболевание, которым страдала маркиза де Помпадур, — довольно редкое в истории медицины. Оно встречается примерно один раз на десять миллионов человек и чаще всего является реакцией на какую-то критическую ситуацию либо на сильное моральное переутомление. Когда все было хорошо, тик проходил, но когда маркизе приходилось сильно понервничать, он вновь появлялся, причем в самые неподходящие моменты.

К счастью для себя, маркиза поняла одну важную вещь: как человек она была нужна королю, и пока у него и в мыслях не было расставаться с ней. Но при этом он любил женщин и не видел ничего дурного в том, что и они платили ему той же монетой. К фаворитке это не имело никакого отношения. Как говорится, «ничего личного». Просто такова была его физиология, потребность его мужского организма. Короче говоря, Людовик XV совершенно безболезненно мог разделять духовную и физическую стороны своего бытия. В его душе безраздельно царствовала маркиза де Помпадур, и никто другой ему в этом плане и не был нужен. Зато в области физиологической одной маркизы ему уже давно было мало, но наличие других женщин совершенно не умаляло его любви к фаворитке.

Сейчас 1751 год всеми историками признан годом завершения физической близости маркизы де Помпадур с

королем. В те времена охлаждение августейшей особы означало безвозвратный уход бывшей фаворитки в тень и в лучшем случае забвение, а в худшем — опалу и ссылку «куда подальше» по принципу «с глаз долой — из сердца вон».

Конечно, король продолжал по-своему любить маркизу. Но это уже была не та любовь, которая налетает, словно шквал, сметая все на своем пути. Эта любовь больше стала похожа на привязанность, порожденную долгим приятным общением и привычкой. Но привычка привычкой, а от физической близости король отказываться не собирался, и если маркиза де Помпадур ему в этом не всегда могла быть полезной, то он не считал для себя зазорным получать недостающее «на стороне».

Тайные агенты маркизы и многочисленные «доброжелатели», конечно же, сообщили ей о постепенно набиравших обороты королевских шалостях. Оценив опасность, она решила удерживать Людовика XV возле себя — во что бы то ни стало и как можно дольше. И она не была бы маркизой де Помпадур, если бы не нашла из подобного почти безнадежного положения свой собственный, мало кому доступный выход. Она сказала сама себе, что надо перестать даже и пытаться соперничать с молодыми и здоровыми женщинами. Все равно это бессмысленно и выглядит нелепо. А решив так, она откровенно заявила своему возлюбленному, что предпочитает лучше остаться его хорошим другом, чем всеми силами пытаться продолжать быть плохой любовницей. Подобное заявление далось ей непросто, но она сама выбрала для себя эту маску и теперь следовало ей соответствовать.

Возможно, короля подобное заявление удивило. Но наверняка не слишком: ведь именно так поступила и его законная жена, когда поняла, что их сексуальные темпераменты друг другу больше не соответствуют. Людовику XV определенно везло на умных и рассудительных женщин.

С этого момента маркиза де Помпадур предоставила королю свободу, но, как очень скоро выяснилось, свободу контролируемую. Холодный рассудок маркизы и ее железная воля подсказали ей единственно верный выход из положения. В тишине ничем не примечательного особнячка в Версале она оборудовала пять комнат. Этот домик, скрытый от посторонних глаз густой кроной деревьев и получивший название «Олений парк», стал местом свидания короля с молоденькими дамами, приглашенными и выбранными для него… самой маркизой де Помпадур.

Осознание того, что у короля любовь душевная и любовь физическая — это две совершенно разные вещи, стало

переломным моментом в отношении к нему маркизы де Помпадур: оказалось, что ей и не надо цепляться за место в его постели, да и поводов к ревности не было никаких. Главное заключалось лишь в том, чтобы дирижировать этим процессом и не подпускать к королю настоящих соперниц, то есть женщин, способных претендовать на нечто большее, чем просто увлекательная краткосрочная интрижка.

Впоследствии об «Оленьем парке» чего только не рассказывали. Большинство историков утверждали, что там находился своего рода гарем, в котором Людовик XV устраивал свои чудовищные оргии. Некоторые даже говорили, что это было огромное строение в восточном стиле с большим ухоженным садом, цветущими полянами, сказочными павильонами и стадом пугливых ланей, которых так любил преследовать похотливый монарх.

На самом деле все обстояло совершенно иначе. «Олений парк» — это старое название Версальского квартала, построенного во времена Людовика XIV на месте дикого парка времен Людовика XIII.

Вот что пишет в своих «Исторических достопримечательностях» Жозеф Ле Руа, который в 1864 году был служащим версальской библиотеки и провел собственные исследования, касающиеся этого квартала:

> «Людовик XIII купил версальские владения и заказал строительство небольшого замка, чтобы оказаться среди лесов, окружавших это место, и спокойно предаться любимому развлечению — охоте. Прежде всего он позаботился о разведении недалеко от своего жилища зверей для этих потех. Среди лесов он выбрал место, куда были приведены олени, лани и другие дикие животные. По его приказу там возвели стены, несколько сторожевых павильонов, и это место получило название «Оленьего парка».

«Олений парк» включал все пространство между улицами Сатори, Росиньоль и Святого Мартина (то есть между сегодняшними улицами Сатори, авеню де Со, улицей Эдуарда Шартона и маршала Жоффра).

При Людовике XIV «Олений парк» вначале был сохранен, а город состоял из Старого Версаля и нового города, образуя один Нотр-Дамский приход.

Прожив несколько лет в Версале, Людовик XIV к 1694 году увидел, с какой быстротой разрастался созданный им город. Пришлось пожертвовать «Оленьим парком». Людовик XIV

приказал снести стены, вырубить деревья, разрушить сторожевые постройки, выровнять почву. Проложили улицы, разбили новые площади. Участки здесь получили в основном выходцы из королевского дома. Но в царствование Людовика XIV на новой территории были возведены лишь отдельные строения».

После смерти Людовика XIV Версаль в течение нескольких лет оставался в запустении — здесь ничего нового не строили. Но когда сюда переселился Людовик XV, а с ним вернулся и многолюдный двор, со всех сторон стали прибывать новые жители. Население Версаля, в котором после смерти Людовика XIV жили лишь 24 000 человек, в первые пятнадцать лет правления Людовика XV почти удвоилось. С неимоверной быстротой возводились дома и в «Оленьем парке». Население этого квартала стало таким многочисленным, что назрела необходимость разделить приход на две равные части и создать новый, образующий сегодня квартал, или приход, Сен-Луи.

Действительно, многочисленные любовницы короля отбирались теперь в «Оленьем парке» под личным руководством маркизы. Предпочтение отдавалось тем, кто и не пытался вообразить, будто может рассчитывать на нечто большее, чем просто увлекательная интрижка. Маркиза ревностно следила за тем, чтобы женщины, появлявшиеся в жизни короля, исчезали прежде, чем они успеют запустить свои коготки в его сердце. Да и сам Людовик XV был вполне согласен с такой постановкой вопроса: от других женщин ему нужна была только постель, и заблуждаться на этот счет никому не следовало. Что же касается области серьезных чувств, то это была прерогатива его фаворитки, и всем остальным дорога туда была заказана.

Итак, все находилось под полным контролем маркизы де Помпадур, и ни одна из любовниц ничего не требовала и не задерживалась в домике дольше, чем на год.

Некоторые французские биографы Людовика XV делят его любовниц на два ранга — больших и малых. Последние, часто сменяясь, никак не нарушали влияния настоящих фавориток. Но маркиза де Помпадур пошла дальше: она, приняв на себя заведование увеселениями короля, сама регулировала отбор и поставку своему повелителю молодых, а нередко и просто малолетних, любовниц. Причем подбирала она их по строгим критериям: они должны были быть красивыми, глупенькими и не иметь влиятельных мужей, которые могли бы устроить скандал. Скандалов Людовик XV не любил.

Король появлялся в «Оленьем парке» инкогнито, и девушки принимали его за некоего важного господина, возможно за родственника королевы из Польши. Впрочем, он не просто спал с

этими девушками — он ухаживал за ними, поил лучшими винами, угощал изысканными обедами… А потом неожиданно бросал, стараясь сделать расставание как можно менее болезненным для обеих сторон. После того как мимолетная страсть короля к очередной красотке улетучивалась и оставалась без последствий, девушку, снабдив при этом приданым, выдавали замуж, и ей оставалось лишь хранить воспоминания о бурном, хотя и краткосрочном романе с высокопоставленным вельможей, обратившим на нее внимание. Если же дело кончалось появлением ребенка, то после его рождения младенец вместе с матерью получал весьма значительную ренту.

Рождение детей, кстати сказать, в те времена весьма приветствовалось. Когда, например, супруга дофина успешно родила сына, король за счет государственной казны выдал замуж шестьсот девушек. Этому примеру последовала и маркиза де Помпадур: она обвенчала всех взрослых девушек в своих имениях, и было заключено более семисот браков. При виде этого Пари де Монмартель устроил еще триста браков. Столько же девушек выдали замуж и другие богатые особы, желавшие доставить удовольствие королю и маркизе де Помпадур. Таким образом, две тысячи браков стали плодом счастливых родов супруги дофина, причем каждая чета новобрачных получила в приданое около 600 ливров. Было подсчитано, что эти две тысячи браков через четырнадцать лет могут дать государству прибавку народонаселения в 15 000 человек.

От семей, желавших пристроить своих дочерей в столь перспективное «учебное заведение», как «Олений парк» (после его окончания иногда выдавалось до 100 000 ливров), не было отбоя, так что предварительный отбор многочисленных претенденток вскоре пришлось вверить заботам дотошного начальника полиции Беррье.

Король был очень доволен, теперь он мог менять партнерш, когда ему вздумается, и были они на любой вкус: маленькие и высокие, пухленькие и худющие, молчаливые и болтливые, блондинки и брюнетки… А мудрая учредительница «Оленьего парка» осталась самым влиятельным и добрым его другом. Так маркиза де Помпадур сумела сохранить место официальной фаворитки Его Величества.

За развитием этой интриги наблюдал весь Париж. Многие считали, что дни маркизы де Помпадур сочтены. Завистники шептались:

— По всей видимости, наша главная султанша очень скоро потеряет свое привилегированное положение.

Но они ошибались. Людовик XV оставил своей фаворитке все

ее привилегии.

Роль женщины и любовницы короля Жанна-Антуанетта играла почти шесть лет. Ее новая роль сохранится еще тринадцать лет — до самой ее смерти. И пока она оставалась жива, у Людовика XV не было постоянной возлюбленной, то есть женщины, которой бы удалось удержать его привязанность на более или менее продолжительное время. Король просто не хотел второй маркизы де Помпадур. Она у него уже была, он привык к ней, она его во всех отношениях устраивала. Короче говоря, он любил ее, но любовью достаточно специфической. Хотя почему специфической, ведь многие мужчины поступают со своими любимыми подобным же образом? Это, конечно, так, но очень немногие делают это так открыто, можно сказать искренне, не испытывая ни малейших моральных неудобств и угрызений совести.

Герцогиня, продолжающая называться маркизой

17 октября 1752 года маркиза де Помпадур получила титул герцогини со всеми вытекающими отсюда привилегиями.

Чтобы было понятно, что это значило в жизни маркизы, поясним, что герцоги в системе дворянской иерархии занимали место сразу после короля. По первоначальному смыслу герцог — это был полновластный суверен (военный командующий) некоей крупной территории, обязанный вассальной присягой лишь королю или императору. Герцогам непосредственно подчинялись графы — правители отдельных областей и провинций. У графов тоже было свое окружение, то есть собственные вассалы — бароны и виконты, причем виконты (в переводе с французского — вице-графы) считались заместителями или первыми помощниками графов. Маркизами же изначально назывались владельцы так называемых марок, то есть пограничных графств.

Как видим, дворянская иерархия сверху вниз выглядела так: король — герцог — маркиз — граф — виконт — барон. Были во Франции еще дворяне без титулов и земельных владений. Их называли шевалье, что в переводе с французского значит «рыцарь». Таким шевалье, кстати сказать, был такой знаменитый персонаж, как д'Артаньян.

Получение титула герцогини для Жанны-Антуанетты было очень большим повышением, но она тактично продолжила называть себя маркизой. В ее жизни новый титул изменил немногое: лишь ее герб украсила герцогская диадема, а лакеев одели в красные ливреи.

Сама Жанна-Антуанетта, которой уже пошел четвертый десяток, не утратила ни своей горделивой осанки, ни изящества движений, и на нее было так же приятно смотреть, как и десять лет назад, когда она вышла замуж за Шарля д'Этиоля. Болезни продолжали донимать ее, но она хорошо научилась скрывать следы недомогания, умело используя косметику. Главное, в ее глазах читался все тот же блеск, что и раньше, поэтому использование румян и белил не выглядело чрезмерным и не портило ее внешности. Что же касается ее ума, то он стал еще более утонченным. Теперь она достаточно смело употребляла модные при дворе словечки, произнося их уверенно и к месту, окружающим ее манера разговаривать стала казаться простой и естественной, как будто она родилась и всю жизнь прожила в королевском дворце.

Король продолжал быть без ума от нее, и хотя его окружали обожающие его красотки, всегда готовые разделить с ним постель, ни одной из них так и не удалось надолго привлечь его внимание. Ненавязчиво, но решительно маркиза контролировала все. С ее молчаливого согласия король мог менять любовниц хоть каждую неделю, но при этом он неизменно возвращался к своей Помпадур, ибо никто не мог так хорошо понимать короля, искренне любить его и бескорыстно отстаивать его интересы. В ней не было ничего напускного, она не была ни чопорной, ни надменной, как подавляющее большинство придворных дам. Она всегда смело высказывала свое мнение, которое король очень ценил, но никогда не позволяла себе нравоучений, скандалов, истерик и всего прочего, что так часто отталкивает женщин даже от очень любящих их мужчин.

Утром, едва встав с постели и одевшись, король спешил к своей фаворитке, чтобы пообщаться с ней и обсудить последние новости. Это общение с ней было для него ценнее любого самого изощренного секса, ибо для короля она всегда пребывала в отличном настроении, была веселой и излучала только положительную энергию. Это общение для короля было равносильно живительному нектару, позволявшему ему отвлечься от всех его проблем и подзаряжавшему его позитивными эмоциями.

Этот блестящий фасад заслонял от Людовика XV другую сторону натуры маркизы де Помпадур. Он никогда не замечал, насколько она на самом деле легко уязвима, ранима и чувствительна. Он даже и не догадывался о том, что на самом деле она всю жизнь ведет непримиримую борьбу со своими недугами, с неуверенностью и тревогой за свое будущее. Да королю это и не было нужно, а сама маркиза никогда не докучала ему своими проблемами.

В благодарность за это король осыпал ее подарками. Например, в том же 1752 году маркиза приобрела землю Сен-Реми, смежную с землей Креси. По мнению короля, это была сущая безделица, приносившая всего 12 000 ливров дохода, и поэтому он, стыдясь столь скромного подарка, прибавил к нему еще 300 000 ливров для постройки дворца в Компьене. Дворец этот был построен по проекту архитектора Габриэля и в настоящее время бесследно исчез, снесенный неизвестно кем и неизвестно когда.

Смерть дочери

15 июня 1754 года умерла дочь маркизы де Помпадур Александрина Ле Норман д'Этиоль.

Девочке вот-вот должно было исполниться десять лет. Прелестное создание, маленькая «Фан-Фан», все близкие были без ума от нее и с нетерпением ждали ее совершеннолетия, чтобы выдать замуж за внебрачного сына короля графа де Люка. Таким вот образом маркиза надеялась навеки смешать свою кровь с королевской кровью. Однако король как-то не загорелся этой идеей, и маркиза де Помпадур вынуждена была ее оставить.

Как и мать, Александрина постоянно болела. Кончилось все тем, что 14 июня у нее внезапно начались рези в животе (похоже, это был приступ аппендицита, отягощенный перитонитом), и она скончалась прежде, чем мать успела приехать к ней. Королевские врачи ничего не смогли сделать.

Маркиза де Помпадур почернела от горя. Смерть дочери потрясла ее до такой степени, что она надолго слегла. Обеспокоенный король часами сидел рядом с ней, не отходя от ее постели ни на минуту. Смерь Александрины стала для маркизы ударом, от которого она никак не могла оправиться.

Начало политической карьеры

Прошел почти год, и маркиза де Помпадур, так и не решившаяся оставить двор и продолжавшая играть роль фаворитки короля, начала постепенно приходить в себя. Внешне все выглядело просто великолепно, но где-то примерно в середине 1755 года она вдруг почувствовала внезапную тревогу. Вот уже несколько лет она толком не исполняла непосредственных «обязанностей своего положения», то есть была кем угодно, только не любовницей. Тревога эта была настолько сильной, что она даже начала страдать от сильной мигрени. Каково же оно, «ее положение» подле короля? Что-то оно какое-то слишком уж двусмысленное и даже противоестественное, чтобы сохраняться бесконечно. И правда, роль королевской наперсницы была явно недостаточной для того, чтобы и дальше удерживаться при дворе, к тому же король мог однажды влюбиться в какую-нибудь очередную красавицу из «Оленьего парка» и сделать ее своей официальной любовницей.

Маркиза де Помпадур очень серьезно поразмышляла, и вскоре ей показалось, что выход найден. Зная, что Людовик XV не испытывает большой склонности к работе, она задумала стать ему незаменимой, освободив его от любых забот, связанных с управлением страной. Хитрая и тщеславная маркиза надеялась таким образом укрепить и свою власть, может быть увеличить свое влияние и за пределами королевства, а также (а почему бы и нет?) править от имени короля единолично. До сих пор она была своего рода королевским министром культуры и развлечений, теперь же решила стать политическим и экономическим советником, исполняющим обязанности первого министра…

Но это легко сказать, стать незаменимым советником. Гораздо труднее им действительно быть. Маркиза прекрасно понимала, что она ко всему этому не готова: нет ни специальных знаний, ни опыта, ни серьезной поддержки в «определенных кругах». А раз так, следовало приобщить к своим замыслам нескольких близких друзей, например государственного секретаря по иностранным делам Антуана Руйе и аббата де Берни, бывшего посла в Венеции. Решив так, она со свойственной неординарным женщинам обезоруживающей наивностью попросила их ввести ее в курс дела.

Обрадованные возможности угодить королевской фаворитке, привлеченные государственные мужи открыли перед ней все карты, объяснили суть основных соглашений с иностранными державами, показали доходы и расходы государственной казны,

прокомментировали кое-какие военные планы…

В течение нескольких недель маркиза де Помпадур, прилежная и сообразительная ученица, вела записи, запоминала имена, просматривала доклады, а когда посчитала себя достаточно подготовленной, созвала в своем маленьком кабинете, отделанном красным деревом, нескольких генералов, советников, представителей финансовых кругов и городских магистров. Собрала… и поразила их своими познаниями.

Вскоре подобные встречи стали регулярными, и после каждой из них маркиза посылала Людовику XV, который терпеть не мог разговоров о государственных делах и политике, длинное письмо, полное оригинальных комментариев. Ее уверенный тон и меткость суждений не могли не произвести впечатления на робкого от природы короля.

По этому поводу аббат де Берни в своих «Мемуарах» писал:

> «Если бы не письма маркизы королю, я бы никогда не поверил, что она может так энергично и красноречиво говорить правду. Я полюбил ее и стал еще больше уважать за это. Я заклинал ее не отступать и продолжать говорить правду с таким же бесстрашием».

Маркиза де Помпадур не заставила себя долго ждать, вскоре она доказала всем свою власть.

Фрейлина королевы

Одержав эту победу и продолжая постигать секретные пружины государственного управления, маркиза де Помпадур стремилась еще более упрочить свой статус, и это ей удалось — в конце концов она добилась высокого официального положения не только при короле, но и при дворе. Начала она, как мы знаем, с того, что получила титулы маркизы и герцогини, что тем более поразительно, если учитывать ее весьма сомнительное происхождение.

Прусский посол писал по этому поводу своему королю:

> «В Королевском совете не принимают ни одного сколько-нибудь значительного решения ни в области внешней, ни внутренней политики, не уведомив ее или не поставив ее заранее в известность».

Действительно, она была в курсе практически всех дел, давала наставления министрам и умело пользовалась своим исключительным положением.

Разумеется, этого ей было мало, и она повела все к тому, чтобы стать фрейлиной королевы. Но препятствием к этому могло стать ее безбожие (Мария Лещинская и все ее окружение были существами набожными и очень серьезными), и маркиза де Помпадур решила исповедаться и причаститься по всем правилам.

В течение нескольких месяцев она усиленно штудировала богословские издания, ежедневно выслушивала службу и подолгу оставалась в храме — коленопреклоненная, со скрещенными руками и прикрытым вуалью лицом. Но этой комедии никто не поверил, а один из священников открытым текстом заявил:

— Я дам вам отпущение грехов лишь в случае, если вы добровольно оставите двор.

Ничего себе: оставить двор, чтобы получить должность при дворе! Что за бред! Разгневанная маркиза обратилась к другому священнику, который, впрочем, проявил ту же непреклонность, что и его предшественник. В конце концов она обратилась к самому папе римскому в безумной надежде, что тот осудит служителей церкви. Она написала папе, что «необходима для счастья Людовика XV и для благого завершения его дел», что лишь она единственная осмеливалась говорить столь нужную королю правду, и так далее в том же духе. Но Ватикан даже не счел нужным ответить ей.

Тогда с помощью своего друга генерал-лейтенанта полиции Беррье она разыскала среди парижского духовенства священника, который вроде бы согласился дать ей отпущение грехов. Этим священником был отец де Саси, но он в качестве обязательного условия потребовал от нее, чтобы она вернулась к мужу. Маркиза хотела было отказаться, но тут ей в голову пришла гениальная идея, и она написала Шарлю д'Этиолю письмо, в котором предложила ему восстановить семью, если он, конечно, не против. Вне зависимости от его решения, она также попросила его выразить свое отношение к тому, что она собирается занять место при дворе королевы.

Письмо было доставлено д'Этиолю, и можно себе представить, с каким удивлением тот его прочитал. Не успел он прийти в себя, как к нему явились двое посетителей. Одного звали Жан-Батист Машо д'Арнувилль, другого — Шарль де Роган, князь де Субиз. Оба, будучи близкими друзьями и посланниками маркизы де Помпадур, дали понять обманутому в свое время супругу, «что он вправе требовать возвращения жены, но это может вызвать сильное недовольство короля».

Шарль д'Этиоль, утешавший себя как мог и живший в это время с одной очаровательной танцовщицей, не испытывал ни малейшего желания восстанавливать отношения с бывшей женой. В свободное от танцовщицы время он ударился в занятия философией, заливая прошлые обиды вином и чтением трудов Горация. Успокоив обоих посланников, он написал маркизе замечательное, полное иронии письмо. Вот оно:

> «Мадам, я получил письмо, в котором вы сообщаете мне о пересмотре своего поведения и намерении посвятить себя Богу. Подобное я могу лишь приветствовать. Ясно себе представляю, как трудно вам было бы предстать передо мной, а мне — вас принять. Я хотел бы забыть нанесенное вами оскорбление, но ваше присутствие будет постоянно напоминать мне о нем. Единственное решение, которое мы можем принять, — это продолжать жить отдельно. Хочу надеяться, что вы не ревнуете меня к моему нынешнему счастью, а я посчитал бы его омраченным, если бы принял вас и жил с вами как с женой. Вы понимаете, что время не властно над понятием чести.
>
> Имею честь, мадам, быть вашим покорным слугой».

Письмо это принесло большое облегчение маркизе де Помпадур. Другого, в принципе, она и не ожидала, хотя все-таки немного побаивалась, что бывший муж возьмет и поймает ее на

слове. Самое главное заключалось в том, что это письмо помогло ей продемонстрировать, что супружеские узы «не ею были расторгнуты». Ну действительно, разве виновата она в том, что бывший муж не имеет ни малейшего желания принять ее обратно?

А раз так, королева принуждена была уступить, и 8 февраля 1756 года маркиза де Помпадур была представлена к должности ее фрейлины, а этого в то время удостаивались лишь самые знатные женщины Франции.

Представление в соответствии со всеми правилами провела герцогиня де Люинь. Сказать, что враги маркизы были разочарованы, это значит ничего не сказать. Граф д'Аржансон, ненавидевший фаворитку лютой ненавистью, по этому поводу писал:

> «Аристократия приняла эту новость плохо. Многие придворные дамы из высшего света в открытую говорили, что не могут больше оставаться на своем месте рядом с мадемуазель Пуассон, дочерью лакея, в свое время приговоренного к повешению».

Тем не менее буквально со следующего дня маркиза приступила к выполнению своих новых обязанностей. Она стала сопровождать королеву к мессе и дежурить возле нее во время обедов. Несмотря на проблемы со здоровьем, делала она это достаточно регулярно. При этом она постоянно дарила королеве цветы, как бы замаливая перед ней свои грехи.

Переориентация на союз с Австрией

Середина 50-х годов стала для маркизы де Помпадур и ее сторонников временем активной работы по переориентации французской внешней политики от традиционного союза с Пруссией, которая заключила соглашение с Англией, к соглашению с Австрией.

Эта перемена была особенно сложна и важна тем, что полностью противоречила прочным традициям французской внешней политики, нацеленной на борьбу с Англией на море и с притязаниями династии Габсбургов на европейское главенство на суше. И хотя Австрийская империя давно уже перестала представлять прежнюю силу, новый курс политики Версаля у многих вызывал серьезные сомнения.

Но маркиза де Помпадур все свои начинания умела доводить до конца, и ей удалось полностью перемешать фигуры на европейской шахматной доске. Вольтер по этому поводу написал:

> «Это соглашение воссоединило французский и австрийский дома после двух столетий вечной, как считалось, вражды. То, что не удавалось совершить посредством многочисленных мирных и брачных договоров, удалось в мгновение ока из-за обиды на прусского короля и вражды нескольких всемогущих персон».

Что за обиду имел в виду Вольтер? Дело в том, что прусский король Фридрих II, испытывая презрение к влиятельной французской выскочке-фаворитке, дал своей собачке кличку Помпадур, и это дошло до маркизы. Подобного она простить не могла. Иначе говоря, как это ни смешно сейчас выглядит, если бы Фридрих назвал свою собачку как-то иначе, могло бы и не быть союза Франции с Австрией и кровопролитной Семилетней войны. Понятное дело, что женщины порой бывают излишне эмоциональны, но если обидчивость в простом человеке есть не более чем странность характера, то в человеке общественном она становится пороком, способным повлечь за собой весьма тяжелые последствия. Хотя, с другой стороны, как говорила французская писательница мадам де Сальм, «редко бывает так, чтобы человек, спокойно переносящий оскорбление, не заслуживал его», что можно перефразировать так: кто молча переносит обиду, тот достоин того, чтобы его оскорбляли.

Аббат де Берни и герцог де Шуазель

Сорокалетний аббат и дипломат Пьер де Берни, который в резиденции маркизы де Помпадур вел переговоры и заключил в мае 1756 года договор с Австрией, был в январе 1757 года назначен в Вену посланником для того, чтобы официально скрепить этот договор своей подписью.

Потом, когда все было благополучно завершено, он возвратился в Париж и был незамедлительно сделан министром иностранных дел и кардиналом, что должно было свидетельствовать об особом к нему благоволении.

Однако поднявшись столь высоко, Пьер де Берни вдруг тоже стал замечать, что союз с Австрией представляет собой дело достаточно сомнительное и что Семилетняя война, ставшая его следствием, оказалась не только разорительной для Франции, но и вредной для его собственной популярности. Поняв это, он начал вести переговоры о мире, подразумевая в глубине души, что для его заключения можно пойти даже на нарушение союза с Австрией.

Узнав об этом, маркиза де Помпадур перестала считать де Берни своим союзником и стала рассматривать его как человека, которого неплохо было бы свергнуть с той высоты величия, на которую она сама же его и втянула.

Случилось так, что в это время французским посланником в Вене находился тридцатисемилетний граф Этьенн-Франсуа де Стенвилль. Прежде он служил в армии, где имел чин генерал-лейтенанта инфантерии. Этот лотарингец имел некрасивое, но зато умное лицо, был вызывающе горд и по характеру чрезвычайно дерзок. Впрочем, дерзость не вредила ему, как многим, а скорее приносила пользу. Кроме того, он весьма нестрого соблюдал те правила, которые политика и дипломатия обычно относят к числу обыкновенных добродетелей, и, по-видимому, больше любил внушать к себе страх, нежели уважение.

Благородный кардинал де Берни, не ожидая никакого подвоха, не нашел ничего лучше, как обратиться к де Стенвиллю, посвятив его в свои миролюбивые планы, связанные с заменой прежней проавстрийской политики.

Быстро сообразив что к чему, граф де Стенвилль и не подумал колебаться, чью принять сторону — кардинала де Берни или маркизы де Помпадур, с которой он находился в прямой переписке. Конечно же, имело смысл взять сторону влиятельной маркизы! Но он пошел и дальше, показав депеши кардинала де Берни австрийской императрице Марии-Терезии и представив ей

своего начальника человеком нерешительным и впавшим в уныние, а потому — опасным для общего дела. От таких людей всегда одни неприятности, а следовательно, надо использовать максимум влияния, чтобы согнать де Берни с его места.

Австрийская императрица, найдя в графе де Стенвилле такого доброго соратника, не колеблясь пообещала ему министерство кардинала де Берни, увольнение которого было уже решено в Вене задолго до того, как сам Людовик XV догадался, что доверие к его министру подорвано.

Маркизу де Помпадур кандидатура графа де Стенвилля тоже вполне устраивала. Она его знала еще со времен замужества с Шарлем д'Этиолем. К тому же, де Стенвилль был родственником герцога де Гонто, старого друга Жанны-Антуанетты. Когда тот их познакомил, они не понравились друг другу, но потом постепенно сблизились и даже стали относиться друг к другу с некоторой симпатией.

Кардинал де Берни скоро заметил, что против него что-то затевается. Будучи человеком дальновидным, он понял, что у него нет никакой возможности бороться против влиятельных маркизы де Помпадур и Марии-Терезии, вследствие чего он подал прошение об увольнении по собственному желанию. Он написал маркизе утрированно-жалобное письмо:

> «Объявляю вам, мадам, и прошу предупредить короля, что я не могу больше отвечать за свою работу. У меня беспрерывно болит и кружится голова. Вот уже год, как я мучаюсь. Я совсем перестал спать».

Прошение об отставке было принято. Граф де Стенвилль был вызван из Вены и сделан герцогом де Шуазель (в некоторых источниках его называют Шуазель-Стенвилль), как в свое время аббат де Берни был произведен в кардиналы. Это заставило прусского короля Фридриха с усмешкой сказать:

— Аббата де Берни сделали кардиналом за то, что он совершил ошибку, и отняли у него министерство за то, что он захотел ее исправить.

Но и после своей отставки кардинал де Берни продолжал настаивать на заключении мира как единственного средства, способного вытащить Францию из того положения, в котором она оказалась. Императрица Мария-Терезия вновь начала жаловаться на него. Герцог де Шуазель и маркиза де Помпадур совместно приготовили приказ о его изгнании, положили его пред королем, и тот подписал его.

Освободившись от де Берни, герцог де Шуазель, будучи уже министром, стал богатеть, уплатил все свои долги и вызвался

помочь маркизе де Помпадур в приобретении княжества Невшательского, в котором она видела для себя верное убежище от врагов в случае смерти короля.

Бедная женщина! Она и подумать не могла, что прежде него сойдет в могилу! В XVIII веке любовницам королей суждено было умирать в молодости…

Когда кардинал де Берни был удален, де Шуазель стал «австрийцем» при французском дворе. Через некоторое время он сосредоточил в своих руках неслыханное количество должностей и званий: он сам себе дал главное управление почтами, соединил под своим началом министерство иностранных дел и военное министерство, стал губернатором Турени, генерал-полковником Швейцарской гвардии и так далее и тому подобное.

Маркиза правит бал

Если дела на фронтах шли с переменным успехом, но в целом неважно, то в Париже и окрестностях очевидное превосходство маркизы де Помпадур над прошлыми фаворитками короля и дамами высшего света окончательно укрепило ее положение как при дворе, так и при Людовике XV. И она пользовалась этим, не боясь прослыть нескромной. Впрочем, это качество никогда не было характерной чертой ее натуры. И в общественной, и в скрытой от чужих глаз жизни маркиза де Помпадур правила свой бал.

Она стала очень щепетильна в вопросах этикета и церемониала. Важные визитеры — придворные и послы — принимались ею в роскошном парадном зале Версаля, где располагалось только одно кресло. Из этого следовало, что всем остальным присутствующим полагалось стоять.

На месте, где были похоронены ее мать и дочь, а это было в самом центре Парижа, она, выкупив землю, соорудила роскошный мавзолей. Родственники маркизы, а также все те, кому она благоволила, дожидались своего часа: кто-то из них выдавался замуж за родовитого жениха, кому-то сваталась богатая невеста, дарились должности, пожизненные ренты, титулы, награды.

А что в итоге? Никакой благодарности и лишь одно нескрываемое, а порой и публичное осуждение ее расточительности. Было подсчитано, что на свои увеселительные затеи она израсходовала 4 000 000 ливров, а ее «хвастливое меценатство» обошлось казне в 8 000 000 ливров.

Строительство было второй, после театра, страстью маркизы. Она владела таким количеством недвижимости, которое вряд ли даже снилось любой другой королевской фаворитке. Каждое ее новое приобретение подразумевало основательную перестройку, если не снос, и обязательно в соответствии со вкусами хозяйки. Зачастую маркиза сама набрасывала на бумаге контуры будущего здания. Причем в этих проектах тяготение к архитектурным формам рококо неизменно сочеталось со здравым смыслом и практичностью.

Если маркизе не хватало денег на очередную строительную затею, она продавала уже возведенное здание и с увлечением принималась воплощать в жизнь новую идею. Последним ее приобретением стал Менарский замок на Луаре, которым, впрочем, ей так и не удалось толком попользоваться. Она купила его в июне 1760 года за 800 000 ливров. В замке она побывала всего пару раз, а потом отписала его брату, и тот стал жить там

после ее смерти.

Принцип изящной простоты и максимальной приближенности к живому миру природы был положен маркизой и в планировку парков. Она не любила больших четко размеченных пространств и излишней помпезности. Заросли жасмина, целые опушки нарциссов, фиалок, гвоздик, островки с беседками посреди неглубоких озер, кусты роз излюбленного маркизой «оттенка утренней зари» — вот ее предпочтения в ландшафтном творчестве.

Королевские дворцы и загородные резиденции Людовика XV также подвергались изменениям в соответствии с ее вкусами. Не избежал этого даже Версаль.

За годы пребывания в королевском дворце маркиза де Помпадур стала женщиной практичной и весьма циничной; во всех сборниках афоризмов содержится ее знаменитое высказывание: «После нас? Хоть потоп…»

Но не только этим ограничивается ее вклад в культурное наследие человечества. Перечисление можно начать с бриллиантов, огранка которых до сих пор называется «маркиза» и своей формой напоминает рот фаворитки. Маленькая сумочка «ридикюль» из мягкой кожи — тоже ее изобретение. Она ввела моду на восточные росписи тканей, тонкие каблуки и высокие прически. Она придумывала образцы нижнего белья и отделочной тесьмы. А шампанское? До маркизы де Помпадур его разливали в узкие бокалы, по форме напоминающие тюльпаны, с ее же появлением стали использовать широкие чашеобразные бокалы, изобретенные, по преданию, лично Людовиком XV. Именно такой формы была грудь маркизы де Помпадур, что соответствует объему в двести миллилитров согласно метрической системе. О магической силе волшебных пузырьков хорошо известно прекрасной половине человечества, запомнившей секрет великой соблазнительницы маркизы де Помпадур:

> «Шампанское — единственное вино, после которого женщины остаются красивыми».

Все эти покупки, все это царское богатство, с которыми маркиза порой не знала что и делать, были очень полезны для художников: надобно было украшать все эти дворцы, надобно было писать в различных видах то портреты, то прихотливые заказы фаворитки. Все эти Пино, Габриэли, Ля Туры и Пигалли постепенно стали обыкновенными застольными собеседниками маркизы де Помпадур. И ведь это именно им досталась большая доля того богатства, которым обладала фаворитка короля. И именно с маркизы де Помпадур искусство вошло в материальную

жизнь и преобразовалось, чтобы сделаться не только приятным для глаз, как это было раньше, но и полезным. Все эти тысячи безделушек, которыми эта удивительная женщина окружила себя, все эти сотни ее выдумок сделались настоящими художественными произведениями, и до сих пор модные и богатые женщины удостаивают покровительством своего вкуса те дорогие вещи, которым маркиза де Помпадур дала свое имя.

А ведь еще была политика и экономика. Биограф маркизы Пьер де Нольяк писал:

> «Если бы она не вошла в жизнь Людовика XV, события развивались бы совсем в другом направлении: была бы совсем другая политика в вопросах финансовых, религиозных, а быть может, и в дипломатических отношениях. Но эта женщина, умная и к тому же умеющая пользоваться своим умом, подчинила себе монарха, властителя королевства, относившегося к власти ревностнее, чем сам Людовик XIV».

А вот мнение историка Анри Мартэна, который сравнивает ее со знаменитым политическим деятелем кардиналом де Флёри, умершим в 1743 году:

> «Это была первая подающая надежды премьер-министр женщина, появившаяся в Версале. Маркизе де Помпадур суждено оказалось править почти столько же, сколько самому де Флёри».

И правда, власть маркизы с каждым годом становилась все сильнее. И вот она уже — негласная правительница Франции, расположения которой ищут все ведущие иностранные державы. Так что же, маркиза де Помпадур достигла вершины славы и счастья? Да ничего подобного! Ее ни на день не оставляла самая тяжелая борьба в ее жизни, борьба, в которой не бывает победителей, ибо сражаться маркизе приходилось с самой природой, которая щедро одарила ее всевозможными талантами, но дала слишком хрупкое тело.

После смерти дочери маркиза сильно сдала и подурнела. Ее постоянно беспокоили боли в сердце, она редко бывала полностью здорова. Единственной наградой за ее страдания оставалась неизменная дружба короля, который посвящал ей каждую свободную минуту. Свободную от государственных дел и… «Оленьего парка». Когда они находились вместе, они были похожи на супружескую пару, прожившую в браке не один десяток лет.

Странная болезнь маркизы де Помпадур

Когда королю доложили, что маркиза де Помпадур тяжело заболела, он поначалу не поверил в это. Какое там заболела, ведь он только накануне виделся с нею, и она была, как всегда, весела и разговорчива.

Причиной подобного неведения короля было то, что маркиза, для которой нравиться королю было первой обязанностью, заботилась только об одном — скрывать от короля свои неприятности и страдания. А страдала она сильно: голова ее раскалывалась от боли, было тяжело дышать, кашель не давал сомкнуть глаз.

Чем же так страдала маркиза де Помпадур? Шла ли речь об одной из тех возрастных женских болезней, которые нередко бывают весьма тяжки и даже неизлечимы? Или это был, как в свое время думала ее предшественница мадам де Шатору, как думала, наконец, она сама, яд — идеальное средство устранения противников, столь же верное, сколь быстро ведущее к цели?

Дело в том, что герцог де Шуазель, одно из творений маркизы, мечтал объединить министерство финансов с другими министерствами, которые и так уже были «под ним» или контролировались его родственниками. В оправдание де Шуазеля можно сказать, что французские финансы в то время были в страшном беспорядке, и парламенту было сделано поручение заняться преобразованием отвечавшего за это министерства. В этот самый момент маркиза де Помпадур вдруг вспомнила о том, что говорил ей на эту тему кардинал де Берни. А ведь ее бывший любимец предлагал когда-то насчет этого очень даже интересные планы…

Но финансы финансами, а маркиза также заметила, что герцогиня де Грамон, сестра де Шуазеля, стала часто являться ко двору и что брат ее лез из кожи вон, чтобы она оказалась как можно ближе к королевской особе.

Все это становилось все более и более опасным как для Франции, так и лично для маркизы де Помпадур, не терпевшей конкурентов. Исходя из этого, она решила повидаться с опальным кардиналом де Берни. Некоторое чувство неловкости между ними быстро рассеялось, и они вновь стали союзниками.

Решение удалить от дел герцога де Шуазеля не заставило себя долго ждать. Но располагавший повсюду разветвленной сетью осведомителей герцог быстро узнал об этом готовившемся против него заговоре, и на другой день маркиза де Помпадур заболела…

Мы не можем подтвердить или отвергнуть обвинения против герцога де Шуазеля. Совершенно очевидно лишь одно: всякий раз, когда при дворе неожиданно и скоропостижно умирала какая-нибудь важная особа, тотчас же распространялись слухи об отравлении ядом.

Как бы то ни было, маркизу де Помпадур неожиданно сразила болезнь, причем не та, какой она мучилась всю жизнь, а какая-то необычная, с какими-то особенными симптомами. Болезнь эту сразу сочли опасной, а вскоре она оказалась и смертельной. Врачи суетились вокруг нее, но ничего конкретного поделать не могли. Так продолжалось три недели, а потом ей вдруг стало лучше, лихорадка отпустила ее, и кашель почти прекратился. До этого она могла слегка дремать лишь сидя в кресле, теперь же ей удалось поспать в нормальной постели. Она даже стала вставать и совершила прогулку в карете по парку. Врачи заговорили о выздоровлении.

Людовик XV наблюдал за ходом болезни маркизы без особого беспокойства. Чувство, которое он питал к ней и которое из вожделения давно перешло в привычку, подсказывало ему, что маркиза никуда не денется и всегда будет находиться рядом с ним. Ну болеет, и что такого? Она, особенно в последнее время, часто себя неважно чувствовала. Это всегда проходило, пройдет и сейчас. Некогда сильная страсть короля подверглась, по-видимому, новому изменению и превратилась в выражение обычных норм приличия. Король был внимателен и заботлив к больной, как к своему старому и доброму другу. Но не более того. Каждый день ему приносили бюллетень о состоянии ее здоровья.

Но сама маркиза де Помпадур почему-то чувствовала, что скоро умрет. До этого она не раз говорила, что жизнь ее, в сущности, кончилась тогда, когда умерла ее дочь Александрина. Сейчас же она вдруг стала видеть Александрину во сне, и та, протягивая к ней руки и нежно улыбаясь, словно звала ее за собой. Звала туда, где так хорошо и спокойно, где все залито чем-то похожим на лунный свет. Прижав ладони к губам, она посылала матери воздушные поцелуи…

В январе 1764 года ее посетила старая подруга мадам д’Эмбо, которая нашла маркизу в плачевном состоянии. Вот что она писала об этой встрече:

> «Она показалась мне такой несчастной, такой надломленной и столь раздавленной своей невероятной властью, что после часовой беседы я ушла с чувством, что смерть является для нее единственным избавлением».

Это было очень недалеко от истины. Ее мучили страшные головные боли, в легких скапливалась кровь, было тяжело дышать. А что могли сделать тогдашние врачи? Точный диагноз по сохранившимся описаниям не смогли бы поставить даже современные эскулапы. Похоже, с ранней юности маркизу пожирала изнутри ужасная болезнь — туберкулез легких. А сейчас наступило обострение, спровоцированное интригами, страшной ответственностью и нескончаемой борьбой за выживание при дворе. Это и понятно, ведь выжить здесь можно было, лишь постоянно насилуя себя, напрягая сердце и ум. А силы организма, они, как известно, не беспредельны.

Перед лицом надвигающейся смерти маркиза показала себя мужественным человеком. Поутру, в последний день ее жизни, к ней пришел священник из церкви Святой Магдалины. Около полудня он уже собирался откланяться, но маркиза жестом остановила его.

— Подождите еще немного, святой отец, — прошептала она. — Мы с вами отправимся вместе.

Смерть маркизы де Помпадур

15 апреля 1764 года маркизы де Помпадур уже не было в живых.

В тот же день королевский хронист сделал запись:

> «Маркиза де Помпадур, придворная дама королевы, умерла около семи часов вечера в личных покоях короля в возрасте сорока трех лет».

Известно, что до самой последней минуты, уже практически лежа на смертном одре, она продолжала работать, выслушивая доклад почтового интенданта Жаннелля. А на следующий день в кабинет покойницы проник под каким-то предлогом герцог де Шуазель. Была ранняя весна, и на улице было тепло, но герцог явился в широком пальто из красного драпа, под которым, как говорят, ему удалось унести какие-то секретные бумаги скончавшейся фаворитки.

В своем завещании маркиза написала, что хочет быть похороненной «без церемоний». Своему старшему дворецкому Коллену она завещала пенсию в 6000 ливров, доктору Кенэ — в 4000 ливров. Не забыла она и горничных, слуг, поваров, консьержек, садовников и прочий персонал. Все они получили примерно по 150 ливров. Мадам дю Оссэ — 150 ливров и 400 ливров ее сыну.

Не пропустила маркиза и своих друзей или людей, каких она таковыми считала. Так, например, мадам де Мирепуа получила ее новые часы, усыпанные бриллиантами, герцогиня де Грамон — шкатулку с бриллиантовой бабочкой, герцог де Гонто — красивое кольцо, князь де Субиз — перстень, свой портрет и ее портрет.

Все свое движимое и недвижимое имущество она завещала брату Абелю, а заняться выполнением пунктов завещания поручила своему старому другу князю де Субизу.

Завещание это было составлено в Версале 15 ноября 1757 года, то есть за шесть с лишним лет до смерти маркизы.

По собственным оценкам маркизы де Помпадур, сделанным совместно с Колленом, ее имущество и кое-какие расходы состояли на тот момент из следующих пунктов:

> Серебряная посуда 37 600 ливров
>
> Золотая посуда и безделушки 150 000 ливров
>
> Потратила на всевозможные удовольствия 1 338 867 ливров

Потратила на питание за девятнадцать лет 3 504 800 ливров

Потратила на путешествия, спектакли и праздники 4 005 900 ливров

Жалованье слугам за девятнадцать лет 1 168 886 ливров

Получено в виде пенсий 229 236 ливров

Шкатулка из золотых коробочек, вставленных друг в друга 294 000 ливров

Шкатулка с бриллиантами 1 783 000 ливров

Коллекция гравированных драгоценных камней 400 000 ливров

ИТОГО 13 512 289 ливров

В марте 1761 года к завещанию были добавлены фарфоровые изделия, драгоценные камни, платья, книги, мебель, конные упряжки и дома на сумму еще в почти 9 000 000 ливров, и общая сумма составила 22 433 918 ливров. Потом к этой сумме были добавлены еще кое-какие расходы и имущество и получилось 23 213 918 ливров.

Одних только книг в библиотеке маркизы де Помпадур насчитывалось более 3500 томов, в том числе более 800 томов французской поэзии, 700 романов, 215 книг по философии, 52 сказки и т. д. Все книги были переплетены в телячью кожу или сафьян красного цвета с позолотой.

Вообще складывается впечатление, что маркиза своих вещей никогда не продавала. Книги, картины, мебель, драгоценности, белье и тому подобное тоннами заполняли принадлежавшие ей замки и дворцы. Ее сундуки ломились от великолепных нарядов, а подвалы — от дорогих вин. Полная опись ее личного имущества в конечном итоге составила порядка 30 000 пунктов, и двум чиновникам на ее составление потребовалось более года.

В своих «Исторических достопримечательностях» Жозеф Ле Руа, бывший служащий версальской библиотеки, произвел скрупулезнейшие подсчеты и сделал заключение, что всего «царствование» маркизы де Помпадур стоило Франции почти 37 000 000 ливров. Точнее — 36 924 140 ливров. Если исходить из того, что один луидор (монета, содержавшая 7,65 г золота) равнялся двадцати четырем ливрам, то эта сумма эквивалентна примерно одиннадцати с половиной тоннам золота.

Тридцать семь миллионов ливров… Чтобы понять, насколько это много, достаточно сказать, что в те времена в крупных городах Франции ремесленник, получавший один ливр в день,

считался вполне обеспеченным человеком. На крупной мануфактуре в Сен-Гобене оплата квалифицированного рабочего колебалась от 310 до 620 ливров в год, а жалованье генерального директора доходило до 2400 ливров. Твердая цена фунта хлеба (примерно 450 г) составляла 3 су (0,15 ливра), примерно столько же стоила пинта вина (0,93 л), цена цыпленка не превышала 15 су (0,75 ливра), дюжины деревянных башмаков сабо — 25 су (1,25 ливра). При снабжении армии ружье стоило 18 ливров, пистолет — 10 ливров, сабля с рукоятью — 8 ливров, кожаное седло с поводьями — 33 ливра, а хороший нормандский конь — 250 ливров.

Вопреки свидетельствам иных историков — ведь они мало заботятся о достоверном описании событий — смерть мадам де Помпадур глубоко потрясла Людовика XV. Перед тем как уединиться у себя в апартаментах, он поведал своему доктору:

— Лишь я один могу понять, что только что потерял…

Маркиза де Помпадур была погребена 17 апреля 1764 года в часовне монастыря Капуцинок рядом с могилой матери и дочери. Место это находится в самом центре Парижа, там, где сегодняшняя Авеню де ля Пэ выходит на Вандомскую площадь.

Ни от часовни, ни от могил нынче не осталось и следа.

Несмотря на то что маркиза де Помпадур вошла в историю как некоронованная королева, игравшая видную роль не только во Франции, но и во всей Европе, направляя внешнюю и внутреннюю политику, вникая во все мелочи государственной жизни, покровительствуя наукам и искусству, вся ее жизнь уместилась в короткой эпитафии:

> «Здесь покоится та, которая двадцать лет была девственницей, десять лет — шлюхой, а тринадцать лет — сводницей».

Глава шестая
Мадам дю Барри

Если просто посмотреть на перечень невиданных богатств, собранных фавориткой за пять лет, можно заключить, что Жанна меньше думала об управлении страной, чем о своих собственных интересах.

ПОЛЬ ЛЕЖЁН, современная французская писательница, историк

Любовница от графа дю Барри

Когда маркизу де Помпадур похоронили, король снова отдался мимолетным связям и никогда больше не произносил ее имени. Это никого не шокировало, кроме доброй Марии Лещинской, написавшей президенту Парижского парламента Шарлю Эно:

> «О ней здесь больше не вспоминают, как будто бы она и вовсе не существовала. Таков наш мир — тяжело любить его».

За одной дамой приходила другая, но все они, несмотря на их богатый опыт и красоту, не могли «удержать пыл короля». Пресытившись, Людовик XV перестал смотреть на придворных дам. Очаровать его можно было лишь чем-то необычным. Недели напролет гонцы рыскали по всем провинциям в поисках юной особы, еще не повзрослевшей и в то же время уже достаточно испорченной, чтобы разбудить чувства заскучавшего короля.

Заканчивался 1764 год, а место фаворитки так и оставалось свободным. И вот именно в это время графу Жану дю Барри пришла в голову мысль подарить королю свою любовницу. Ее звали мадемуазель Ланж: двадцать пять лет, очаровательное личико, великолепное тело, удивительное знание жизни — и весьма легкий нрав. Взять хотя бы то, что граф дю Барри часто уступал ее своим друзьям, когда оказывался несостоятельным должником, и никто из них пока не выражал по этому поводу ни малейшего недовольства.

Жанна Бекю, она же Манон Лансон

Ее настоящее имя было Жанна Бекю. Она родилась 19 августа 1743 года в Вокулёре, практически на родине знаменитой Жанны д'Арк.

Мать ее, Анна Бекю, была дочерью простого торговца мясом, стала портнихой и буквально коллекционировала любовников. Поэтому точно ответить на вопрос, кто был отцом Жанны, невозможно. Говорят, что это был некий Жан-Жак или Жан-Батист Гомар де Вобернье, королевский сборщик податей. А может быть, это был и кто-то другой. Во всяком случае, в наследство Жанне он не оставил ничего, кроме удивительной красоты, которая стала проявляться, едва девочка появилась на свет.

В 1747 году мать Жанны покинула Лотарингию и отправилась на поиски лучшей жизни в Париж. Там она вышла замуж, а свою дочь пристроила в монастырь Святой Анны, что на улице Сент-Женевьев, заплатив за годовой пансион. В монастыре, где Жанна провела несколько лет, ее обучили молитвам, чтению, письму, рисованию, игре на клавесине, а также основам астрономии и географии.

В пятнадцать лет, выйдя, наконец, из этой монастырской «тюрьмы», Жанна стала ученицей парикмахера, но была выгнана на улицу, так как начала флиртовать с сыном хозяина. Потом она работала служанкой в одном богатом доме, но также была изгнана оттуда точно по той же причине. Правда, на этот раз сыновей было двое.

Ги Бретон, главный специалист в области интимных отношений сильных мира сего, пишет:

> «В пятнадцать лет, когда начинает разгораться известный огонек, неизвестно почему она взяла имя Манон Лансон и обратила свой взор к любовным утехам».

В 1760 году она поступила швеей в ателье месье Лябилля, известного торговца модными новинками. А надо сказать, что в это ателье, помимо заказчиков швейной продукции, нередко заглядывала и знаменитая мадам Гурдан, содержательница самого известного в Париже дома пансионерок (а фактически — публичного дома). Она приходила туда, чтобы подбирать себе новых девушек. Эта сводница сразу же заметила прелестную Жанну и пригласила ее в свое заведение. В своих «Мемуарах» она

рассказывает:

> «Я привела ее в свои апартаменты, показала ей свои роскошные будуары, созданные для любви и удовольствий. Когда я обратила ее внимание на эстампы (обнаженные дамы в откровенных позах, всевозможные приспособления для возбуждения желаний), то увидела, как моя юная гризетка преобразилась, взор ее воспламенился… Я едва вытащила ее из зала, выбор мой был правилен! Далее я проводила девушку в огромную гардеробную, где открыла перед ней несколько шкафов и представила ее изумленным взорам голландские материи, кружева, шелка, тафту, веера, шелковые чулки, бриллианты.

— Ну что? — воскликнула я. — Дитя мое, хотите вы связать со мной свою судьбу? У вас все это будет! У вас будет та жизнь, какой вы пожелаете! Каждый день — спектакли или праздники. Ужины с самыми знатными и обходительными господами, с самыми богатыми в городе и при дворе. А ночью… ночью вас ожидает море радостей! О, каких радостей, душа моя! Их нельзя назвать иначе как райскими! Вы встретитесь здесь с князьями, генералами, министрами, священниками, — все они работают для того, чтобы прийти отдохнуть ко мне и насладиться такими цветками, как вы…

Я сунула ей в карман шестифранковую монету. Мы договорились: когда понадобится, я пошлю за ней женщину. «Вы поймете ее без слов, дитя мое, — только знаки…» Радостная, полная всех этих новых впечатлений, она обняла меня и ушла».

Несколькими днями позже один клиент (как ни покажется странным, это был прелат) пришел к мадам Гурдан с просьбой прислать ему новенькую — он сам хотел преподать ей первые уроки наслаждения. Сводница сразу почуяла, что мадемуазель Лансон устроила бы его. Она вызвала девушку и позаботилась о том, чтобы придать ей видимость девственницы при помощи каких-то лосьонов собственного приготовления.

> «Я передала ее, — признается она, — получив за сей цветок сто луидоров. Он был сильно ею очарован и хотел даже взять ее на содержание, но ему пришлось спешно вернуться в свою епархию. Да такой поворот и не входил в мои планы, этой пташке предстояло не раз еще выступить в роли девственницы, прежде чем я навсегда рассталась бы с ней».

В доме графа дю Барри

Манон Лансон проработала так у мадам Гурдан около года. Там она и встретилась с графом Жаном дю Барри. Это был известный парижский сводник, про которого Александр Дюма писал:

> «У графа дю Барри нередко собиралось общество ветреных молодых мужчин и женщин, и велась карточная игра».

Еще более категоричен относительно месье дю Барри историк Ги Шоссинан-Ногаре, который называет графа «сутенером, заядлым гулякой и беспутным малым, который содержал бордельчик и снабжал знакомых сеньоров соблазненными им девочками».

Восхищенный красотой девушки, граф поселил ее у себя и дал совершенно неподходящее имя — мадемуазель Ланж (по-французски l'ange — это ангел). Видимо, такое у него было чувство юмора. Недаром же говорят, что последняя степень развращенности — это подражание языку добродетели, а какое слово может быть самым добродетельным, если не слово «ангел»…

В течение нескольких лет этот подозрительный субъект жил за счет прелестей своей протеже. Вот что писал об этом один из парижских полицейских:

> «Мадемуазель Ланж и господин дю Барри живут вместе душа в душу, вернее сказать, дю Барри пользуется этой девицей, как золотой жилой, заставляет платить за нее первого встречного, не уступая, однако, ни йоты из своих прав — он ежедневно спит с ней. Днем он не претендует на ее покой, но следит, чтобы она не выходила за рамки его советов. Сегодня, например, только на один день, он предложил прелести этой мадемуазель герцогу де Ришельё и маркизу де Вильруа».

Предлагал он ее и другим своим друзьям, в том числе Арману Лозену, герцогу де Бирону, известному щеголю и волоките. Тот также оказался очень доволен прелестями мадемуазель Ланж. Прощаясь, она сказала ему, что, несмотря на то что он уезжает, она его не забудет:

— Да? Это прекрасно! — воскликнул герцог. — Помните же,

что если вы сделаетесь любовницей короля, то я захочу тогда быть главнокомандующим всей французской армии.

Конечно, со стороны герцога это была лишь шутка, но девушка ответила ему совершенно серьезно:

— Я нахожу, что вы не слишком честолюбивы; если я буду близка к королю, то я сделаю вас министром.

— Вот как? А Шуазеля куда? — спросил Лозен.

— Шуазель? Фи, я его ненавижу, — отвечала девушка.

— Посмотрим, посмотрим!.. За что же вы его ненавидите? — снова спросил Лозен.

Мадемуазель Ланж была добрая девушка, она никогда не заставляла себя о чем-либо долго просить, поэтому она тотчас же объявила Лозену, что причиной ее ненависти к герцогу де Шуазелю является то, что тот отнесся к ней с некоторым пренебрежением, а этого она ему никак не хотела простить.

Именно эту-то, по сути проститутку, молодую и амбициозную, граф дю Барри и решил предложить совсем загрустившему королю.

Организация встречи с королем

Мадемуазель Ланж должна была не столько утешить короля, сколько стать орудием для обеспечения победы во внутренней войне группировки, действовавшей против герцога де Шуазеля, все еще занимавшего самые высокие места в королевстве. Знатные и честолюбивые сеньоры завидовали де Шуазелю, по милости маркизы де Помпадур сделавшемуся всемогущим министром. Прежде всего, на его место метил герцог де Ришельё, которому для вытеснения де Шуазеля нужно было добиться утверждения подконтрольной ему фаворитки, чтобы через нее влиять на государя.

Герцог де Ришельё как раз озабоченно вел поиски отвечавшей его целям женщины, поэтому идея графа дю Барри показалась ему очень удачной и своевременной. Именно благодаря его протекции граф дю Барри обратился к Лебеллю, первому камердинеру и «устроителю королевских утех», и без обиняков начал расписывать ему свою любовницу:

— Уверяю вас, месье Лебелль, у нее восхитительные ноги, крепкая грудь, очаровательный рот…

— Как ее зовут?

— Мадемуазель Ланж.

Лебелль уже был наслышан об этой девице. Он скорчил гримасу и молча проводил графа дю Барри до двери: камердинер уважал Его Величество и не хотел допускать в королевскую постель ту, которая год провела в заведении мадам Гурдан. Но граф дю Барри не унимался — раз двадцать он приходил к Лебеллю… Через месяц тот не выдержал атаки:

— Ну хорошо, приведите ее.

На следующее утро граф представил свою протеже «устроителю утех», который не смог скрыть своего восхищения. Пока он изучал прелести молодой женщины, граф направился к двери, с достоинством заметив:

— Оставляю ее вам. Смотрите и решайте… Клянусь честью — это творение неземное…

Оставшись наедине с Жанной, камердинер, с течением времени перенявший манеры своего величественного хозяина, по словам Ги Бретона, «подошел, сдернул с нее корсаж и положил ладонь на грудь. Возражений не последовало… Он раздел ее, уложил на диван и, подобно поварам, пробующим блюда, перед тем как подать королю, «попробовал» эту соблазнительную молодую блондинку, предназначавшуюся Людовику XV».

Девица оказалась на высоте, и Лебелль остался доволен: он

нашел «новое изысканное блюдо для своего хозяина». Когда «экзамен» был уже позади, Жанна улыбнулась и задала лишь один, но зато очень деловой вопрос:

— Вы думаете, ему подойдет?

Восхищенный камердинер заверил, что постарается устроить ее встречу с королем.

Александр Дюма описывает произошедшее более прозаично:

> «Лебелль увидел девицу Ланж и пленился ее красотой».

И он сдержал свое слово: в тот же вечер протеже графа дю Барри оказалась среди женщин, ожидавших во дворце «своего места под солнцем»… Но Людовик XV ее не заметил. В тот день не заметил.

В постели короля

На следующий день ей повезло больше: король ее увидел — и был очарован. Через два часа она уже лежала в его постели.

И уж тут-то Жанна Бекю, она же Манон Лансон, она же мадемуазель Ланж, в полной мере проявила себя. Первый раз после смерти маркизы де Помпадур Людовику XV показалось, что женщина увидела в нем мужчину, а не короля. По словам Ги Бретона, «предыдущие его любовницы не могли избавиться от некоторого смущения — их как будто подавляло уважение к нему. Манон же действовала как подлинная девица легкого поведения и позволила себе всевозможные дерзости. Новая для него, живая и непосредственная манера молодой женщины основательно задела чувства короля. На следующее утро он признался одному из своих приближенных, герцогу де Ноайю, что познал не испытанные ранее удовольствия».

На самом деле все было не так легко и просто. Вот что пишет об этом Александр Дюма:

> «Лебелль испугался признаний девицы Ланж о прошедшей своей жизни. Один только герцог де Ришельё остался тверд и спокоен; он объявил, что таланты, которые Жанна приобрела в своей тревожной и богатой романтическими приключениями жизни, были весьма благоприятны для короля, слабость которого со дня на день увеличивалась. И потому Ришельё посоветовал Жанне действовать совершенно противоположно тому, как действовали другие женщины, пользовавшиеся прежде благосклонностью короля, то есть вместо того, чтобы представляться неопытной, не скрывать нимало своих талантов. Ришельё был отличный провидец; дела пошли так, как он предвидел, и даже еще лучше. В объятиях девицы Ланж Людовик XV мечтал о прекраснейших днях своей юности, и вскоре можно было заметить, какую власть должна была взять над ним новая его фаворитка».

Короче говоря, как утверждает Ги Шоссинан-Ногаре, «король провел с ней ночь и пришел в полный восторг. Ее опытность, смелость и новые, подаренные ею ощущения показались ему восхитительными».

В дальнейшем Жанна, поселившаяся рядом с королевским дворцом, умудрялась каждую ночь изобретать новые утехи,

способные оживить увядшие чувства короля, — и возбудила у него подлинную страсть.

Королевский двор в шоке

Связь монарха с бывшей девицей из заведения мадам Гурдан шокировала Версаль. Однажды вечером Лебелль, испугавшийся возможных последствий, почувствовал угрызения совести и направился к Людовику XV. Он почтительно заметил, что, по его мнению, эта молодая особа достойна быть лишь мимолетным увлечением, но никак не фавориткой. Королю это замечание не понравилось. Он вспылил, схватил каминную кочергу и, угрожая камердинеру, воскликнул:

— Замолчи, или я тебя ударю!

Лебелль всегда был человеком впечатлительным… Ночью у него начались печеночные колики, и через два дня он умер.

Многие придворные разделяли точку зрения безвременно ушедшего в мир иной камердинера, но особенно не беспокоились: не может же, на самом деле, такая плебейка официально быть представлена ко двору. Король Франции никогда не подарит титул своей официальной фаворитки какой-то мадемуазель Ланж или как ее там… По существующему обычаю на эту роль позволено было претендовать лишь даме замужней и благородного происхождения.

Графиня дю Барри

Граф дю Барри, не прекративший прилагать усилия для успешной карьеры своей протеже, не замедлил посчитаться с мнением двора. Сам он не мог сделать Жанну своей супругой (был он женат и имел пятерых детей), но решился выдать ее замуж за своего брата, Гийома дю Барри. Братец этот, живший в Тулузе, был, как утверждают, «настоящей винной бочкой, свиньей, день и ночь он проводил в самых грязных оргиях». Гийом дю Барри охотно принял предложение, недолго думая, вскочил в дилижанс и прикатил в Париж, где его встретили взволнованные брат и герцог де Ришельё. Основания для волнений у них, несомненно, были: 24 июня 1768 года в возрасте шестидесяти пяти лет умерла добрая и благочестивая королева Мария Лещинская. Людовик XV был не на шутку опечален, и потому интриганы боялись, что король повернется лицом к религии и прогонит их ставленницу. Но после похорон королевы они успокоились: молодая женщина по-прежнему жила рядом с дворцом, а король продолжал навещать ее каждую ночь.

По словам Ги Шоссинана-Ногаре, «несмотря на ее недостойное прошлое, Людовик XV не желал с ней расставаться. Однако он не мог призвать ко двору женщину подобных занятий. Поэтому король распорядился срочно подыскать ей подходящего мужа из дворян. Дю Барри порекомендовал собственного брата, и тот, польстившись на предложенные ему значительные выгоды, 23 июля 1768 года зарегистрировал у нотариуса свой брак с Жанной Бекю, дав ей свою фамилию».

Очевидцы свидетельствуют, что «вся церемония была обычным фарсом». Нотариус был подкуплен, а наделенные богатым воображением братья дю Барри вдруг возомнили, что родоначальниками их семьи являются Барриморы из младшей ветви самих Стюартов… В конце концов, как говорится в одном из памфлетов того времени, «все эти лжедворяне протащили ко двору натуральную шлюху».

Как утверждает Александр Дюма, Гийому дю Барри «дали в награду за то, что он передал свой графский титул хорошенькой Жанне, сто тысяч ливров». После этого его отослали обратно в провинцию, он полностью отказался от каких бы то ни было прав на свою жену, а новоиспеченная графиня дю Барри была представлена двору, как в свое время была представлена мадам д'Этиоль, ставшая потом знаменитой маркизой де Помпадур.

Презентация при дворе в качестве официальной любовницы

Сразу же после свадьбы мадам дю Барри поселилась в королевском дворце, в апартаментах первого этажа (в комнатах покойного Лебелля). Она не могла принимать там короля наедине, так как не была еще официально представлена. Поясним, что презентация при дворе была необыкновенно важна для королевской любовницы: без этой церемонии она не могла рассчитывать ни на какую должность и оставалась при дворе лишь временно. В случае немилости, например, ей не приходилось надеяться на какие-либо утешительные выплаты.

Против презентации мадам дю Барри выступили целомудренные дочери короля, наставляемые герцогом де Шуазелем — он не потерял еще надежду увидеть в королевской постели собственную сестру. В конечном итоге всесильный министр все же проиграл: фаворитку 22 апреля 1769 года представила Его Величеству мадам де Беар, получившая за это неплохой гонорар.

Сделавшись официальной фавориткой короля, мадам дю Барри стала обустраивать свой быт. Бывшая проститутка, отдававшаяся когда-то за несколько экю в галереях Пале-Рояля, завела интенданта, камердинера, парикмахера, двух косметологов, трех портных, а также целую армию кучеров, курьеров, лакеев, дворецких, гардеробной прислуги, горничных и даже экзотического негра Замора.

Король назначил ей ежегодное содержание в 1 200 000 ливров и осыпал ее драгоценностями.

Всеобщее возмущение

Историк Ги Шоссинан-Ногаре пишет:

> «В течение нескольких веков во Франции существовала стойкая традиция, восходившая к эпохе Аньес Сорель: право на сердце короля и на удовольствия с ним имеют только придворные дамы. Людовик XV приблизил к себе мадам де Помпадур, вышедшую из интеллектуальных слоев набиравшего силу нового класса, и тем самым поднял на вершину иерархии новую элиту. Он утвердил новую знать на месте старой, произведя в своей постели настоящую социальную революцию. После такого потрясения общественных устоев, которое придворные восприняли как величайшее оскорбление и признак отказа от обычаев предков, появление графини дю Барри казалось не таким уж болезненным нововведением, или, вернее, поскольку было делом рук придворных, ее утверждение внушало надежду на возвращение утраченных прерогатив. То, что графиню сопровождала слава известной проститутки со всеми атрибутами этой милой профессии, и то, что посредником выступил профессиональный сводник, ханжей не смущало».

Совершенно справедливое наблюдение. Но при этом, добавим, у новой фаворитки тут же появились заклятые враги, и больше всего ее непомерные расходы на фоне общей нищеты в королевстве возмутили простой народ. Дерзкая насмешливость, как известно, у французов в крови, и вот уже на улицах начали распевать сатирические куплеты про мадам дю Барри, и их распространению по приказу герцога де Шуазеля не только не препятствовала, но и способствовала полиция.

Вот пример одного из четверостиший, звучавших в Париже:

> Вот, Франция, твое предназначение:
> Банальной самке подчиняться,
> От Девы[11] некогда найдя спасение,
> Теперь по воле шлюхи загибаться.

Вдобавок к этому повсюду вдруг появились многочисленные карикатуры на фаворитку, которую стали называть мадам дю

Бариль (по-французски baril — бочонок). Эта злая шутка очень понравилась графу де Лорагэ. Однажды вечером он отправился в заведение мадам Гурдан, выбрал там девушку, разместил ее в своем дворце и стал представлять друзьям под именем «мадам Бочонок».

Герцог де Ришельё незамедлительно написал своей протеже:

> «Обожаемая моя графиня, вы будете правы, если срочно отреагируете на наглость графа де Лорагэ. Он только что взял девушку с улицы Сент-Оноре, дал ей дом, меблировал его и заставил называть ее «графиня Бочонок». В этой наглой выходке чувствуется грубый намек. Если это продлится еще несколько дней, то весь Париж будет смеяться. Надо пресечь это в зародыше. Граф де Лорагэ — друг герцога де Шуазеля, таким образом, вы видите, откуда направлен удар».

В ответ мадам дю Барри лишь вдоволь посмеялась. Но очень скоро ей придется плакать.

Придворные дамы какое-то время притворялись, что не замечают мадам дю Барри. Встречая ее в длинных дворцовых коридорах, они принимали презрительно-враждебный вид. Между собой эти очаровательные создания называли фаворитку то Жанной Бекю, то мадемуазель Гурдан, то Бурбонкой, то просто королевской шлюхой. Никто не желал принять ее у себя или куда-то пойти с ней.

Жанне же было абсолютно наплевать на эти колкости. Главным было то, что Людовик XV ужинал у нее каждый вечер. Она развлекалась словно маленькая девочка: покупала себе новую мебель, пела, танцевала до потери сознания, смеялась над шутками короля. Людовику XV все это очень нравилось, и он взирал на нее с восхищением: сколько выдумки, веселья, страсти, озорства! Все это так отличало ее от незабвенной Марии Лещинской (у той, вот ведь незадача, были весьма сдержанные манеры) и демонстративно чопорных дам высшего света.

Через несколько недель король первый не выдержал своеобразного «карантина», в котором держали его любовницу.

— Мне так хотелось бы пригласить кого-нибудь на ужин, но ведь никто не придет, — с сожалением сказала как-то мадам дю Барри.

Людовик XV лишь улыбнулся в ответ.

А на следующий день самые враждебно настроенные к мадам дю Барри придворные получили приглашения, внизу которых была сделана приписка: «Его Величество окажет мне честь своим присутствием». И все вынуждены были прийти, никто просто не

посмел проигнорировать такое приглашение.

Тот же прием потом использовался неоднократно, и понемногу самые непокорные дамы стали привыкать посещать салон мадам дю Барри.

Но, несмотря на это, критиковать ее не перестали, напротив…

Эй, Франция! Твой кофе убегает!

Вскоре во всем Париже стала широко известна история (в то время это называлось анекдотом), имевшая большой успех у недоброжелателей фаворитки. Суть этой истории заключалась в том, что любовница якобы однажды обратилась к Людовику XV, занятому приготовлением кофе, следующим непозволительным образом:

— Эй, Франция! Твой кофе убегает!

Это возмутило всех! Даже бедняки, толком не знавшие, что такое кофе, не могли смириться с тем, что какая-то бывшая проститутка так нагло и неуважительно обращается к Его Величеству. Авторы сатирических памфлетов удвоили свое рвение, стремясь окончательно смешать с грязью эту нахалку и выскочку.

Но этот столь часто повторяемый историками анекдот, конечно же, был не чем иным, как выдумкой недоброжелателей. Если мадам дю Барри и произнесла приписываемую ей фразу, то обращалась она отнюдь не к королю. Один опытный исследователь, Шарль Ватель, доказал, что «Франция» — это было прозвище одного из лакеев графини. Ватель обнаружил воспоминания парижского портного Карлье, которым вполне можно верить. Вот некоторые выдержки из этих воспоминаний. Тридцатого мая 1770 года портной «выдал Августину, Франсуа и Этьену, лакеям графини дю Барри, четыре рулона голубой тафты». Первого июня 1771 года он просил об оплате «четырех рединготов и восьми дюжин больших пуговиц и халатов для Франции, Матюрэна и Куртуа». Третьего января 1771 года — новый счет: «за куртку из ратина для Франции». Четвертого января 1772 года портной упоминал о выдаче «рединготов из серого сукна для Франции и Пикардии».

К тому же из переписки короля и его любовницы ясно видно, что они обращались друг к другу на «вы». Ну и, наконец, вряд ли такое было возможно, чтобы Людовик XV сам готовил кофе; совершенно естественно, что у него для этого были специально обученные люди, работавшие в так называемом «кофейном кабинете короля».

Странное дело, скоро исполнится сто лет, как Шарль Ватель нашел и привел эти доказательства, установив тем самым истину, однако нелепый анекдот по-прежнему приводится чуть ли не в учебниках истории…

Бесстыдство мадам дю Барри

Вольные манеры мадам дю Барри шокировали не меньше, чем ее язык. Ей словно совершенно неведома была стыдливость, и она очень любила представать перед гостями обнаженной. Однажды утром произошла следующая история. Король находился в комнате своей любовницы, она же не вставала раньше полудня, и вот тут-то появились два священника, одним из которых был кардинал де ля Рошеймон.

— Пусть войдут, — распорядился Людовик XV.

Двое священников вошли, поклонились королю, поздоровались с фавориткой. Та в ответ приветливо помахала им, не поднимая головы от подушки. Не успели священники изложить суть дела, как появился нотариус господин д'Отёй (ему срочно требовалась подпись короля на каком-то документе). Король принял и его, и та же сцена повторилась. В тот момент, когда король уже ставил свою подпись, скучающая мадам дю Барри вдруг решила подняться. Ничуть не смущаясь посторонних мужчин, которые находились в комнате, она вылезла из постели совершенно раздетая… По ее просьбе два совершенно смутившихся священника подали ей домашние туфельки. «Они испытали, — пишет один историк, — явную неловкость, выполняя эту просьбу, но не забыли при этом украдкой оценить прелести красавицы». Что же касается нотариуса, то он вскоре уже описывал всему Версалю «чудесные пейзажи, которые волею случая ему довелось лицезреть».

Людовика XV эта сцена сильно позабавила. Он никогда и не помышлял о том, чтобы пристыдить мадам дю Барри за подобные выходки. Как ни странно, ни ее речь, ни вульгарность, ни отсутствие стыда совершенно не шокировали его. Он все ей прощал за те радости, что она ему доставляла.

Мастерица любовных утех

А доставлять радости мадам дю Барри умела. И вот в народе уже появилась третья причина для недовольства фавориткой: ее начали обвинять в том, что своей ненасытной похотью она утомляет короля, а когда он не выдерживает, она подсовывает ему возбуждающие средства, дабы он всегда находился в прекрасной форме. Злопыхатели говорили, что она заставляла Людовика XV глотать шпанских мух, какой-то повышающий либидо сироп и масло гвоздики.

Утверждали, что Людовик XV, утомленный всевозможными излишествами в постели, больше не был в той форме, которая нравится дамам, а порошку из шпанских мух не всегда удавалось спасти положение. Фаворитка, обладавшая неуемным темпераментом, заказывала тогда поварам специальные блюда. Считая, что для каждой ночи должно быть новое меню, она сама составляла его и, вспоминая то, что узнала в свое время у мадам Гурдан, изобретала все новые и новые возбуждающие яства. Королю приходилось есть трюфели, всевозможные специи, взбитый с коньяком яичный желток, мед. Каждый вечер он выпивал по чашке горячего шоколада с сельдереем и амброй. Не забывала мадам дю Барри и про то, что Венера, по преданиям любившая Вулкана, подкармливала его ненасытную страсть морскими продуктами. Вот и у нее в ход шли кальмары, устрицы, мидии, креветки (из них королю готовили специальный суп). Ну и конечно, в огромных количествах поедались артишоки, которые в XVIII веке считались настолько эротическим блюдом, что молодые девушки не осмеливались их даже пробовать.

Однако все эти возбуждающие средства не всегда давали ожидаемый фавориткой результат. Часто случалось так, что Людовик XV уходил в спальню с низко опущенной головой, однако употребление всевозможных стимулирующих средств становилось для него делом все более и более привычным. Герцог де Ришельё по этому поводу писал:

> «Старому развратнику приходилось иметь дело со специально подобранными девушками. Похоть иногда вынуждала его прибегать к уверткам, чтобы соблазнить тех, которые были добродетельны или верны своим любовникам. Именно так он добился расположения некоторых знатных дам и покорил мадам де Сад. Он предложил ей чудесные пастилки, куда добавил порошок шпанских мух. Он сам съел их и дал своей подруге,

доведя ее желание до бешенства. Она предалась удовольствиям, которые мы не беремся описывать. Король в конце своего правления позволил себе несколько раз подобное развлечение. Несколько придворных дам умерли от последствий этих постыдных оргий».

Естественно, во всех этих извращениях обвиняли мадам дю Барри. Ее страсть к любовным утехам действительно восхищала Людовика XV, и однажды он поделился с герцогом де Ришельё:

— Я в восторге от мадам дю Барри, это единственная женщина во Франции, которая знает секрет, как заставить меня забыть о моем возрасте.

Власть мадам дю Барри

А тем временем герцог де Ришельё, пламенно желавший занять место первого министра, продолжал готовить падение герцога де Шуазеля. Он всячески настраивал мадам дю Барри, да и все обойденные де Шуазелем, все недовольные его политикой также не жалели усилий для осуществления этого замысла.

Естественно, фаворитка не упустила случая воспользоваться своей огромной властью над любовником. Один из современников тех событий писал:

> «Властью такой удивительной, какой никто из ее предшественниц не смог добиться, она быстро подчинила разум короля, и скипетр Людовика XV, до сих пор являвшийся игрушкой любви, тщеславия и жадности, стал в руках графини символом безумия».

Герцог де Шуазель, в свою очередь, также готовился пустить в ход свой козырь против всесильной фаворитки. Замысел его был таков: в течение нескольких лет он готовил свадьбу наследника французского престола с великой герцогиней Марией-Антонией фон Габсбург (на французский манер — Марией-Антуанеттой), дочерью императора Франца I и императрицы Марии-Терезии. Изначально этот союз преследовал одну лишь политическую цель — упрочить союз с Австрией, однако с появлением графини дю Барри это стало для де Шуазеля и глубоко личным делом. Он рассчитывал на поддержку новой дофины: обязанная ему всем, она не сможет отказать. В результате все выглядело так: два коварных герцога, улыбаясь друг другу на людях, тайно готовили сражение между двумя женщинами, руками которых они надеялись один изменить, а другой сохранить свое положение.

Умело расставленные шпионы ежедневно доносили герцогу де Шуазелю все: что мадам дю Барри говорила по его поводу, с какими вопросами обращалась к королю. Он прекрасно понимал: с ее властью над королем она в любую минуту могла добиться его отставки.

Оружие герцога де Шуазеля

13 мая 1770 года, отправившись из Вены, юная Мария-Антуанетта прибыла в Компьень, где ее уже ждали Людовик XV и дофин. На опушке леса остановилась карета герцога де Шуазеля, которому первому в знак величайшего расположения было позволено ее приветствовать. Он вышел из кареты и почтительно поклонился. Мария-Антуанетта, пятнадцатилетняя девочка-подросток, просунула в дверцу белокурую головку и улыбнулась герцогу.

— Месье, я никогда не забуду, что вы осчастливили меня.

— И Францию, — галантно добавил де Шуазель.

Когда в Компьене объявили о приезде Марии-Антуанетты, король поспешил к ней навстречу. И, надо сказать, он был восхищен. По словам Ги Бретона, «самая очаровательная из самых юных дам спускалась из кареты: глаза, словно незабудки, живые, игривые, светло-пепельные волосы, тонкие черты лица, вполне уже развитая, высокая грудь — все вместе представляло очень аппетитное зрелище».

Она действительно могла считаться просто идеальной принцессой. По словам Эвелин Левер, она была «очень хорошо сложена, хотя и считалась немного худоватой по канонам красоты того времени». По сравнению с ней, как считали в Вене, все французские королевы были не более чем производительницами потомства. Если бы Людовика XV спросили, согласен ли он с этим мнением, он бы, не задумываясь, согласился.

Сделав несколько неуверенных шагов, принцесса опустилась перед королем на колени. Людовик XV, смущенный больше, чем того требовали условности, поднял и поцеловал ее. Руки его дрожали так, словно ему, а не его внуку, было суждено стать мужем австриячки…

А в это время дофин с удручающим безразличием взирал на очаровательную девушку, так приглянувшуюся понимавшему толк в женщинах Людовику XV.

Сразу скажем, что Марии-Антуанетте, полной юношеской прелести и радости жизни, страшно не повезло с французским дофином: он оказался совершенно бессильным в постели и страдал от особой болезни, не позволявшей ему иметь детей. Ей потребуется семь лет томительного ожидания, пока муж обратит наконец на нее внимание. Впрочем, дело тут не в ожидании, а в операции, на которую он все же решится, уже сам став королем и понимая, что от него требуются наследники.

А пока же все готовились к торжественному ужину, на который король, естественно, пригласил и мадам дю Барри. Как ни старался де Шуазель воспрепятствовать этому, она все же появилась, восхитительная, в вышитом золотом платье, и села за стол рядом с дофином, дофиной и Людовиком XV.

Мария-Антуанетта, еще не поняв, куда она попала, была обворожена красотой мадам дю Барри. Она наклонилась к своей соседке и спросила:

— Кто эта прекрасная дама?

— Мадам дю Барри.

— А каковы ее обязанности при дворе?

Соседка молча опустила глаза, и Мария-Антуанетта все поняла сама и густо покраснела. В тот же вечер герцог де Шуазель, заметив явный интерес короля к юной дофине, подумал, что пикантность этой ситуации можно будет неплохо использовать…

Официально бракосочетание дофина и австрийской принцессы было отпраздновано 16 мая 1770 года в Версале при невероятном шуме голосов 6000 приглашенных, с головы до пят покрытых золотом, драгоценными камнями, перьями и парчой. Герцог де Шуазель довольно потирал руки.

Отставка герцога де Шуазеля

Очень скоро юная Мария-Антуанетта и сама поняла, в какое змеиное гнездо она угодила. Нравы, царившие при французском дворе, шокировали чистую душу австриячки, а вслед за этим последовало отвращение к мадам дю Барри. Об этом позаботился герцог де Шуазель и дочери короля, три старые девы (Аделаиде было тридцать восемь лет, Виктории — тридцать семь, а Софи — тридцать шесть), которые так ненавидели фаворитку, что были рады разделить эту ненависть с дофиной. Мария-Антуанетта слепо последовала за ними, и через несколько дней уже писала матери:

> «Король бесконечно добр ко мне, и я нежно его люблю, но стоит только пожалеть его за слабость, которую он питает к мадам дю Барри, самому наглому и глупому существу, какое можно себе представить. Мы вместе играли в Марли, и дважды она оказывалась рядом, но не заговорила со мной, и я не пыталась завязать с ней беседу».

Так у герцога де Шуазеля появился желанный союзник. То, что произошло вслед за этим, Ги Бретон описывает следующим образом:

> «Уверившись в своих силах, он развернул сильнейшую атаку против фаворитки, и его союзники решили, что отныне им все позволено. Это стало очевидно однажды вечером в Шуази, во время спектакля с участием королевских актеров. Зал был крохотный, и придворные дамы поспешили занять первые места. Когда явилась мадам дю Барри в сопровождении своих близких подруг, — жены маршала де Мирпуа и герцогини де Валентинуа, — все места были заняты.

— Мне нужно кресло, — сказала фаворитка.

Графиня де Грамон, фрейлина дофины и невестка де Шуазеля, повернула голову.

— Мы здесь намного раньше вас, мадам. Будет справедливо, если у нас будут лучшие места.

— Я задержалась, — сказала мадам дю Барри.

Мадам де Грамон усмехнулась.

— Я хочу сказать, мы появились при дворе гораздо раньше

вас.

В первый раз за все время фаворитка вспылила:

— Вы настоящая ведьма!

— А я, мадам, — спокойно ответила невестка де Шуазеля, — я не осмеливаюсь произнести вслух слово, которым вас можно было бы назвать.

Разгневанная мадам дю Барри побежала жаловаться королю, и на следующий день мадам де Грамон было письменно приказано отправиться за пятнадцать лье от Версаля».

Мария-Антуанетта, естественно, встала на защиту своей фрейлины. Но напрасно она обращалась к Людовику XV и называла его «мой папа», король и не думал отменять свое решение. В это время, по словам Ги Бретона, мадам дю Барри «со всей страстью своих двадцати шести лет дарила ему слишком райские ночи, чтобы он посмел ей не угодить. Фаворитка наслаждалась победой и снова заулыбалась. Однажды вечером в Версале она даже до того раздобрилась, что поболтала с де Шуазелем».

Ничего хорошего для нее из того не вышло. Вот что пишет об этом в своих «Секретных мемуарах» Луи Пти де Башомон:

> «Много говорят об остром словце герцога де Шуазеля, адресованном мадам дю Барри. Ходят слухи, что, несмотря на то что эта дама родилась в законном браке, ее настоящим отцом был аббат Гомар. Эти слухи подтверждаются той особой заботой, которой мадам дю Барри окружает этого аббата. Разговор шел о монахах, об их нынешних бедствиях во Франции. Мадам дю Барри была против них, а герцог де Шуазель их защищал. Этот остроумный и образованный министр упоминал о многообразной пользе, приносимой ими, но постепенно терял свои позиции. Наконец, прижатый к стенке, он заявил:

— Но вы, мадам, согласитесь, по крайней мере, что они умеют делать прекрасных детей.

Мадам дю Барри запылала от этого второго публичного оскорбления и поклялась сместить наглого министра».

И она использовала все доступные ей средства, чтобы достичь результата.

Сам де Шуазель в своих «Мемуарах» констатирует:

> «Эта дама и ее приспешники ненавидели меня <… > Я отвечал им глубочайшим презрением, которое не считал нужным скрывать, и выказывал при каждом

удобном случае».

Далее герцог добавляет:

> «Близкие мне люди справедливо отмечают, что в глазах общественности лучше быть сосланным или даже наказанным, благороднее быть выгнанным мадам дю Барри, чем иметь слабость сдаться».

Фаворитка же тем временем не прекращала настраивать короля против ненавистного ей де Шуазеля. Вот еще раз строки Луи Пти де Башомона:

> «Недруги мадам дю Барри утверждают, что, обнаружив сходство своего повара с министром, она увидела в этом подвох и приказала никогда больше не попадаться ей на глаза. Вскоре во время ужина с королем она пошутила:
>
> — Я отослала моего Шуазеля, когда же дойдет очередь до вашего?»

Но Людовик XV все еще находился в нерешительности, конец которой положили лишь доводы о том, что война с Англией будет неминуема, если де Шуазель сохранит свой пост. Король хотел мира и понимал, что Франция к войне не готова. В результате 24 декабря 1770 года он все же отправил де Шуазеля в отставку, сослав в его владения в Шантелу, замок де Шуазеля вблизи Амбуаза.

Итак, мадам дю Барри победила в этой изнурительной борьбе. Бывший министр без возражений собрал свои вещи и уехал. При этом фаворитка, навлекшая на де Шуазеля опалу, не испытывала ни угрызений совести, ни злых чувств, какие она вполне могла бы питать к де Шуазелю и его сестре за их презрение и суровость. Для нее это уже был пройденный этап, и он ее уже совсем не интересовал.

Настоящий триумф испытывали люди, стоявшие за ее спиной. Теперь, когда де Шуазеля не стало, они принялись за парламент. И здесь мадам дю Барри должна была помочь им, склонив на их сторону короля. Если верить рассказам современников, фаворитка довольно драматическим способом воздействовала на воображение короля, заставив его капитулировать. Она якобы вывесила в своих апартаментах портрет английского короля Карла I и каждый день, указывая Людовику XV на картину, повторяла:

— Вы видите этот портрет? Если вы оставите парламент, он

отрубит вам голову так же, как английский парламент поступил с королем Карлом.

По-видимому, это вымышленный рассказ. Или слишком уж приукрашенный драматическими подробностями. В действительности, в связи с «излишествами» парламента, не так уж и трудно было убедить короля в необходимости укротить этот мятежный источник оппозиции. В январе 1771 года была проведена жесткая реформа: парламент разогнали и собрали в новом составе, очистив от продажности, сократив его функции и поставив под контроль специально утвержденного министерства.

Победа над Марией-Антуанеттой

Как только де Шуазель покинул Версаль, мадам дю Барри затеяла интригу с целью назначить на пост министра иностранных дел герцога д'Эгийона, которого злые языки называли ее любовником.

Так ли это было на самом деле? Никто точно не знает. В любом случае, многие современники в этом не сомневались, ибо Людовик XV уже давно не был в той форме, которая нравится дамам, а сам герцог был верной опорой фаворитки и был всегда готов подставить ей свое плечо.

И вот в июне 1771 года король поручил герцогу д'Эгийону управление министерством иностранных дел. Мария-Антуанетта была этим фактом очень опечалена, так как точно знала, что новый министр, ненавидевший своего предшественника де Шуазеля, задумал переиначить политику страны и саботировать франко-австрийский союз — детище маркизы де Помпадур и опального де Шуазеля. Думать так у нее были все основания: вступив на должность, д'Эгийон даже не удосужился назначить посла в Вену, в то время как Австрию в Париже представлял один из самых опытных ее дипломатов граф де Мерси-Аржанто. От подобных нововведений следовало ждать самого худшего.

Мария-Антуанетта прекрасно понимала, «откуда ноги растут», и это заставляло ее еще больше ненавидеть мадам дю Барри. Демонстрируя это, она совсем перестала ее замечать и каждый раз проходила мимо, поджав губки и глядя в сторону. Фаворитка пребывала в бешенстве. Двор, разумеется, страстно следил за этим сражением двух женщин: одних это забавляло, другие же отмечали мужество юной дофины.

Тем временем мадам дю Барри не выдержала и заявила королю, что не потерпит подобного отношения со стороны австриячки.

— Из меня ежедневно делают посмешище. Вы должны заставить эту рыжую девчонку со мной разговаривать! Так больше продолжаться не может. За нами следит весь двор, и я настаиваю на том, чтобы меня уважали!

Король пообещал решить этот вопрос, но положение его было довольно неловким, и он все тянул и тянул с решительными действиями. И тогда нетерпеливая фаворитка принялась действовать сама. Она пригласила графа де Мерси-Аржанто, оставила его ужинать и вскоре совершенно очаровала…

И вот уже австрийский посол получил задание направить свою юную соотечественницу на путь истинный. Короче говоря,

он должен был объяснить неопытной в политике Марии-Антуанетте, что при французском дворе следует вести себя не так заносчиво. В завершение мадам дю Барри потребовала, чтобы посол сделал так, чтобы дофина обратилась к ней, неважно с чем, но этим бы она на глазах у всех признала свое поражение.

Посол обещал попробовать и явился к Марии-Антуанетте со словами:

— Если мадам Великая герцогиня своим поведением хочет показать, что она знает о роли графини дю Барри при дворе, ее достоинство требует того, чтобы она потребовала от короля запретить этой женщине появляться в ее окружении. Если, напротив, она не хочет замечать истинного статуса фаворитки, надо обращаться с ней ровно, как с любой придворной дамой, а когда представится случай — заговорить с ней, хотя бы один раз, чтобы не существовало повода для осложнений и без того сложной обстановки.

Мария-Антуанетта гордо покачала головой:

— Я никогда не заговорю с этой женщиной, это даже не обсуждается.

Посол был в отчаянии. Он начал объяснять дофине, что ее отношение к фаворитке может вызвать недовольство Людовика XV, а это, в свою очередь, может нарушить франко-австрийский союз. Но и этот аргумент не подействовал, и Мария-Антуанетта продолжила демонстративно презирать мадам дю Барри.

Политическая ситуация действительно складывалась весьма серьезная, и вскоре в дело вмешалась сама императрица Мария-Терезия, которая написала дочери строгое письмо следующего содержания:

> «Я не могу больше молчать. Вам передали пожелание короля, а вы посмели не выполнить ваш долг. Какое вы можете привести достойное оправдание? Никакого! Вам следует видеть в дю Барри лишь даму, допущенную ко двору и к обществу короля. Вы — его первая подданная и должны служить при дворе примером послушания его воле. Если бы от вас требовались какие-то низости, фамильярность, то ни я, ни кто другой не посоветовали бы вам совершать это. Но нужно лишь безразличное слово, взгляд… И вовсе не для этой дамы…»

Мария-Антуанетта была изумлена, она не привыкла, чтобы ее добродетельная мать давала ей подобные советы. Заговорить с развратной женщиной! Нет! Внутри у нее все протестовало, но делать было нечего: мать говорила ей о благе Австрии, и она

вынуждена была смириться. В начале января 1772 года она собрала всю свою волю в кулак, подошла к мадам дю Барри и с трудом выдавила из себя:

— Как сегодня многолюдно в Версале.

Эта сама по себе ничего не значащая фраза произвела эффект разорвавшейся бомбы! Весь двор сразу пришел в движение, люди принялись носиться, передавая друг другу новость. Дочери короля рыдали от бешенства, а сам король бросился обнимать дофину. Назавтра о случившемся уже было известно во всей Европе….

Эти несколько слов означали, что фаворитка вновь победила, что не считаться с ней теперь нельзя никому.

Попытки заменить мадам дю Барри

По словам Ги Бретона, мадам дю Барри «вышла из этого поединка могущественной, как никогда. В ее апартаментах проходили собрания министров, послы оказывали ей королевские почести, а советники приходили к ней за советом». Однако это возвышение еще больше возмутило ее притихших на время противников, и они решили избавиться от нее более хитрым способом, то есть найдя ей достойную замену в постели короля.

Сначала была предпринята попытка уложить в постель Людовика XV принцессу де Монако, обладательницу «самой красивой в мире груди». Мы не знаем, что в точности произошло, то ли король в тот вечер чувствовал себя уж очень усталым, то ли красавица излишне разволновалась и не смогла показать себя, но факт остается фактом: принцессе пришлось ретироваться ни с чем.

Враги мадам дю Барри принялись искать новую альтернативу и вскоре предложили королю некую молодую англичанку, но та продвинулась не дальше принцессы де Монако.

Мадам дю Барри все это стало известно, и она сильно обеспокоилась. Более того, она даже испугалась. Она понимала, что королю нужны перемены, а сама она не могла надеяться, что ее чары смогут вечно удерживать столь непостоянного и столь утомленного жизнью любовника. Поплакав и поразмыслив хорошенько, она решила «не изобретать велосипед», а пойти по стопам незабвенной маркизы де Помпадур: стать сводницей для монарха и время от времени знакомить его с какой-нибудь юной особой «из своих», держа тем самым ситуацию под строжайшим контролем.

По стопам маркизы де Помпадур

Главной заботой мадам дю Барри были не слава и не государственные дела. Она помышляла лишь о том, как бы удержать при себе стареющего короля, а себе продлить связанные с этим развлечения и удовольствия. Стратегия маркизы де Помпадур была апробирована, и теперь мадам дю Барри нужно было лишь не почивать на лаврах, а самой предлагать Людовику XV девушек, не дожидаясь, пока это сделают другие.

Вскоре она уже перезнакомила его почти со всеми актрисами «Комеди Франсэз», в частности она привела в Версаль очаровательную мадемуазель Рокур, известную своей пылкостью и бесстыдством.

Организовав дело, мадам дю Барри обратилась к герцогу д'Эгийону с просьбой помочь ей расторгнуть свой брак с Гийомом дю Барри. В те времена на это нужна была веская причина, и хитрый министр ее нашел. Вот послание Его Святейшеству, которое он дал на подпись фаворитке:

> «Мадам дю Барри сообщает Его Святейшеству, что, будучи не в курсе законных правил, она не знала во время заключения ею брака с графом Гийомом дю Барри, что запрещено выходить замуж за брата мужчины, с которым до того существовала связь. Она признается со всей болью раскаявшейся души, что испытывала слабость к графу Жану дю Барри, брату ее мужа. К счастью, ее вовремя предупредили о возможном кровосмешении, и ее просвещенная совесть не позволила ей жить с новым супругом как с мужем, — таким образом, преступление еще не совершено. Она умоляет Его Святейшество избавить ее от этого непристойного союза».

Нет ничего удивительного в том, что эта немыслимая выходка не удалась, чем мадам дю Барри была сильно огорчена. Огорчена — это еще мягко сказано. Она накричала на герцога д'Эгийона, обвинив его в неспособности решить даже самый пустяковый вопрос. После этого она направилась к королю и, решив, что никто не сделает ее дело лучше ее самой, была с ним такой страстной, что даже видавший виды Людовик XV был поражен…

Жизнь после смерти Людовика XV

15 февраля 1774 года Людовику XV исполнилось шестьдесят четыре, а в апреле он сильно заболел: на его теле появилась сыпь, и уже через несколько дней стало ясно, что это оспа. 10 мая он умер, и уже на следующий день появилась следующая эпитафия, в которой выплеснулось все народное недовольство его образом жизни:

> Страна в слезах, и это вам не слухи,
> Король прошел весь путь свой до конца.
> В слезах все шельмы, рыдают шлюхи:
> Теперь они остались без отца!

Первым документом, подписанным новым королем Людовиком XVI, стало запрещение мадам дю Барри под каким бы то ни было предлогом появляться при дворе. Напуганная бывшая фаворитка укрылась в монастыре Понт-о-Дам, и Мария-Антуанетта облегченно вздохнула — наконец-то настала ее очередь торжествовать. В тот же день она написала матери в Вену:

> «Это создание отправлено в монастырь, и все, что было связано с ее скандальным именем, отлучено от двора».

Мадам дю Барри было запрещено принимать посетителей и даже вести переписку. Позже надзор ослаб, и ей разрешили вернуться домой в Лувесьенн. Это был прелестный особняк, который по ее заказу возвел архитектор Леду. При этом ей было поставлено строжайшее условие не приближаться к Парижу и Версалю ближе чем на десять лье.

Жанна все еще была хороша собой, и в Лувесьенне у нее быстро появились поклонники. Ее первым любовником после смерти короля стал некий де Бриссак, которого потом убили во время Великой французской революции. Потом ему на смену пришел некий Кабо.

Но все это были, так сказать, бои местного значения, и о бывшей любовнице короля начали забывать. В очередной раз ее имя всплыло на поверхность в связи с так называемым «делом о бриллиантовом ожерелье».

Дело это разгорелось в августе 1785 года, и оно бросило

черную тень на королеву. Конечно, это было типичное мошенничество авантюристки, называвшей себя княгиней де ля Мотт, которой удалось заставить одного из грандов королевства, кардинала де Рогана, купить ожерелье баснословной ценности; и это ожерелье — типичная взятка — должно было быть подарено Марии-Антуанетте, чтобы получить от нее определенные милости.

Как потом выяснилось, Жанна де ля Мотт была никакой не княгиней, а лишь искусной актрисой. Она наняла женщину, одев ее как Марию-Антуанетту, с которой кардинал ночью встретился в Версальском саду. Фальшивая «королева» на прощание подарила кардиналу розу. Разумеется, Мария-Антуанетта никогда в глаза не видела этого ожерелья, а мошенница де ля Мотт уехала в Англию, где успешно продала его. Невозможно поверить, что королева Франции могла бы ночью в саду договариваться о чем-то с опальным кардиналом, которого она к тому же терпеть не могла. К несчастью, эта история стала публичной. Кардинал де Роган был арестован и брошен в тюрьму. И хотя в этом событии Мария-Антуанетта была абсолютно невиновна, широкие массы поверили, что она получила ожерелье, и это дело еще более усугубило ее и без того неважную репутацию.

В этом деле мадам дю Барри выступила свидетельницей по просьбе Жанны де ля Мотт, и впоследствии это ей вышло боком: ожерелье было переправлено в Лондон, и ее обвинили в содействии в передаче средств скрывавшимся там монархистам-контрреволюционерам.

Трагический конец мадам дю Барри

В 1789 году мадам дю Барри, желая показаться верноподданной пошатнувшейся монархии, написала Марии-Антуанетте письмо с предложением помощи. Королева ответила ей благодарной запиской, и это был последний случай, когда две женщины, вскоре павшие жертвами одной и той же революции, вступали в контакт.

Революции всегда заканчиваются кровопролитием, а так называемые «Великие» революции — великим кровопролитием. В январе 1793 года был казнен отрекшийся от власти король Людовик XVI, в октябре того же года трибунал вынес смертный приговор Марии-Антуанетте, а 8 декабря все того же года по указанию Конвента была арестована и мадам дю Барри, которую обвинили в нанесении вреда Франции. Ей инкриминировали организацию заговора против Французской республики и оказание помощи в поставках оружия противнику на территории страны: якобы она передавала монархистам значительные денежные суммы во время действительно имевших место поездок в Англию.

Результатом этого могла быть лишь гильотина.

А пока ее бросили в тюрьму Консьержери. Удивительно, но там она оказалась в той же камере, где незадолго до этого находилась ее недавний заклятый враг Мария-Антуанетта. На жалком подобии суда прокурор Фукье-Тинвилль назвал мадам дю Барри Мессалиной, преступницей, заговорщицей против свободы и суверенитета народа…

Одни свидетели казни мадам дю Барри говорят, что на эшафоте она ползала на коленях перед палачом, умоляя о пощаде, а палач потчевал ее пинками и подзатыльниками, побуждая склонить голову под нож гильотины, грубо повторяя:

— А ну, давай, давай, каналья!

Утверждают, что ее отчаянные крики (мадам дю Барри была, по словам современников, одной из тех немногих жертв, отчаяние которых разразилось бесполезными мольбами и инстинктивным сопротивлением) глубоко потрясли восприимчивую толпу, ударили ее, так сказать, по нервам. И многие в этот момент поняли, что смерть на гильотине в действительности едва ли столь легка и «приятна», как это готовы были утверждать ее сторонники.

В последний момент она якобы испустила, подобно Людовику XVI, такой ужасный стон, что это спровоцировало появление в одной из газет заметки с заголовком: «Она жила в разврате и

умерла без мужества».

Другие свидетели казни уважительно упоминают последние слова мадам дю Барри на эшафоте:

— Извините, господин палач, еще одну минуточку…

В первую версию, вне зависимости от того, как Жанна на самом деле вела себя перед смертью, верить не хочется. Слишком уж это все противно и страшно. У мемуаристов (а они все без исключения субъективны) всегда на уме публицистический пафос и то, как будут выглядеть в глазах потомков они сами, а перед Жанной дю Барри был настоящий эшафот и настоящий палач, и ей явно было не до подобных глупостей.

Как бы то ни было, трудно придумать лучшую формулировку итогов короткой жизни великой и несчастной мадам дю Барри, чем та, которую сделал историк Ги Шоссинан-Ногаре:

> «Дю Барри стала последней королевской фавориткой, и когда голова скатилась с ее плеч, то показалось, что угасла последняя искра прежней, закончившейся навсегда эпохи. Она была самой непопулярной из королевских фавориток. Парадоксально, что ее попрекали именно профессионализмом, который как раз и даровал ей эту должность. Ее политическая роль ограничилась тем, что она навлекла немилость на Шуазеля и поддерживала триумвират. Это последнее в какой-то мере носило позитивный характер, так как Мопу провел полезную и своевременную, крайне необходимую монархическую реформу. Но история пошла другим путем, разрушив все опоры монархии. Мадам дю Барри воспользовалась представившейся ей возможностью. Отчасти ее оправдывает, помимо склонностей короля, сам монархический режим, гнусное дряхление которого она символизировала. Можно только удивляться, что этот режим смог предпринять значительные усилия, чтобы обновить и оживить свою изношенную структуру. Он словно весь вышел в распутство, а учитывая его дряхлость, казалось, что ниже он просто опуститься не может. Но вскоре презрительное отношение перешло со скандальной фаворитки на невинную королеву, и это поразило монархию в самое сердце. Она окончательно утратила свою репутацию. Морализация двора, откуда был изгнан адюльтер, привела к неожиданным результатам: на легитимную королевскую супругу пали те самые ненависть и презрение, которые в счастливые

времена бигамии полагались фавориткам».

Глава седьмая
Вирджиния ди Кастильоне

Но какова была эта загадочная миссия, которую должна была выполнить маленькая графиня ди Кастильоне? Это просто: ей нужно было проскользнуть в императорское ложе Наполеона III.

ПОЛЬ ЛЕЖЁН, современная французская писательница, историк

Прекрасная флорентийка

Вирджиния Ольдоини родилась во Флоренции 23 марта 1837 года. Ее семья была одной из самых аристократических семей в городе и владела большими земельными участками в Тоскане. Ее отец, Франческо Ольдоини, выполнял важные дипломатические функции и почти не бывал дома, а в это время ее мать, маркиза Изабелла, вела бурную светскую жизнь, посещая балы, театры, всевозможные выставки и не отказывая себе в галантных приключениях. Сплетники шептались у нее за спиной и даже выдвигали предположения, что сеньор Франческо вполне мог и не быть отцом маленькой Вирджинии.

В детстве Вирджиния была странным ребенком. В том возрасте, когда девочки обычно еще играют в куклы, за будущей графиней, красота которой уже тогда поражала мужчин, ухаживали как за взрослой женщиной. Прекрасно понимая, какой огонь вспыхивает в сердцах ее поклонников, она, по словам очевидцев, говорила, презрительно улыбаясь и сощурив зеленые глазки:

— Потерпите немного… Скоро я вырасту…

И многие едва удерживались, чтобы не крикнуть:

— Быстрее! Быстрее!

Ее воспитанием занимался дедушка по материнской линии, известный адвокат. С ним она быстро научилась говорить по-английски и по-французски. Но девушке гораздо больше, чем учиться, нравилось читать любовные романы, возбуждавшие в ней совершенно сумасшедшие амбиции.

В пятнадцать лет, по словам ее биографа Поль Лежён, «эта брюнетка со светлыми глазами уже выглядела настоящей цветущей женщиной», а по меткому замечанию Ги Бретона, «она была так хороша, что тем, кто имел предрасположенность к апоплексическим ударам, противопоказано было смотреть на нее».

Замужество и переезд в Турин

Граф Франческо ди Кастильоне хотя и был на десять лет старше Вирджинии, не имел ни малейшей предрасположенности к апоплексическим ударам. Он с первого взгляда влюбился в окруженную поклонниками прекрасную флорентийку, и уже 9 января 1854 года они сыграли свадьбу. С этого дня шестнадцатилетняя Вирджиния стала носить титул графини ди Кастильоне.

Ее муж состоял в тесных связях с домом пьемонтского короля Виктора-Эммануила из Савойской династии, и уже через несколько дней после свадьбы он отвез Вирджинию в Турин, где находился королевский двор.

В Турине она была представлена королю, которого новоиспеченная графиня буквально сразила. Ги Бретон об этой встрече рассказывает так:

> «Он что-то мямлил, лицо его пошло пятнами, и с большим трудом ему удалось скрыть невольное восхищение, охватившее его. Молодая графиня была очень довольна произведенным эффектом и предалась мечтам о романтичных приключениях и различных трюках в августейшей опочивальне».

Королю Виктору-Эммануилу в то время было тридцать четыре года, и двенадцать из них он был женат на дочери австрийского эрцгерцога Аделаиде. Несмотря на застенчивость в амурных делах, человеком он был весьма мужественным и решительным, а под чисто солдатской грубоватостью у него скрывалось горячее сердце и мечты сделать из Пьемонта центр сплочения всех патриотических сил Италии. В любом случае, он очень понравился Вирджинии, ибо сильно контрастировал с вялым и немного женоподобным графом ди Кастильоне.

Между тем граф Франческо ди Кастильоне одарил Вирджинию сыном, которого назвали Джорджо. Вероятно, он полагал, что тем самым доставляет ей одновременно и большую честь, и удовольствие. Могло ли прийти в голову этому несчастному, что его жена, лишенная возможности в последние недели беременности принимать поклонников, которые постоянно толпились в ее гостиной, еще будет упрекать его в том, что по его милости она испытывала недостаток в поклонении?

Дневник графини ди Кастильоне

Сыном Вирджиния занималась мало. У нее были другие, более приятные способы проведения свободного времени: она вела дневник.

Этот дневник был обнаружен Аленом Деко в 1951 году в Риме. Любой историк может только мечтать о том, чтобы ему в руки попал столь любопытный документ. Вирджиния предстает в нем во всей своей красе, такой, какая она была на самом деле: мелочной, с весьма сомнительными моральными принципами, подверженной редким искренним порывам, с непомерной гордыней и повадками парижской белошвейки.

В своем дневнике графиня пользовалась особым шифром: латинская буква «B» обозначала, что дело не зашло дальше поцелуя, буква «X» — объятия, буква «F» свидетельствовала о полной победе, а сочетание букв «BX» говорило о некотором положении дел, которое Ален Деко назвал промежуточным.

Надо сказать, что у Вирджинии имелось бесчисленное количество поводов использовать этот придуманный ею код.

Ее друг детства, маркиз Амброджо Дориа, с которым она некогда играла в семейном дворце Ла-Специа, начал ухаживать за ней, когда ей исполнилось пятнадцать. Вскоре после того как она оправилась от родов, он вновь начал проявлять настойчивость. Одним июньским вечером графиня, взволнованная событиями прошедшего дня, записала в своем дневнике:

> «Я ходила к девятичасовой мессе. Возвращаясь домой через сад, я повстречала Амброджо Дориа, который проник в мою спальню в то время, пока прислуга завтракала. Я переоделась и была в белом пеньюаре, а волосы не стала закалывать гребнем. Мы болтали, сидя на канапе, до одиннадцати. BX… Он ушел также через сад».

Через несколько дней Дориа вновь навестил ее, и Вирджиния сделала следующую запись:

> «Я обедала с Вимерати. Франческо был у Сигала. Она ушла в семь часов, когда в гостиной появился Дориа. Мы болтали, не зажигая света. BX. BX. BX. BX…»

Пылкий маркиз был удостоен буквы «F» через два дня, 7 июля.

Несколько дней спустя юная графиня напишет:

> «Приходил Дориа. Был до пяти часов. Мы болтали в моей спальне…»

Буква «F» уточняет, какой оборот принял этот разговор.
Поль Лежён замечает:

> «К счастью, муж часто отсутствовал и был ослеплен чувством, которое он испытывал к своей жене. А она, проводя каникулы в Ла-Специа, повстречала там двух других Дориа, таких же предупредительных, как и их брат Амброджо».

Хорошо известно, что труден только первый шаг. Очаровательная Вирджиния не собиралась останавливаться в начале пути. Действительно, у Амброджо имелся старший брат Марчелло. Вскоре его имя появилось на страницах дневника. 13 октября Вирджиния записала ряд чисел: 12, 5, 18, 19, 21, 5, 13, 20, 18, 20, 17, 11, 5, 11, 9, 19, 1, 21, 5, 3, 12, 14, 9…

Эта запись расшифровывается так: «Я занималась любовью с Марчелло».

Но забавы, которым предавалась графиня в обществе братьев Дориа, вскоре перестали тешить ее амбиции. По словам Поль Лежён, «все это было для нее лишь средством, чтобы рассеять скуку, в которой она жила». Она мечтала пасть в объятия самого короля.

Предложение графа ди Кавура

И вот тут-то ей неожиданно и представился случай использовать свою красоту в достойных ее тщеславия целях.

В один прекрасный день к ней обратился ее кузен, граф Камилло Бенсо ди Кавур, бывший депутат парламента, а ныне премьер-министр короля, действовавший в пользу союза с Францией для объединения Италии под главенством Савойской династии, к которой принадлежал король Виктор-Эммануил. Он прекрасно понимал, что осуществить планы по созданию единой Италии из пестрых лоскутков различных областей (Пьемонт, Савойя, Ломбардия, Венеция, Парма, Модена, Тоскана и т. д.) можно было только с помощью могущественнейшей Франции, а для этого нужно было убедить императора Наполеона III помочь пьемонтскому королю. А это лучше всего могла бы сделать женщина. Дальше никаких размышлений не требовалось: его выбор сразу пал на прекраснейшую графиню Вирджинию ди Кастильоне.

План Кавура[12] был грандиозным, и первым пунктом в нем стояло изгнание с итальянской территории австрийцев. В конце 1855 года, когда французская армия завершила войну с русскими в Крыму, нужно было срочно пользоваться моментом и обращаться к Наполеону III.

Граф ди Кавур был наслышан о пристрастии, которое французский император питал к женскому полу, и он решил не прибегать к обычной дипломатии, а послать в Париж в качестве «чрезвычайного посла» графиню ди Кастильоне. Ей собирались дать особое задание: стать любовницей Наполеона III и уговорить его принять участие в судьбе Апеннинского полуострова.

Следует отметить, что граф ди Кавур был очень умным и гибким дипломатом. «Я считаю, — писал он министру внутренних дел Урбано Раттацци, — что политику следует быть исключительно осторожным в словах и исключительно решительным в поступках. Бывают ситуации, когда дерзкое решение гораздо менее опасно, чем излишняя осторожность». А еще он любил говорить, что его темперамент «подвержен взрывам», и он ничего не умеет делать наполовину…

Узнав о плане кузена, Вирджиния была в восторге. По словам Ги Бретона, «с этого момента у нее была лишь одна цель — записать в своем дневнике: «Болтали с Наполеоном III… F».

Договор с королем Виктором-Эммануилом

Дальнейшие события этот знаток альковной жизни королей описывает так:

> «16 ноября 1855 года в восемь часов вечера некий таинственный незнакомец постучал в ворота дома Вирджинии. Слуга Понджо, ожидавший под деревом, так как шел дождь, бросился отпирать, низко поклонился посетителю и провел его к дому.

Наружная застекленная дверь открылась, и графиня ди Кастильоне, одетая в черное бархатное платье, присела в глубоком почтительном реверансе.

Виктор-Эммануил, король Пьемонта, пришел с визитом к самой красивой женщине Европы.

Войдя в дом, он снял плащ и сел у камина, в котором потрескивали дрова.

Он не отрывал плотоядного взгляда от безупречной груди Вирджинии, скрытой под черным бархатом. Но руки его покоились на подлокотниках кресла. Король пришел к графине не для того, чтобы повесничать.

После нескольких любезностей он заговорил серьезным тоном об Италии, провинциях, занятых австрийцами, о необходимости единения и о той миссии, которую он решил доверить графине».

— Граф ди Кавур, — сказал король, — уже говорил вам о нашем плане. Но мне хотелось самому убедиться в том, что вы согласны послужить делу объединения Италии и отправиться в Париж с такой несколько необычной миссией.

Графиня улыбнулась:

— Я согласна, Ваше Величество!

Король кивнул:

— Благодарю вас, графиня. Вскоре вы получите точные инструкции и код, при помощи которого вы сможете сообщать нам обо всем, ничего не опасаясь. Через несколько дней я в сопровождении господина Кавура отбываю в Париж. Мы подготовим все для вашего приезда.

В десять часов Виктор-Эммануил покинул Вирджинию и отбыл во дворец, размышляя о том, что французскому императору предстоит быть втянутым в решение проблем, стоящих перед Италией, весьма приятным способом.

Итак, все было готово для того, чтобы графиня смогла

заняться, как выражается Луи де Сент-Олер, «постельной политикой» в спальне Наполеона III.

История Наполеона III

Наполеон III (он же Шарль-Луи Бонапарт) был сыном Луи Бонапарта (брата Наполеона I) и Гортензии де Богарне (дочери Жозефины). Первые годы жизни Луи-Наполеона прошли в Голландии, королем которой был его отец. С 1815 года, то есть после окончательного крушения империи Наполеона I, он находился в изгнании в Швейцарии и Италии, преимущественно в Риме и Флоренции.

В Тосканской столице, кстати, Луи-Наполеон сильно увлекся идеями карбонариев[13], важнейшими целями которых были национальное освобождение и принятие конституции, а структура общества которых в основных чертах повторяла структуру масонской организации с ее иерархией, сложной обрядовостью и символикой.

По некоторым данным, Луи-Наполеон был масоном и, примкнув к карбонариям, даже участвовал в 1831 году в их авантюрном походе на Рим, но он тогда вовремя прекратил эту свою деятельность по настоятельной просьбе семьи.

В 1832 году, опасаясь репрессий, он вынужден был бежать во Францию, где его принял король Луи-Филипп. Но уже через четыре года Луи-Наполеон, считая себя более законным наследником престола, попытался, надев наполеоновскую треуголку, поднять вооруженный мятеж в Страсбурге, но его не поддержали. Власти арестовали его и депортировали в США.

В 1840 году он тайно вернулся во Францию и вновь попытался взбунтовать гарнизон города Булонь. И вновь последовал провал! Теперь с ним обошлись гораздо строже, предали суду Палаты пэров, приговорили к «пожизненному тюремному заключению без ограничения прав» и поместили в крепость Гам.

Из места заключения Луи-Наполеон бежал, переодевшись рабочим, в 1846 году. После этого он долгое время жил в Англии.

Революция 1848 года позволила ему вернуться на родину, где он был избран сначала депутатом Учредительного собрания (сентябрь 1848 года), а затем и президентом.

Выборы 10 декабря 1848 года принесли сорокалетнему Луи-Наполеону прямо-таки триумфальную победу: при участии около трех четвертей электората он получил почти 75 % голосов. Он стал именовать себя «принц-президент» и приказал одеть слуг Елисейского дворца в ливреи.

А в ноябре 1852 года во Франции состоялся плебисцит, провозгласивший Луи-Наполеона императором Наполеоном III.

Двор, быстро воссозданный по образцу Первой империи, перебрался во дворец Тюильри. Через два месяца новоиспеченный император вступил в брак с Евгенией де Монтихо, дочерью знатного испанского аристократа.

Император без предрассудков

Как видим, Наполеон III был достаточно неординарным человеком, и план графа ди Кавура отнюдь не выглядел безрассудным. Дело в том, что и в личной жизни французский император был напрочь лишен каких-либо классовых предрассудков: в его объятиях уже успели побывать и принцессы, и лавочницы, и крестьянки… Юность его была очень богата любовными приключениями. В тринадцать лет он — сын корсиканца — уже не мог сдерживать свой любовный пыл. Он тогда жил вместе с матерью в Швейцарии. И вот однажды вечером он увлек в свою комнату одну из своих нянек и вполне успешно продемонстрировал ей свою мужскую доблесть. Ободренный первым успехом, он переключился на окрестных пастушек, которые и мечтать не могли о том, чтобы порезвиться в траве с настоящим принцем.

В 1830 году, находясь во Флоренции, Луи-Наполеон был представлен графине ди Баральини, отличавшейся яркой красотой. На другой день он проник в дом графини, нарядившись цветочницей, бросился перед ней на колени и начал умолять ее уступить пламени его души. Напуганная до смерти графиня зазвонила в колокольчик, прибежали слуги, и будущий император едва унес ноги.

Потом он пять лет учился в военной школе, одновременно с этим доказывая местным девушкам, что репутация, которой повсюду пользуются артиллеристы, вполне заслуженна. В 1836 году его попытались женить на принцессе Матильде, пятнадцатилетней дочери Жерома Бонапарта (младшего брата его отца), но из этого ничего не вышло…

Прибыв в Страсбург, Луи-Наполеон задумал осуществить государственный переворот и предпринять поход на Париж. Параллельно с этим у него имел место бурный роман с певицей Гордон, очень красивой и чувственной бонапартисткой. Увы, заговор провалился, и принц был сослан в Нью-Йорк, где Луи-Наполеон предался настоящему разгулу. Для начала он посетил все местные дома терпимости и повел себя в них так активно, что даже завсегдатаи этих заведений приходили в ужас при каждом следующем его появлении. Потом он начал устраивать веселые вечеринки у себя в квартире. Говорили даже, что принц докатился до того, что жил на содержании у нескольких девиц легкого поведения и выполнял роль сутенера.

После второй попытки переворота Луи-Наполеон был приговорен к пожизненному заключению и заточен в крепость

Гам. Самым тяжелым там для него оказалось вынужденное воздержание. Но, к его счастью, на должность гладильщицы тюрьмы была нанята очаровательная двадцатидвухлетняя Элеонора Вержо, особа с весьма привлекательными округлостями с обеих сторон как выше, так и ниже пояса. Принц решил заняться образованием этой дочери ткача и после первого урока истории пригласил ее продолжить образование ночью. Она пришла, а утром Луи-Наполеон не отпустил ее из камеры. Так девушка стала «тюремной женой» этого неугомонного мужчины. Она заботилась о нем и любила его, подарив ему двух сыновей в то время, пока разделяла с ним тяготы неволи. Принц же в это время вынашивал план побега, который он и совершил, скрывшись в Англии.

В Лондоне будущий император познакомился с некоей мисс Говард. Ее настоящее имя было Элизабет-Энн Херриэт, и жила она на содержании сначала сына богатого торговца лошадьми, а потом — майора королевской гвардии, от которого у нее был незаконнорожденный сын. Луи-Наполеону было тогда тридцать восемь лет. Он никогда не был особо привлекательным мужчиной, зато лицо его уже несло на себе отчетливой отпечаток прожитой бурной жизни: щеки его были дряблыми и обвисли, под глазами темнели круги, усы пожелтели от частого курения. Мисс Говард, как профессиональная куртизанка, владела своим ремеслом в совершенстве, и принц был покорен. Он перебрался жить в ее роскошное жилище и начал вести безбедную жизнь, устраивая приемы, выезжая на охоту и посещая театры.

Между тем в Париже «старый прогнивший мир» постепенно уходил в небытие: король Луи-Филипп, правивший с 1830 года, подписал отречение и бежал из страны. Во Франции было создано временное правительство и провозглашена Республика. Началась предвыборная кампания кандидатов на места в парламент. Мисс Говард предложила своему любовнику выдвинуть свою кандидатуру и деятельно принялась за организацию его избирательной кампании. Намечалось нанять журналистов, карикатуристов, авторов песен и договориться с разносчиками, чтобы брошюры с биографией Луи-Наполеона были распространены во всех провинциях. Мисс Говард «продала» свои земли принцу, который взял под них ссуду, остальные деньги влюбленная женщина получила, заложив свои драгоценности. Сотни тысяч листовок буквально засыпали французов, и Луи-Наполеон прошел в Парламент сразу в четырех департаментах. Вскоре и сам наследник Великого Императора Наполеона прибыл в Париж. Закон о его высылке отменили, и теперь его целью было стать президентом Республики.

На протяжении трех месяцев благодаря деньгам мисс Говард, которая продала мебель, дом и еще кое-какие драгоценности, велась энергичная пропаганда. И победа принца на выборах оказалась более чем убедительной. Луи-Наполеон именем народа был провозглашен президентом Французской республики.

Однако после этого мисс Говард не была принята в Елисейском дворце. Принц-президент объяснял это тем, что фактической хозяйкой дворца стала его кузина и бывшая невеста Матильда, которая не желала, чтобы женщина, имеющая внебрачного ребенка, появилась в ее апартаментах. На самом деле Матильда желала покончить с этой связью Луи-Наполеона, привлекая для этого самые разные средства, в том числе танцовщиц из оперы. В это время в жизни будущего императора появились такие прославленные драматические актрисы той эпохи, как Мадлен Броан, Рашель Феликс и Алиса Ози. Однако с некоторых пор Луи-Наполеон решил иметь дело только со светскими женщинами. Маркиза де Бельбёф была его любовницей несколько месяцев, потом ее заменила леди Дуглас, затем он обратил взор на графиню де Гюйон. Но оказалось, что последняя уже имела связь с графом Шарлем-Огюстом де Морни, единоутробным братом принца[14].

В конце осени 1851 года Луи-Наполеон продемонстрировал такую любовную активность, что даже ближайшие сподвижники были удивлены: он требовал двух, а иногда и трех женщин в день. При этом будущий император был привязан к мисс Говард и, насладившись днем в обществе малознакомых девиц, он вечерами отправлялся искать покоя в ее маленький особнячок.

Вечером 1 декабря во всех гостиных президентского дворца танцевали. В один из моментов принц-президент незаметно покинул гостей и передал в своем кабинете друзьям тексты воззваний, которые должны были быть отпечатаны и расклеены по городу к рассвету. Потом он вернулся в гостиные, перекинулся шутками с гостями, сказал несколько комплиментов дамам и снова незаметно исчез, чтобы подписать в своем кабинете шестьдесят приказов на арест.

Утром Париж узнал о произошедшем государственном перевороте. Мисс Говард, обезумев от радости, подумала, что теперь ставший хозяином Франции Луи-Наполеон просто обязан будет на ней жениться. Но потенциальный император, хотя повсюду появлялся со своей любовницей, не спешил делиться с ней своими планами на будущее относительно женитьбы.

Мисс Говард, уставшая ждать, сама явилась в Тюильри на торжественный вечер. Окружение принца было шокировано. Приближенные стали говорить ему о женитьбе на достойной его

положения кандидатке — на какой-нибудь европейской принцессе. Луи-Наполеон последовал мудрому совету, но попытки посватать настоящую принцессу не удались. Впрочем, он не слишком расстроился, поскольку уже вновь был влюблен. На сей раз объектом его внимания стало восхитительное создание двадцати семи лет. Евгения де Монтихо, испанская графиня, была стройной, утонченной, немного рыжеватой, с лицом цвета чайной розы и голубыми глазами. У нее были красивые плечи, высокая грудь, длинные ресницы… Едва увидев ее, Луи-Наполеон был поражен: загоревшимся взором гурмана он с волнением взирал на ее прелести. Однажды он попытался дать волю рукам, но получил довольно резкий удар веером, напомнивший ему, что он имеет дело не с какой-нибудь танцовщицей. Однако Луи-Наполеон решил, что добьется своего, и продолжил настойчивые ухаживания.

Мать Евгении тем временем не уставала повторять дочери, что она ни в коем случае не должна позволять своему высокопоставленному возлюбленному вольности, но девушка и сама прекрасно понимала, как сильнее разжечь желание Луи-Наполеона. Однажды на обеде он взял в руки венок из фиалок и надел его на голову Евгении, а еще через несколько дней сделал ей официальное предложение.

В декабре 1852 года во Франции было восстановлено императорское достоинство, и Луи-Наполеон официально стал Наполеоном III, а в следующем году Евгения де Монтихо была названа императрицей. К сожалению, первая брачная ночь обманула ожидания новоиспеченного императора. Он мечтал об испанке, горячей и темпераментной, а обрел женщину, «не более сексуальную, чем кофейник». Однако на людях Евгения изображала самую элегантную, самую учтивую императрицу, с лица которой не сходила обворожительная улыбка. Подчеркнутая щепетильность Евгении отнюдь не всегда разделялась императором. В Тюильри царили разброд, роскошь, красота, нетерпение и сладострастие. Изо дня в день стыдливость несчастной императрицы подвергалась тяжелым испытаниям.

Несколько месяцев Наполеон III был верен Евгении, но он не терпел однообразия, и вскоре его уже вновь мучил любовный голод. Он-то и заставил императора буквально наброситься на очаровательную юную блондинку, которую звали мадам де Ля Бедуайер. Однажды она явилась в Тюильри в крайне возбужденном состоянии, «красноречиво свидетельствовавшем о той чести, которую ей оказал император». Но Наполеон быстро устал от нее, успев, правда, сделать ее мужа сенатором. Затем он снял особнячок на улице дю Бак, где проводил время то с какой-

нибудь актрисой, то с кокоткой, то с субреткой, то со светской дамой, то с куртизанкой…

Императрица даже не подозревала о проказах мужа. И вдруг она узнала, что он возобновил отношения с мисс Говард. Произошла бурная сцена, Наполеон III обещал прекратить с бывшей любовницей всякие отношения, однако слова своего не сдержал. Коварная мисс Говард то и дело попадалась на глаза императорской чете и со злорадным удовольствием приветствовала высочайших особ. Взгляд Евгении стекленел, ноздри раздувались, она стояла неподвижно, в то время как Наполеон III подчеркнуто вежливо отвечал на приветствие. Вскоре императрице донесли о прогулке императора с мисс Говард, и Евгения заявила, что отказывается спать с мужем в одной спальне. Наполеон III, мечтавший о наследнике, уговорил мисс Говард временно удалиться в Англию. Женщина подчинилась его воле, захватив с собой своего сына и двух незаконнорожденных сыновей императора, прижитых им с Элеонорой Вержо. Но это не помогло, и у Евгении случился выкидыш. Через некоторое время несчастье повторилось. Евгения была безутешна, император раздражен и озабочен. Злые языки шутили, что он выдохся и ни на что больше не способен.

Виктор-Эммануил «готовит почву»

И вот как раз в это время в голове графа ди Кавура родилась идея создания единой Италии при помощи женщины, которая должна была очаровать французского императора и убедить его помочь королю Виктору-Эммануилу.

20 ноября 1855 года король Пьемонта поднялся в вагон, специально оборудованный для его августейшей персоны. На следующий день он был в Париже.

Император Наполеон III принял его крайне любезно, расспросил об Италии, «о стране, которую он так любит», и о семьях, с которыми он некогда был знаком.

Ответы короля ошеломили придворных, которых, как казалось, уже трудно было чем-либо смутить. Виктор-Эммануил сыпал непристойными историями о светских дамах Пьемонта, сопровождая свои рассказы бешеной жестикуляцией.

Автор двадцатитомной «Истории Реставрации» Шарль де Вьель-Кастель, шокированный услышанным, записал вечером в дневнике:

> «Король Пьемонта ведет себя как унтер-офицер. Тот же слог, те же манеры. Он ухаживает за любой попавшейся ему на глаза юбкой, ведет более чем легкомысленные беседы, не считая нужным завуалировать откровенный смысл своих речей целомудренными выражениями, он предпочитает вульгарности. Он, не замолкая, хвастается своими победами и, упоминая ту или иную даму из Турина, небрежно бросает: «Ну, эта тоже переспала со мной».

Наполеон III более терпимо, чем граф де Вьель-Кастель, отнесся к манерам Виктора-Эммануила. Когда император понял, что король Пьемонта, как и он сам, большой охотник до женского пола, он решил сделать все от него зависящее, чтобы его гость сохранил о Франции неизгладимое впечатление.

Однажды вечером в Опере, видя, что Виктор-Эммануил рассматривает в лорнет танцовщицу, он шепнул ему:

— Вам понравилась эта малышка?

Король опустил лорнет.

— Да, очень. Сколько она может стоить?

Наполеон III улыбнулся.

— Не знаю. Спросите у Баччоки, он должен быть в курсе.

Виктор-Эммануил обернулся к обер-камергеру Наполеона III,

которого называли «главным распорядителем императорского досуга».

— Вы знаете эту танцовщицу?

— Третью справа? — переспросил граф Баччоки (кстати, племянник Элизы Бонапарт, сестры Наполеона I). — Это Эжени Фикр. Она очаровательна и легкодоступна. О ней даже сочинили четверостишие:

Эжени, нашу малышку,
Увидал как-то паша.
— Заплати, — сказала мышка, —
Увидишь мои антраша[15].

Щеки Виктора-Эммануила порозовели.

— Сколько? — прохрипел он.

— О! Вашему Величеству она обойдется в пятьдесят луидоров.

— Черт побери! Так дорого?

Наполеон III улыбнулся:

— Запишите на мой счет, Баччоки.

Прощальная милость короля

В то время как Виктор-Эммануил хвастался своими победами и проводил время с танцовщицами, граф ди Кавур действовал. Он встретился с Александром Валевским (побочным сыном Наполеона I от Марии Валевской и тогдашним министром иностранных дел Франции), попытался заинтересовать его Италией и старательно готовил приезд графини ди Кастильоне.

Биограф графини Ален Деко пишет:

> «Это может показаться удивительным и даже романтичным, но речь шла именно о подготовке появления Вирджинии в Париже».

В кругу восхищенных слушателей граф ди Кавур вдохновенно описывал внешность зеленоглазой графини, ее элегантность и обаяние.

Многие интересовались, не собирается ли она в один прекрасный день объявиться в Париже.

В ответ премьер-министр с сомнением качал головой:

— Возможно…

Вскоре в Париже все говорили только о графине ди Кастильоне. После этого Виктор-Эммануил и граф ди Кавур вернулись в Турин, а Вирджиния, которой за несколько дней до этого тайный агент передал шифр для постоянной связи с Кавуром, начала упаковывать свой багаж.

Хлопоты, связанные с отъездом, не мешали пылкой графине уделять некоторое время приятным пустякам, о чем свидетельствует ее дневник.

> «12 декабря, среда. Была занята: упаковывала сундуки. В час пришел Дориа. Поболтали в моей комнате на канапе. F до трех часов».

Как весело замечает Ги Бретон, «при таком ритме жизни ей потребовалась неделя для того, чтобы упаковать вещи».

17-го числа, накануне отъезда, вновь пришел Амброджо Дориа, чтобы попрощаться с Вирджинией. Он плакал. Она изо всех сил старалась утешить его. О том, как она это делала, свидетельствует ее дневник:

> «Дориа в моей спальне, на канапе, потом у камина, на полу. F. F.».

Через несколько часов, когда она застегивала последние чемоданы, ее оповестили, что король ожидает ее в саду. Пришло ли ей в голову, что Виктор-Эммануил настроен решительно? Во всяком случае, она отпустила прислугу и только после этого пригласила короля в гостиную. О чем они говорили? Об этом мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но в тот момент, когда Виктор-Эммануил уже собирался оставить графиню, державшую судьбу Италии «в своих изящных ручках», внезапно вспыхнувшее желание воодушевило его. Они находились в саду. Ни антураж, ни время года не помешали королю показать себя пылким любовником.

В дневнике Вирджинии мы читаем:

> «Он ушел в одиннадцать часов. Я вышла вместе с ним в сад. Пять раз F. Я прошла в туалетную комнату, чтобы привести себя в порядок».

Это было, так сказать, на посошок. На следующий день графиня ди Кастильоне покинула Турин.

Ги Бретон констатирует:

> «Король оказал ей честь, теперь император должен был ее обесчестить…»

Отъезд во Францию

Перед тем как отплыть во Францию, Вирджиния побывала во Флоренции. Ей хотелось повидаться с матерью. Счастливый случай свел ее там с сорокалетним графом Бентиволь, который знавал ее еще ребенком. Она повисла у него на шее, как в детстве.

Граф был впечатлителен и наделен богатым воображением. Ему пришла в голову фантазия посадить ее на колени, как пять лет назад, и сделать ей козу.

В тот же вечер он униженно, но настойчиво предложил графине возобновить знакомство.

Молодая графиня была польщена этой нежданной честью, но ограничилась сдержанной улыбкой. Бентиволь, обнадеженный, решил сопровождать ее в Геную, где она должна была сесть на корабль, и воспользоваться предотъездной суматохой, чтобы пробраться в ее постель.

— Я отложу отплытие в Сирию, — сказал он (граф, итальянец по происхождению, был французским подданным, и его только что назначили консулом Франции в Халебе), — и последую за вами.

Вирджиния шаловливо хлопнула веером ему по пальцам, из чего он сделал вывод, что дела его не так уж плохи.

Через два дня они прибыли в Геную, где уже находился граф ди Кастильоне.

Ги Бретон пишет:

«Присутствие мужа нисколько не смутило консула, который в пылу последних приготовлений среди груды коробок опытной рукой убедился в том, что для его восхищения есть все основания. Графиня больше не пускала в ход веер, и вечером 25 октября охота Бентиволь увенчалась успехом».

Победитель буквально захмелел от счастья. Это был самый прекрасный подарок к Рождеству, который он когда-либо получал. Он сказал об этом Вирджинии, и та обещала, что будет принадлежать ему все то время, что осталось до ее отплытия.

Их счастье продолжалось десять дней. Молодой графине многое дала эта связь. Любовники чувствовали себя в полной безопасности. Граф ди Кастильоне, которому не терпелось увидеть судно из Марселя, проводил все время, вглядываясь в горизонт. По словам Ги Бретона, он «и не подозревал, что его супруга привыкает к бортовой и килевой качке на просторной постели, где Бентиволь бросил якорь».

Эти десять дней пролетели для консула как одно мгновение. Позже он писал Вирджинии:

> «Я любил тебя и тогда, когда тебе было двенадцать лет, и тогда, когда тебе было десять, и я буду любить тебя всю жизнь. Я знал, что в мире есть кто-то, кого я люблю, но не понимал, что это ты. В тот день, когда ты приехала во Флоренцию и я поцеловал тебя в лоб в гостиной твоей матери, с моих глаз спала пелена, и мое сердце ожило. Ты вошла, и вместе с тобой вошла любовь, живая, могущественная, страшная, способная сделать счастливым или принести много горя».

Он вспоминал о времени с 25 декабря 1855 года до утра 4 января 1856 года и характеризовал его так:

«Какими были конец 1855 года и начало 1856-го! Боже мой! Боже мой! Уж не сон ли это был? И не останется ли все это для меня навсегда сном?»

Консул был настолько выбит из колеи, что в конце концов даже поверил в то, что все происшедшее было своего рода миражом. Тем не менее это был вовсе не мираж. Как пишет Ален Деко, «мираж Бентивольо имел вполне осязаемые формы, так как месяцем позже у Вирджинии появились некоторые поводы для беспокойства. Она поспешила поделиться с ним своими тревогами, считая его виновником грозящих ей неприятностей, что кажется довольно смелым предположением, если принять во внимание беседы, которые она вела накануне с Виктором-Эммануилом и Амброджо Дориа».

Встревоженный Бентивольо не стал медлить с ответом:

> «Даю вам слово, что никакого дьявольского подвоха, который мог бы привести к неприятным последствиям, с моей стороны не было, но, полагаю, вы знаете, что иногда случаются неожиданные сюрпризы. Клянусь жизнью моей матери, что я чист перед вами, как младенец. Если все же ваши опасения имеют достаточно оснований, постарайтесь принять какие-то меры…»

Но 4 января 1856 года, в день отплытия, Вирджиния была беззаботна. Все ее мысли были заняты предстоящим путешествием по маршруту Генуя — Марсель, она сновала из комнаты в комнату, с одинаковой нежностью одаривая поцелуями Бентивольо, Амброджо Дориа, приехавшего, чтобы попрощаться с графиней, и своего мужа, который отбывал вместе с ней.

Граф и графиня ди Кастильоне ненадолго остановились в Марселе и 6 января прибыли в Париж. Они расположились в предложенной им роскошной квартире в доме номер 10 по улице Кастильоне. Скинув пальто, Вирджиния бросилась к окну и

распахнула его. По улице ехали фиакры. Подавшись вперед, она увидела деревья парка Тюильри и улыбнулась. По иронии судьбы она поселилась на улице, название которой совпадало с ее именем[16], совсем рядом с дворцом, где жил человек, которого ей поручено было соблазнить.

Неудачное знакомство с Наполеоном III

9 января графиня во всем блеске предстала перед парижским светом. Ее ввела в общество принцесса Матильда, которая большую часть своего детства провела во Флоренции со своим отцом, королем Жеромом Бонапартом, и хорошо знала деда Вирджинии.

Клод Дюфрен описывает ее так:

> «Ее тонкая гибкая талия оттеняла шикарную грудь, которую позволял созерцать самый смелый вырез платья. Волосы цвета гагата[17], розовое лицо и томный взгляд делали ее одной из самых очаровательных созданий своего времени».

Один из очевидцев событий вспоминал впоследствии, что «она была похожа на маркизу былых времен».

Ее окружили, комплиментам не было конца. Внезапно объявили о приходе императора. Графиня побледнела. Тот, кто должен был решить судьбу Италии, вышел к собравшимся. Она представляла себе его высоким, величественным, грозным. На самом же деле он был небольшого роста и немного сутулый, он семенил на коротеньких ножках, и взгляд его линяло-голубых глаз скользил по лицам.

Принцесса Матильда представила графа и графиню ди Кастильоне императору. Взгляд Наполеона III немного оживился и вонзился в декольте Вирджинии. Остальные гости молча наблюдали за этой сценой. Наполеон III явно заинтересовался молодой графиней, он подкрутил ус и произнес какую-то любезность. Дамы затаили дыхание. Что ответит императору Вирджиния?

Впервые в жизни графиня оробела, не нашлась, что сказать в ответ, и потупилась.

Император, несколько разочарованный, отошел и сказал:

— Она очень красива, но, кажется, глупа.

Дамы, которые с момента появления Вирджинии в гостиной принцессы Матильды улыбками маскировали страстное желание показать зубы, восприняли это высказывание императора с восторгом.

Реванш графини

Через несколько дней Вирджиния взяла реванш. 26 января экс-король Жером Бонапарт устраивал бал. Она появилась на балу, опираясь на руку своего мужа, в тот момент, когда Наполеон III как раз собирался уходить. Узнав графиню, он поклонился ей и сказал:

— Вы опоздали, мадам…

Вирджиния присела в глубоком реверансе:

— Это вы, сир, уходите слишком рано…

В этой фразе не было какого-либо особо искрометного остроумия, но она была произнесена настолько игривым тоном, что свидетели этого диалога остолбенели от удивления. Что же касается Наполеона III, то он одарил благосклонным взглядом прекрасную флорентийку, столь явно желавшую пококетничать с ним.

В тот же вечер граф Баччоки, о котором Шарль де Вьель-Кастель говорил, что «он доставлял в постель императора всех особ женского пола, приглянувшихся Наполеону III», получил приказ внести Вирджинию в два списка кандидатур на высочайшее внимание — «текущий» и «резервный». Как говорится, рыбка клюнула. И вовремя.

16 января российский император Александр II, не располагая возможностями для дальнейшего противостояния, признал себя побежденным в Крымской войне, и газеты трубили о том, что перемирие будет заключено в феврале на конгрессе, который должен состояться в Париже. Парижане развешивали на окнах флаги. Готовились празднества и балы.

Граф ди Кавур собирался приехать из Турина в Париж, чтобы участвовать в работе конгресса. В письме к Вирджинии он торопил события:

> «Добейтесь своего, кузина, любыми средствами добейтесь!»

Но графиня не нуждалась в его советах. У нее уже был готов план, как заставить Наполеона III учесть интересы Италии в момент подписания мирного договора. Ей необходимо было встретиться с ним. И встретиться без промедления.

Можно представить себе, как она обрадовалась, получив от Его Высочества приглашение на бал 29 января во дворец Тюильри.

По образному определению Ги Бретона, «рыбка не просто

заглотила наживку, но и сильно дернула леску. Оставалось только выудить ее».

19 января в девять часов вечера главный церемониймейстер дворца объявил:

— Граф и графиня ди Кастильоне!

Все взгляды устремились на дверь. Вирджиния, в голубовато-серебристом одеянии, впервые перешагнула порог дворца Тюильри. Легкой походкой она, сопровождаемая мужем, направилась в Тронный зал.

Присев в глубоком реверансе перед Наполеоном III, она дала ему возможность обшарить похотливым взглядом ее щедрое декольте. Император, как свидетельствуют очевидцы, был до глубины души взволнован открывшимся зрелищем.

Графиня выпрямилась, на мгновение встретилась взглядом с императором и проследовала в зал, отведенный для игр. Она была уверена в себе. И ей не пришлось долго ждать.

Через несколько минут император оставил трон и отправился искать молодую графиню. На следующий день Вирджиния писала в своем дневнике:

> «Император говорил со мной. Все это видели и сочли нужным оказать мне внимание. Я смеялась…»

У нее были основания для веселья, все складывалось самым удачным образом для ее «миссии».

Объединение Италии в хороших руках

Император становился все более предупредительным по отношению к графине, о чем свидетельствуют записи в ее дневнике:

> «Суббота, 2 февраля. В девять часов я отправилась на бал в Тюильри и пробыла там до двух часов. Император беседовал со мной и угощал апельсинами…

Вторник, 5 февраля. Была на костюмированном балу у месье Ле Она, где разговаривала с императором. Он был в маске…

Четверг, 21 февраля. Напудренная, с жемчугом и перьями в волосах, была на концерте в Тюильри. Приглашены были только дипломатические лица. Обедала с императором, разговаривала с ним…

25 февраля. Посетила концерт по случаю мирной конференции, открывшейся сегодня…»

В тот вечер Вирджиния, должно быть, имела важный разговор с императором, касавшийся политики. На следующий день граф ди Кавур, прибывший в Париж, писал своему другу Луиджи Чибрарио, который в его отсутствие исполнял в Турине должность министра иностранных дел:

> «В понедельник, 25 февраля, мы выступили на арену. Считаю необходимым предупредить вас, что я подключил к делу известную своей красотой графиню XXX, которой я поручил обольстить и, если представится случай, соблазнить императора. Вчера на концерте в Тюильри она приступила к возложенной на нее миссии».

Объединение Италии было в хороших руках.

Парижские нравы

Пока Вирджиния, оставаясь в тени, хлопотала на благо своей страны, Париж ликовал по поводу открытия конгресса, на котором присутствовали представители всех ведущих европейских стран. Праздничная атмосфера чувствовалась во всех его кварталах.

Крымская война победоносно завершилась. Согласно Парижскому мирному договору России запретили иметь на Черном море военный флот и арсеналы, что ослабило ее морское могущество и усилило позиции Франции в Восточном Средиземноморье. Франция превратилась в главную державу европейского континента, и народ в очередной раз поверил, что новое соглашение гарантирует мир на ближайшую тысячу лет.

27 февраля радостное настроение еще усилилось благодаря пикантному приключению, произошедшему с Александром Дюма.

Автор «Трех мушкетеров» жил на улице Риволи с Идой Феррье, актрисой, весьма легкомысленной особой, на которой он только что женился. Она занимала квартиру на втором этаже, а он — три комнаты на пятом этаже.

В один из вечеров он отправился на бал в Тюильри. Не прошло и часа, как он вернулся, весь в грязи, прошел в квартиру своей жены и с ругательствами ворвался в спальню Иды:

— На улице отвратительная погода, я поскользнулся и упал в грязь. Я не могу идти на бал. Лучше уж я поработаю здесь, рядом с тобой.

Ида попыталась отправить его наверх, в его квартиру.

— Нет, — противился Дюма, — у тебя так тепло, а в моей комнате собачий холод. Я остаюсь здесь.

И, взяв бумагу, чернила и перо, он углубился в работу, сидя у камина.

Через полчаса дверь, ведущая в туалетную комнату, распахнулась, на пороге появился литератор Роже де Бовуар, почти совсем голый, и сказал:

— С меня хватит, я совершенно продрог!

Изумленный Дюма, вскочив, с яростной бранью набросился на любовника своей жены. Как человек, привыкший писать для театра, он обрушил на его голову гневную тираду, которой сам потом остался очень доволен.

Ида съежилась в постели. Что же касается Роже де Бовуара, который стал любовником мадам Дюма еще задолго до ее замужества, то он слушал слова писателя, дрожа от холода.

Наконец Дюма, величественным жестом указав на дверь,

воскликнул:

— А теперь, месье, попрошу вас уйти, мы объяснимся с вами завтра утром.

На улице завывал ветер, дождь барабанил в окна.

Изменившимся тоном Дюма добавил:

— Я не могу выгнать вас на улицу в такую непогоду. Садитесь поближе к огню. Вы переночуете в этом кресле.

И он снова уткнулся в свои бумаги.

В полночь он лег рядом с Идой и задул свечу. Через некоторое время огонь в камине потух, и он услышал, как у Роже де Бовуара стучат зубы от холода.

— Еще не хватало, чтобы вы, месье де Бовуар, подхватили насморк!

И он бросил ему одеяло.

Но красавчик Роже продолжал дрожать и решил помешать не прогоревшие угли в камине. Тогда Дюма, заслышав его возню, проворчал:

— Послушайте, я не хочу, чтобы вы заболели. Ложитесь в постель. Завтра мы объяснимся.

Роже де Бовуар не заставил себя упрашивать, нырнул под одеяло и устроился рядом с Идой и Александром Дюма. Не прошло и двух минут, как троица спала безмятежным сном.

В восемь часов утра Александр Дюма проснулся и, улыбаясь, стал расталкивать коллегу.

— Не станем же мы ссориться из-за женщины, даже если она законная жена, — сказал он. — Это было бы глупо.

Взяв руку Роже, он опустил ее на срамное место своей супруги и торжественно провозгласил:

— Роже, примиримся, как древние римляне, на публичном месте…

В эту историю, какой бы невероятной она ни выглядела, легко поверить: Александр Дюма не был ревнив. Он сам был, по словам Жорж Санд, «гением жизни» и не требовал постоянства от своих женщин. Дотошные биографы подсчитали, будто у творца «Трех мушкетеров» было около пятисот любовниц (это впечатляет, но все же чуть меньше количества созданных им произведений, которых у него набралось почти шестьсот пятьдесят).

Рождение наследника престола

Французский император тоже был не меньшим «гением жизни», но пока не пытался заманить красавицу Вирджинию в свою спальню. Его жена должна была вот-вот родить ему наследника, и ему пока было не до любовниц. Понимая это, графиня не теряла надежды.

Вечером 15 марта 1856 года императрица Евгения стала кричать, что у нее начались роды. Во дворце поднялась суета. Врачи, члены императорской семьи, сановники, которые должны были присутствовать при рождении дофина, забегали. Мадам Мария-Мануэла де Монтихо, приехавшая из Испании к родам дочери, отдавала приказания, которые никто не слушал, а император бегал кругами по комнате и плакал.

Роды сразу же стали напоминать грандиозный водевиль.

Прелюдией послужило то, что у одного из врачей, суетившихся вокруг Евгении, месье Жобера де Ламбаль, начались рези в животе, и он упал на ковер. Пришлось унести его в соседнюю комнату и оказать ему необходимую помощь.

Затем император, истекавший слезами, почувствовал себя плохо. Его увели в зал, где он, лежа на канапе, содрогался от рыданий.

В три часа дня Евгения криком оповестила о появлении на свет наследного принца.

Доктор Конно пошел за императором.

— Сир! Это мальчик! Идите сюда!

Наполеон III, еле держась на ногах от волнения, потрусил в комнату, споткнулся о ковер и рухнул на руки Конно. К нему бросились телохранители и донесли его до кровати, на которой лежала Евгения. Очнувшись после легкого обморока, она спросила слабым голосом:

— Ну что? Девочка?

Император, стоявший на коленях рядом с постелью, промычал:

— Н-нет!

Глаза императрицы сияли.

— Значит, мальчик?

Наполеон III, окончательно растерявшись, снова замотал головой:

— Нет.

Евгения не знала что и думать.

— Но тогда кто же?

Доктор Дюбуа поспешил вмешаться:

— Ваше Высочество, родился мальчик!

Императрица перебила его:

— Нет, девочка, просто вы хотите обмануть меня!

Доктор поднял новорожденного и предъявил присутствующим «неоспоримые доказательства принадлежности младенца к мужскому полу».

Все зааплодировали.

Тогда император, вдохновившись увиденным, вскочил и ринулся в зал, где томились придворные.

— Мальчик! Родился мальчик! — кричал он. Вне себя от радости, он бросался к попадавшимся ему навстречу людям и целовал их в обе щеки.

Их напуганный вид немного отрезвил его. Он смущенно пробормотал:

— Я не смогу расцеловать каждого. Но я благодарю всех за оказанное мне внимание.

И, утирая слезы, он вернулся в комнату императрицы.

Казалось, этой сценой и завершится буффонада. Но не тут-то было.

В четыре часа Ашилль Фульд, министр императорского двора, объявил, что закончил составление свидетельства о рождении принца. Он обернулся к первому наследному принцу Наполеону-Жозефу (сыну Жерома Бонапарта, известному, как «Плон-Плон») и поклонился ему.

Но тот был в крайне дурном расположении духа. До последнего момента он надеялся, что Евгения родит девочку. Появившийся на свет мальчик отнял у него право на наследование престола, навсегда лишил его возможности занять трон[18].

Надувшись, он отказался подписать составленный акт.

Ошеломленный месье Фульд настаивал, говоря, что подпись Его Светлости совершенно необходима. Но Его Светлость топал ногами и мотал головой:

— Нет!

А потом неожиданно для всех он вдруг рванул прочь из зала.

Эта нелепая сцена имела столь же экстравагантное продолжение. Ашилль Фульд, принц Мюрат, граф де Морни (единоутробный брат Наполеона III и председатель Законодательного собрания) и министр Пьер-Жюль Барош устремились за беглецом, крича:

— Ваше Сиятельство! Ваше Сиятельство! Подпишите!

Но тот, несмотря на свою полноту, сумел оторваться от преследователей. В конце концов запыхавшаяся компания ворвалась в небольшой зал, где дремала принцесса Матильда.

Проснувшись от шума, она испуганно вытаращила глаза:

— Что здесь происходит?

Месье Фульд пояснил, старательно подбирая выражения, что Его Сиятельство отказывается подписать свидетельство о рождении наследного принца. Она пожала плечами:

— Не кажется ли вам, брат мой, что от того, подпишете вы эту бумагу или нет, в сущности, ничего не изменится? Родился наследник престола. И тут уж ничего не поделаешь.

Принц Наполеон-Жозеф взял из рук месье Фульда перо и тут же посадил огромную кляксу на протянутую ему бумагу.

Месье Фульду пришлось довольствоваться этой своеобразной подписью.

Император свободен!

А тем временем графиня ди Кастильоне ликовала, узнав о рождении наследника престола. Она считала, что теперь император будет свободен от забот, связанных с беременностью Евгении, и сможет уделять все время ей.

Самоуверенность Вирджинии отныне не знала границ.

Она появлялась во дворце в платьях со столь рискованным декольте, что однажды вечером полковник Гастон де Галлифе, разглядывая ее почти целиком обнаженную грудь, сказал:

— Ну, эти бунтовщицы порвут любую узду. Но берегитесь, графиня, пройдет совсем немного времени, и многим мужчинам покажется тесной их одежда!

В ответ на эту игривую реплику графиня улыбнулась. Она снисходительно относилась к самым фривольным шуткам. Например, известен такой случай. Как-то вечером у мадам де Пурталес итальянский агент во Франции Вимеркати протянул ей бонбоньерку, полную конфет, со словами:

— Графиня, нравится ли вам сосать?

— Сосать что? — залилась смехом Вирджиния.

Свидетели этой сцены, давно привыкшие к придворным двусмысленностям, были, тем не менее, сильно сконфужены.

Как-то утром Вирджиния проснулась в дурном настроении. Отбросив простыни из черного шелка, она встала, сняла ночную рубашку и, обнаженная, подошла к большому зеркалу. Она с любовью разглядывала свое тело, к которому мечтали прикоснуться все мужчины, бывавшие при дворе. Все было безупречно. На календаре было 9 мая. Ровно четыре месяца назад она впервые увидела императора, но его вожделение по-прежнему выражалось лишь особым блеском в глазах, а также тем, что он крутил ус и то и дело заливался краской. Ни разу он не пытался заманить ее в спальню. Более того: по отношению к ней он ни разу не позволил себе ни одного конкретного красноречивого жеста, который любая женщина приняла бы за большую честь…

Вирджиния, наслышанная о женолюбии Наполеона III, чувствовала себя задетой.

Что нужно было предпринять, чтобы преодолеть удивительную сдержанность императора? Вирджиния избрала самый простой путь — показать, что она наделена не только прекрасным лицом, но что все ее тело — лакомый кусочек, достойный внимания императора.

Не привыкшая к полумерам, графиня решила отправиться в Тюильри в платье, которое не стало бы скрывать все достоинства

ее тела.

Это была довольно рискованная затея. Но она полностью удалась. Предоставим слово графу де Морни, ошеломленному свидетелю появления более чем легкомысленно одетой Вирджинии во дворце:

> «Никогда не забуду тот костюмированный бал в Тюильри, на который графиня явилась полуобнаженной, как античная богиня. Это произвело фурор. Ее костюм изображал римлянку периода упадка империи: распущенные волосы густой пенной волной покрывали роскошные плечи, платье с длинным разрезом сбоку позволяло видеть ножку, обтянутую шелковым трико, и совершенный изгиб ступни, на ней были легкие сандалии, пальцы ног унизывали кольца. Граф Валевский шел впереди и раздвигал толпу. Графиня шла под руку с графом де Фламаренс, несмотря на свой возраст, сохранившим импозантность. Было около двух часов ночи, и императрица уже покинула бал. Поднялся неописуемый переполох. Графиню окружили, все старались протолкнуться поближе, чтобы получше рассмотреть ее костюм. Дамы, забыв об этикете, влезали на диванчики, чтобы увидеть все детали туалета, что же касается мужчин, то они стояли, словно загипнотизированные».

Если дамы забирались на диванчики, а мужчины находились на грани апоплексического удара, можно предположить, что император тоже не остался безучастным зрителем. Подняв лорнет к прищуренным глазам, он разглядывал все то, что раньше Вирджиния скрывала. Решение было принято.

На следующий день, верный своей врожденной склонности к водевильным ситуациям, он попросил императрицу пригласить графиню на пикник.

Пикник на берегу озера

Лакей в императорской ливрее доставил Вирджинии следующее письмо:

> «Мадам, по поручению императрицы сообщаю вам, что вы приглашены вечером в пятницу. Следует быть в закрытом платье и в шляпе, так как предполагается прогулка по парку и к озеру. Буду рада увидеться с вами, мадам. Искренне ваша Эмилия де лас Марисмас».

Вирджиния поняла, что дело сдвинулось с мертвой точки.

Вечером в пятницу она прибыла в назначенное место в платье из розового прозрачного муслина и в шляпке, окаймленной белыми перьями марабу.

«Такой наряд, — писала графиня Стефания Таше де ля Пажери, — требовал большой стойкости, чтобы побороть искушение, но целомудрие было отнюдь не то качество, которым могли похвастаться участники подобных сборищ!»

Наполеон III был покорен! Он бросился навстречу Вирджинии и, как только праздник начался, увлек ее к озеру, где ждали лодки, украшенные бумажными фонариками. Одна из них была ярко раскрашена.

— Это моя лодка, — сказал император. — Хотите, доплывем до острова?

Вирджиния заняла место в лодке, а император сел на весла.

Они отплыли.

Их увидели вновь среди гуляющих через два часа. Наполеон III был несколько растрепан, а платье Вирджинии выглядело помятым.

Приглашенные посмеивались, а граф де Вьель-Кастель на следующий день записал в своем дневнике:

> «Во время пикника графиня ди Кастильоне заблудилась на острове, расположенном на середине озера, в компании императора. Она вернулась оттуда с попорченной прической, и императрица была заметно раздосадована».

Бедная Евгения. Она предусмотрительно попросила всех дам приехать в закрытых платьях. Но она не подумала о том, как опасны прогулки на лодке.

На следующий день весь Париж знал, что император в

походном порядке стал любовником итальянской графини.

«Под колпаком» у министра внутренних дел

Графиня любила слушать непристойные истории о себе, да и сама была остра на язык, но к своей связи с французским императором она отнеслась весьма серьезно. Она помнила, что ей поручено очень важное задание, и не позволяла себе заигрываться. Апеннинский полуостров возникал перед ее внутренним взором всякий раз, когда император просил ее о той или иной любезности, принятой между любовниками.

Она пользовалась малейшей возможностью, чтобы начать разговор о своей стране, описывала все беды, возникающие из-за ее раздробленности, плакала и наблюдала за реакцией Наполеона III.

Вечером она отправляла в Турин зашифрованный отчет.

Ален Деко сообщает, что «ей удалось оживить в императоре симпатию к Италии, обо всех переменах в его настроении она регулярно сообщала Кавуру».

Она выступала в качестве тайного агента вплоть до июля 1856 года.

Затем Наполеон III покинул Сен-Клу и отправился на воды.

Вирджиния осталась в Париже и заскучала. Но она не была оставлена вниманием, как это ей казалось. Министр внутренних дел заподозрил что-то нечистое и отдал приказание следить за темпераментной графиней. Все ее разговоры записывались, шпионы следовали за ней по пятам. Ее письма вскрывались, но и эта мера ни к чему не привела, графиня была осторожна и хитра. Одной улыбкой она купила главного почтмейстера, и ее корреспонденция прибывала с дипломатической почтой Сардинии. Для большей безопасности она соблазнила графа де Пулиджа, секретаря дипломатической миссии Сардинии.

Этот славный человек, безумно влюбленный в графиню, писал ей:

> «Я ушел от вас с такой тяжестью на сердце, что слезы непроизвольно текли по моему лицу… Когда я не вижу вас, все во мне кровоточит».

Конечно же, этот несчастный, готовый молиться на свою богиню, никак не мог выдать полиции письма, которые Вирджиния получала из Пьемонта.

В течение всего лета, несмотря на неусыпный надзор, графиня переписывалась с графом ди Кавуром под носом у

бдительного министра.

Вторая мадам де Помпадур

Вернувшийся Наполеон III дал понять Вирджинии, что разлука не остудила его пыла, резвился, словно юноша, а потом отправился передохнуть в Биарриц. По возвращении по-прежнему влюбленный император пригласил графиню в Компьень.

Двор был изумлен. Любовница императора будет спать под одной крышей с императрицей? Что скажет на это Евгения?

Евгения ничего не сказала. Ревность терзала ее, но она сочла, что лучше промолчать, так как была уверена, что графиня ди Кастильоне ненадолго поселилась в сердце ветреного императора.

О пребывании в Компьене Ги Бретон пишет:

> «Графиня была очень довольна своим пребыванием в Компьене. Днем двор восхищался ее туалетами, а ночью император воздавал должное тому, что скрывали одежды. Дождавшись, когда все засыпали, он шел к ней в спальню и демонстрировал, на что способен полный сил влюбленный император».

Поль Лежён добавляет к этому:

> «Повсюду, в Сен-Клу, в Пломбьере, в Биаррице и в Компьене, графиня всегда представала в новых платьях, все более и более экстравагантных и почти не скрывавших ее совершенного тела».

Вирджиния, став фавориткой императора, возомнила себя мадам де Помпадур. Ее гордыня возрастала день ото дня. Однажды некий журналист посвятил несколько восхищенных слов ее красоте. Графиня собственноручно добавила еще один абзац к его писаниям:

> «Всевышний сам не понимал, насколько прекрасно творение, посылаемое им в мир. Он трудился не покладая рук и потерял голову, когда увидел свое самое совершенное создание».

По словам Ги Бретона, «она старалась запечатлеть свои ступни, щиколотки, руки, плечи, вносила себя в гостиные, будто ларец для хранения мощей святых, который все должны почитать, ее дерзость дошла до того, что она стала носить такие же прически, что и императрица, и перестала разговаривать с

особами женского пола».

Ее амбиции раздражали двор. Насмешливая мадам фон Меттерних как-то вечером выразила общее мнение, сказав, что графиня ди Кастильоне являет собой «дичь, которая так и просится на заклание».

Определение имело успех. Действительно, некоторые поступки Вирджинии были не слишком лояльны и вызывали желание «вставить ей палки в колеса». Например, на одной из своих фотографий она написала следующую фразу:

> «По происхождению я не уступлю дамам из самых аристократических семей, по красоте я превосхожу их, а мой ум позволяет мне судить о них!»

Проспера Мериме[19], под чью дудку плясало общество в Компьене, раздражало ее тщеславие. Однажды он заявил:

— Она меня бесит! Ее нахальство выводит меня из себя до такой степени, что просто руки чешутся задрать ей юбку и отшлепать.

И, смеясь, добавил:

— Но кто знает, быть может, эта процедура доставит ей лишь удовольствие.

Автор «Коломбы» был прав. Графиня ди Кастильоне, возможно, и нуждалась в хорошей порке, но все равно никто никогда не осмелился бы нанести удар по тому месту, которое так нравилось императору Франции!

Не сделал это даже ее муж. Он не стал устраивать скандал, а молча бросил все и уехал в Италию, где занялся вопросами развода.

Ближе к зиме двор вернулся в Париж. Вирджиния, почувствовав себя после отъезда мужа абсолютно свободной, стала вести себя настолько самоуверенно, что даже императрица не смогла больше скрывать свое раздражение. Как-то министерством иностранных дел был устроен бал. Графиня ди Кастильоне приехала в костюме «Дама сердца». Евгения окинула взглядом платье фаворитки, обшитое красными сердечками из бархата, и, задержав свое внимание на одном из них, расположенном в малоподходящем для него месте, сказала:

— Низковато для сердца!

Все рассмеялись.

Но графиня и бровью не повела. С высокомерно-презрительной улыбкой она перешла в другой зал, где позволила другим гостям любоваться собой.

Пьер Везинье в своей книге о любовных увлечениях Наполеона III приводит такой случай. Однажды кучер мадам ди

Кастильоне спросил у кучера некоей княгини С…, карета которой стояла рядом, кого он ждет:

— Я жду свою хозяйку, которая сейчас спит с императором.

— Странно, — возразил кучер мадам ди Кастильоне, — у меня то же самое. Я тоже жду свою хозяйку, которая провела ночь с Его Величеством. То есть получается, что император провел сегодня ночь рядом с двумя красивыми женщинами…

— Не знаю, если ваша хозяйка там так же, как и моя, то Его Величество явно провел сегодня ночь воздержания, — сказал в ответ кучер княгини С…

— Как это? Не станете же вы утверждать, что вашей там не было?

— Просто моя хозяйка приказала мне так отвечать всем, чтобы все думали, что она любовница императора, но на самом деле она не спала с ним этой ночью. Она спокойно переночевала у себя в особняке, а мои лошади должны стоять тут до полудня, а потом я должен буду опустить шторки на окнах кареты, чтобы все думали, что она внутри и возвращается домой.

— Я расскажу это моей хозяйке, — рассмеялся кучер мадам ди Кастильоне, — и она вдоволь позабавится…

Как ни странно, несмотря на такую бурную светскую жизнь, ставшую предметом всевозможных удивительных историй, — Вирджиния не забывала главной цели своего пребывания во Франции. Возлежа на шелковых подушках, она продолжала занимать императора беседами об Италии. Иногда, свернувшись клубочком на его коленях, она мурлыкала о той роли, которую могла бы сыграть Франция в судьбе полуострова. И Наполеон III всерьез задумался о том, чтобы ввести в Италию войска.

Покушение на императора

Оставшись без мужа, Вирджиния стала принимать влюбленного императора у себя в особняке на улице Монтень, где она теперь жила.

Однажды апрельской ночью 1857 года, когда император вышел из дома графини и собирался сесть в карету, поджидавшую его у ворот, к нему бросились трое неизвестных. Наполеон III успел вскочить в экипаж и крикнуть:

— Быстро, в Тюильри!

Нападавшие пытались схватить поводья лошади, но кучер изо всех сил стегнул их хлыстом. Они с воем отбежали, и карета рванулась с места.

Скорчившись в глубине экипажа, император пережил не самые приятные минуты.

На следующий день весь Париж говорил о том, что императора пытались убить в тот момент, когда он выходил от своей любовницы.

По всей видимости, в этот день Его Величеству пришлось выдержать классическую семейную сцену.

Полиция быстро отыскала виновников ночного происшествия. Ими оказались трое итальянцев: Тибальди, Грилльи и Бартолоччи, входившие в подпольную революционную группу.

Некий авантюрист по имени Жиро был связным между этой троицей и Александром Ледрю-Ролленом, который, живя в изгнании, в Лондоне, согласился помочь заговорщикам. Но в последний момент этот политик, известный нелогичностью, нелепостью поступков и трусостью, в каком-то безумном порыве выдал Жиро французской полиции. Жиро тотчас же арестовали, и тот счел, что он был предан «всем социалистическим движением», и поспешил назвать имена сообщников…

Подозрения падают на графиню

Естественно, национальная принадлежность трех заговорщиков заставила встрепенуться врагов графини ди Кастильоне.

— Эта итальянка наверняка замешана в заговоре! Да и как они могли узнать, что в эту ночь император будет на улице Монтень!

Вирджиния, узнав о ходивших слухах, была сильно напугана. Она перестала где-либо появляться. Говорила ли она обо всем происшедшем с императором? Возможно, хотя в ее дневнике об этом не сказано ни слова.

В августе начался судебный процесс над заговорщиками. Наполеон III, опасаясь осложнений, которые могли возникнуть после показаний трех итальянцев, посоветовал Вирджинии отправиться в путешествие в Англию.

Обвиняемые ни разу не упомянули имени графини, и она вернулась в Париж, взбодрившаяся и веселая.

Была ли она замешана в заговоре? Вряд ли. В апреле 1857 года она была в фаворе, и трудно представить себе причины, которые могли бы толкнуть ее принять участие в покушении на императора.

Однако генерал Этанселен, видимо, кое-что знал об этом. В одном частном письме, опубликованном Аленом Деко, генерал пишет:

> «Сообщал ли я вам о том, что некто из охраны императора пришел к одному известному мне лицу с планом покушения на Высочайшую персону, и что этот тип был связан с графиней ди Кастильоне? Писал ли я вам о том, что просочилось из этой конфиденциальной беседы?
>
> — Что вы скажете, если император будет убит?
>
> — Ничего!..
>
> Нет, меня ничем не удивишь. Но ни любовью, ни местью это покушение объяснить нельзя. Следовательно, все дело в политике. Но что за этим стоит?»

И генерал Этанселен заключил:

> «В этой истории много неясного. Да и можно ли доверять словам женщины, да еще женщины-политика?»

Тайна так и не была разгадана.

Разрыв с императором

По возвращении в Париж Вирджиния возобновила близкие отношения с императором. В октябре она снова была приглашена в Компьень. Прибыв туда, она застала императора и гостей в самом веселом расположении духа. Однако очень скоро у графини совершенно неожиданно произошел ее разрыв с императором.

Как-то вечером она была встречена Наполеоном крайне холодно. Удивленная, она потребовала объяснений произошедшей перемене. Император сухо ответил, что она «проболталась».

Наполеон III, опасаясь ревности императрицы, требовал от своих любовниц молчания и становился безжалостным к тем, кто не умел держать язык за зубами.

Он даже вынужден был признаться князю Понятовскому:

> «Причиной разрыва стало ее желание, чтобы о ней все говорили. Я лично никому про нее не рассказывал. Если и ходили слухи, то только потому, что ее друзья видели ее лежавшей в постели на дорогих простынях и кружевах, а она не скрывала, от кого они были получены…»

Графиня наивно думала, что охлаждение не продлится долго, но она ошиблась. Она впала в немилость окончательно и бесповоротно.

Ги Бретон пишет:

> «Больше месяца она ждала хоть какого-нибудь знака того, что она прощена. Напрасно. В конце концов, поняв, что император никогда больше не позовет ее, не заговорит с ней, униженная, в отчаянии от того, что не справилась с заданием, она села в поезд, доставивший ее в Италию. Ее утешало только то, что она увезла с собой воспоминания о последних ночах, проведенных с Наполеоном III. Эти воспоминания были настолько дороги ей, что спустя сорок два года при составлении завещания она, подробнейшим образом описывая туалет, в котором ее должны похоронить, распорядилась надеть на себя ночную рубашку, в которой спала в Компьене в 1857 году».

Поль Лежён не согласна с подобной трактовкой событий. Она пишет:

> «Даже в 1865 году ей удавалось тайно встречаться с Наполеоном III».

Италия все же будет свободна

В Италии Вирджиния отказалась поселиться вместе с мужем. Она сняла в окрестностях Турина виллу «Глория», где и обосновалась со своим сыном Джорджо, которому было около трех лет. Ей хотелось одиночества после пережитого унижения, но граф ди Кавур прибыл к ней с визитом. Со слезами на глазах она рассказала ему о причинах своего «провала». Премьер-министр не скрывал разочарования и тут же откровенно выложил все свои опасения:

— Наполеон III — человек непредсказуемый. Ваше присутствие было необходимо, чтобы оградить его от влияния императрицы, ведь Евгения боится объединения Италии. Она ревностная католичка и враждебно относится к любым изменениям, затрагивающим церковную юрисдикцию. Она благоволит к Австрии и может сильно повлиять на решения императора.

Графиня совсем сникла:

— Поверьте, я сделала все, что в моих силах…

Граф ди Кавур снова заговорил:

— Евгения все еще ревнует к вам. Наверняка ей приходит в голову, что она одержит полную победу над вами, если заставит императора примкнуть к врагам Италии.

Вирджиния была в отчаянии. Она верила во всемогущество своей красоты, и это поражение доводило ее до умопомешательства.

— Что я должна сделать?

— Ничего. Подождем дальнейших событий.

И им не пришлось ждать долго.

14 января 1858 года у подъезда парижской «Гранд-Опера» разразилось несколько взрывов. Это четверо итальянских террористов буквально засыпали бомбами подъехавшую к театру карету императора Наполеона III. Покушение не удалось, пострадали только случайно оказавшиеся поблизости люди: 156 человек было убито и ранено, император же отделался лишь легким испугом.

Возглавил это покушение Феличе Орсини, один из деятелей итальянского «рисорджименто»[20], член тайного общества «Молодая Италия», связанного с карбонариями. В 1844 году он уже был приговорен в Риме к пожизненной каторге, но через два года его освободили в связи с амнистией. После этого он долгое время находился в эмиграции и участвовал в различных заговорах. Его арестовывали, но он бежал из тюрем, все более и

более склоняясь к индивидуальному террору.

Отметим, что Орсини был «правой рукой» знаменитого Джузеппе Мадзини[21]. Некоторое время этот Мадзини работал на карбонариев, но в 1831 году, будучи изгнанным из Италии, основал в Марселе тайное общество «Молодая Италия». Отметим также, что Луи-Наполеон Бонапарт в годы своей связанной с карбонариями молодости имел тесные отношения с организацией Мадзини.

Во время процесса Орсини заявил, что действовал из патриотических соображений.

— Я хотел убить императора, потому что он враг делу освобождения моей страны.

Жюль Фавр, бывший в то время простым адвокатом и выступавший защитником Орсини, перед замершей аудиторией обратился с призывом обвиняемого к Наполеону III:

— Ваше Величество, прислушайтесь к голосу патриота, готового взойти на эшафот, освободите его родину!

Он и не делал попытки оправдать Орсини.

— Я взялся за это дело, — говорил он, — не для того, чтобы представить бесполезную защиту, не для того, чтобы прославить Орсини, но для того, чтобы попытаться бросить луч света и истины на бессмертную душу Орсини, которая скоро вернется в Божие лоно, и защитить его память против незаслуженных обвинений.

Вся его защитительная речь была построена на доказательствах благородства личности Орсини и чистоты его мотивов. Закончил он речь таким обращением к суду:

— Бог произнесет свой приговор после вашего и, быть может, не откажет в своем прощении, которое люди сочтут невозможным на земле.

Общественное мнение было сломлено. Феличе Орсини стал героем. О нем говорили с придыханием. Сама императрица заявила о своем глубоком уважении к нему. И когда этот человек, принесший в жертву своей идее многих женщин и детей, поднялся на эшафот, сотни парижан залились слезами.

Ален Деко пишет:

> «Франция, как и Италия, была взбудоражена и покорена. Император был втянут в решение итальянского вопроса, который с начала процесса над Орсини занимал общественность. То, к чему склоняла его графиня ди Кастильоне, нашло свое подтверждение и оправдание».

Можно представить, с каким интересом Вирджиния следила за развитием политического курса Франции, ведь она столько раз говорила Наполеону III, что она сама и люди, которых она представляет, хотели бы объединения Италии на основе монархического принципа, а не на основе республики. Она предупреждала, что нужно торопиться, так как позднее будет трудно разбить гидру революции, готовую поглотить всю Европу и вручить ее режиму Мадзини, Орсини и им подобных.

В мае ей стало известно, что Наполеон III прислал в Италию маршала Мак-Магона с секретной миссией. В июле ей конфиденциально сообщили, что граф ди Кавур по приглашению императора отправился в Пломбьер под именем Джузеппе Бенсо, чтобы наметить план совместных действий. По возвращении премьер-министр изложил ей условия, выдвинутые Наполеоном III.

— Император согласен помочь выгнать австрийцев с наших территорий при условии, что Савойя и графство Ницца отойдут к Франции. В конце концов я пошел на это. Кроме того, он хочет, чтобы старшая дочь короля Виктора-Эммануила вышла замуж за принца Наполеона-Жозефа, его кузена. Я согласился, хотя принцесса Клотильда еще очень молода, а принц Наполеон-Жозеф имеет весьма сомнительную репутацию.

Графиня ди Кастильоне постепенно приходила в себя. Ее беседы с Наполеоном III не были напрасными: Франция готова помочь Италии освободиться от австрийской оккупации. Эта готовность была подкреплена секретным договором, подписанным между Наполеоном III и Виктором-Эммануилом, в котором шла речь о наступательно-оборонительном союзе Франции и Пьемонта на случай агрессии со стороны Австрии. Целью этого союза было освобождение Италии от австрийской оккупации и создание Королевства Верхней Италии с населением примерно в 11 000 000 человек.

Война в Италии

Ободренная, Вирджиния стала мечтать о том, чтобы снова поселиться в Париже и стать фавориткой императора, несмотря на то что в Тюильри появилась Мария-Анна де Риччи-Валевская, вторая жена графа Валевского и новая любовница Наполеона.

Она обратилась за советом к князю Понятовскому. Тот ответил откровенно:

> «Я его еще не видел (речь идет о Наполеоне III): он держится со мной холодно, потому что его убедили в том, что я как-то связан с тобой. Он, как и многие другие, считает, что ты стала любовницей короля (Виктора-Эммануила). Кто-то сказал в его присутствии: «Теперь, когда она разошлась с мужем, перед ней закроются все двери». В глубине души он больше не интересуется тобой — благодаря этому капризу он нажил много врагов и теперь предпочитает ничего не слышать о тебе. Тебе могут показаться жестокими мои слова, но будет лучше, если ты узнаешь правду. Это поможет тебе избежать ошибки».

Писал князь Понятовский и о Марии-Анне де Риччи-Валевской:

«Она по-прежнему в фаворе, хотя между ней и императрицей заметно некоторое охлаждение».

Прошло несколько месяцев. Вирджиния ждала новостей.

В марте 1859 года она с радостью узнала, что вопреки Англии, которая стремилась сохранить мир, и императрице, не хотевшей войны, Наполеон III принял графа ди Кавура в Париже. 20 апреля газеты сообщили, что Австрия, выведенная из себя происками Пьемонта, направила в Турин ультиматум. Двадцатидевятилетний Франц-Иосиф из рода Габсбургов, правивший с 1848 года, потребовал, чтобы Виктор-Эммануил сложил оружие в трехдневный срок.

Граф ди Кавур отверг этот ультиматум. А это означало начало войны…

24 апреля полки прошли по Парижу в направлении Лионского вокзала, сопровождаемые неистовствующей толпой.

На вилле «Глория» Вирджиния с волнением следила за тем, как развиваются события.

3 мая она задрожала, прочтя в газете, что Наполеон III, доверив правление императрице, присоединился к армии, чтобы

осуществлять верховное командование. «Через несколько дней, — сообщало коммюнике, — император будет в Италии».

Надежда вспыхнула в сердце Вирджинии, и она на всякий случай извлекла ночную рубашку, которую надевала в Компьене.

Наполеон III высадился в Генуе 12 мая. Вирджиния с замиранием сердца ждала письма, записки, хотя бы одного словечка от него. Но император меньше всего думал о ней. Все его помыслы были заняты войной. Он впервые командовал действующей армией, впервые ему представилась возможность имитировать жесты, интонации, манеру двигать подбородком своего знаменитого дяди. Со всеми этими заботами у него не было времени вспомнить о графине ди Кастильоне.

Поприветствовав Виктора-Эммануила, он, подкрутив усы, отбыл в Александрию, чтобы руководить военными действиями. Удача сопутствовала пьемонтским войскам. Вирджиния, укрывшись на своей вилле, следила за победным маршем своего «милого».

Вместо любовных писем она получала военные сводки.

Кастеджо, Палестро, Маджента, Сольферино…

В это время Пруссия, обеспокоенная успехами французской армии, объявила мобилизацию. Напуганный Наполеон III 6 июня заключил перемирие с Австрией. Потом он отправился в Турин, чтобы попрощаться с Виктором-Эммануилом.

Король был разочарован. В рамках франко-австрийского соглашения к Пьемонту присоединялись лишь Ломбардия и Парма. Венеция оставалась под властью Австрии, а Модена и Флоренция подчинялись своим герцогам.

Это было совсем не то, о чем мечтал граф Камилло Бенсо ди Кавур, а вместе с ним и графиня ди Кастильоне.

Императора приняли довольно сдержанно. По выходе из дворца его ждал сюрприз: флаги были приспущены, и со всех витрин на него смотрели портреты Орсини, человека, который собирался его убить. Поняв, что ему не стоит особенно здесь задерживаться, он тут же отбыл во Францию…

Новая фаворитка Мария-Анна де Риччи-Валевская

Вернувшись в Париж, император на некоторое время возомнил себя великим Наполеоном, манеры которого он копировал с семи лет. Он прибыл в ореоле военной славы. Мария-Анна де Риччи-Валевская, новая фаворитка, ждала его.

Молодая женщина радостно встретила его, и уже на следующий день закрытый экипаж доставил ее в его гарсоньерку[22] на улице де Бак, свидетельницу всех его шалостей.

Эта предосторожность была совершенно излишней: весь двор знал о новой связи императора, императрица была в курсе малейших деталей этого романа, а граф Валевский на все закрывал глаза, потому что не хотел расстаться с портфелем министра иностранных дел.

Безграничная снисходительность министра была отмечена Ги де Шомоном-Китри как-то вечером в Компьене. Речь зашла о фаворитке императора, и принцесса Матильда воскликнула:

— Мадам Валевская хитрая бестия, она сумела, будучи любовницей императора, подружиться с императрицей. Но она до смерти боится своего мужа, и я голову даю на отсечение, что месье Валевский ни о чем не догадывается.

Месье де Шомон-Китри тут же возразил:

— Полагаю, что Ваше Сиятельство глубоко заблуждается. Неведение Валевского — не более чем комедия. Я своими глазами видел, как он, гуляя по парку, отвернулся и пошел в противоположную сторону, заметив императора со своей женой. Но это еще что в сравнении с тем, чему я был свидетелем в Шербурге в этом году. Как-то утром мы с месье Валевским находились в смежном с комнатой императора помещении. Явился секретарь Мокар, чтобы побеседовать с императором, не стучась, прошел в его комнату и тут же вылетел обратно в крайнем замешательстве, чуть не сбив меня с ног. Сквозь приоткрытую дверь я увидел мадам Валевскую в объятиях императора. Не сомневаюсь, что и месье Валевскому, стоявшему рядом со мной, было доступно это зрелище.

Принцесса Матильда согласилась с тем, что император порой ведет себя довольно легкомысленно, не считаясь с обстоятельствами.

— Я знаю, — сказала она, — что император бывает очень неосторожен. В прошлом году мы ехали поездом в вагоне,

отведенном для императора. В нем было два купе. Мы с мадам Амлен стали свидетелями ухаживаний Его Величества за мадам Валевской. Мы сидели напротив двери, соединявшей два купе. Император находился с мадам Валевской в одном купе, а императрица, месье Валевский и все остальные расположились в другом. Вагон тряхнуло, и дверь распахнулась. Все увидели моего дорогого кузена, припавшего к мадам Валевской. Он целовал ее в губы, а его рука покоилась на ее груди.

Пересказав этот разговор в своих мемуарах, граф де Вьель-Кастель добавляет еще одну черточку к портрету императора:

> «Тем же вечером по пути в Париж Китри рассказал мне, что несколько раз заставал императора на гребне эмоциональной волны. В этих случаях император приветствовал его и дергал себя за ус. Они оба хранили важность и серьезность, словно певчие, исполняющие псалмы».

Связь Наполеона III с мадам де Риччи-Валевской длилась около двух лет. Все это время она получала от императора роскошные подарки и принесла своему мужу неслыханный денежный доход.

Щедрость императора служила темой для сплетен.

Однажды маршал Вайан сформулировал общее мнение с чисто военной грубоватой прямотой. Это было в Пьеррефоне. Мадам де Риччи-Валевская залюбовалась водосточным желобком в форме ящерицы в отреставрированной части замка.

— Это очень красиво, — сказала она, — но, должно быть, такой доступ к воде стоит дорого!

— Не дороже, чем к вам! — парировал маршал Вайан.

Эта реплика, явно дурного вкуса, имела то преимущество, что дошла до всех, кто ее слышал.

Печальный конец: двадцать пять лет в одиночестве

Поняв, что ставки ее практически равны нулю, Вирджиния уехала к друзьям в Лондон.

А тем временем в июне 1861 года в Турине умер ее друг и покровитель граф ди Кавур. А 1867 году трагически погиб ее муж граф ди Кастильоне (его раздавило королевской каретой во время одной из дворцовых церемоний), а вскоре умер от оспы и ее сын.

В июле 1870 года Франция объявила войну Пруссии, но войска Наполеона III стали терпеть одно поражение за другим. Пруссаки продвинулись вглубь французской территории. В начале сентября, не желая погубить всю армию, император подписал капитуляцию и сам сдался в плен.

Вирджиния в это время была во Флоренции, где она и узнала о трагедии, случившейся под Седаном.

Волнения в Париже нарастали. Вокруг Тюильри собралась огромная толпа и готова была снести заграждения, ворваться во дворец и растерзать императрицу. Евгения бежала. Ей чудом удалось выскользнуть из дворца и с приключениями покинуть Париж. Она также нашла прибежище в Англии, а во Франции тем временем начались дни Парижской коммуны…

Наполеону III было шестьдесят пять лет. Здоровье его заметно пошатнулось. 2 января 1873 года ему была сделана операция по удалению камня из мочевого пузыря. Намечалась еще одна, но 9 января утром он начал бредить и вскоре скончался.

У Вирджинии в это время были совсем другие заботы. Ги Бретон пишет:

> «Она стала служительницей странного культа и поклонялась, как идолу, собственному телу. Ее окружали преданные люди, которым она иногда позволяла, повинуясь своему капризу, любоваться той или иной частью тела, которую медленно обнажала. Восторженные поклонники лицезрели ступню, часть ягодицы, грудь, подмышечную впадину. Были и избранники, имевшие право беглым взглядом окинуть покрытые пенным белым пухом прелести графини. И лишь единицам даровалась исключительная возможность продемонстрировать свою страсть. Это превращалось в настоящий ритуал. Вирджиния, лежа на черных простынях, открывала свое

тело счастливцу, который должен был, преисполнившись почти религиозного чувства, целовать каждую его клеточку, прежде чем проникнуть в святая святых… Не хватало только ладана и торжественных звуков органа».

Естественно, она очень тщательно отбирала своих поклонников. Вернувшись в Париж, она обосновалась в доме № 26 на Вандомской площади. Среди тех ее воздыхателей, чьи имена дошли до нас, можно отметить принца Анри де Ля Тур д'Оверня, князя Понятовского, Поля де Кассаньяка, герцога Шартрского и многих-многих других…

И каждый, покинув постель-алтарь, начинал испытывать непреодолимую потребность писать графине длинные послания. Были среди них лирики, как, например, банкир Игнас Бауер, который потом признавался:

> «Это произошло в ночь со вторника на среду. Улыбаясь сквозь слезы, ты открыла навстречу мне свои объятия, и я познал твое сердце и вознесся в небеса».

Попадались и любители пошутить. Например, молодой журналист Поль де Кассаньяк упражнялся в остроумии так:

> «Мадам, мне сообщили, что ты мерзнешь. Я готов согреть тебя сегодня в девять часов вечера. Твоя печка Поль».

Или еще:

> «Не помню, что было вчера, ничего не знаю о том, что будет завтра, но сегодня вечером, 23 июля 1873 года, я тебя люблю».

Она отвечала всем. Ее почерк, мелкий и ровный, иногда вдруг становившийся размашистым, небрежным, о многом мог бы сказать опытному графологу.

И в каждом письме отчетливо проступало неуемное тщеславие графини:

> «Я знаю, что для меня не существует опасности стать нелюбимой. Чем больше меня ненавидят в целом, тем больше любят в конкретных проявлениях, и есть за что!»

Одна из записок заканчивалась следующей замечательной фразой:

«Молю Бога, чтобы он сохранил для меня ваше преклонение передо мной».

После чего графиня небрежно добавляла:

«Примите заверения в самых искренних чувствах…»

Из подобных писем становится ясно, как она обращалась со своими поклонниками. Инициатива встреч почти никогда им не принадлежала. Вот как она управлялась с ними:

«Я думала пригласить вас сегодня, но это невозможно. Не сердитесь, я сообщу вам, когда вы сможете навестить меня».

По словам Поль Лежён, Вирджиния «расточала свой шарм, играя любовную комедию а-ля «да — нет — не сейчас»: это был полный успех со стороны сердца, но провал с точки зрения политической».

Графиня ди Кастильоне увяла как-то внезапно. К сорока годам она заметила, что «красота оставила ее, словно ветреный возлюбленный», и впала в безумие. В спальне висел ее портрет кисти Поля Бодри. Она стала испытывать к нему род ревнивой ненависти и в конце концов разрезала его ножницами на мелкие кусочки. В своем доме она окружила себя собачками, приказала вынести все зеркала, и вскоре утратила какую бы то ни было связь с миром…

По словам Ги Бретона, «состарившись, она превратилась в уродину, и те, кто знавал ее когда-то, не веря своим глазам, узнавали в мегере с грубыми чертами лица и остановившимся взглядом женщину, ставшую легендой XIX века».

Многие полагали, что она давным-давно умерла. Однако на самом деле она угасла лишь 28 ноября 1899 года в возрасте шестидесяти двух лет. Эта знаменитая красавица, куртизанка, авантюристка и тайный агент Италии при французском дворе провела практически в полном одиночестве почти двадцать пять лет, после чего была скромно похоронена на кладбище Пер-Лашез.

Глава восьмая
Екатерина Долгорукая

Александр был обречен на одиночество. И, наверное, не случайно, что единственным человеком, с которым он пытался это одиночество разделить, с которым был свободным и откровенным до конца, стала Катя Долгорукая — глупенькая, предельно далекая от понимания государственных дел, но любящая и преданная беспредельно; ее Александр II, несомненно, воспринимал как часть самого себя.

ЛЕОНИД ЛЯШЕНКО, современный российский писатель, историк

Александр Романов и принцесса Гессен-Дармштадтская

Александр Николаевич Романов, будущий российский император, появился на свет 17 апреля 1818 года. Тяжелые роды в целом закончились благополучно. По воспоминаниям современников, празднества по этому поводу были грандиозными: двести один пушечный выстрел, пиршественные столы, выставленные на Красной площади в Москве и Марсовом поле в Санкт-Петербурге, ломились от угощений.

Отец, император Николай I, мальчиком почти не занимался, и он рос под влиянием матери, императрицы Александры Федоровны (урожденной принцессы Фридерики-Шарлотты-Вильгельмины, дочери прусского короля Фридриха-Вильгельма III), воспитанной в сентиментально-немецких традициях и передавшей их сыну. Военным воспитанием Александра Николаевича руководил боевой офицер, умный и требовательный Карл Карлович Мердер. Мальчик полюбил смотры, парады, военные праздники и сформировался как человек военный. По «плану учения», рассчитанному на двенадцать лет и составленному известным поэтом и философом Василием Андреевичем Жуковским, целью преподавателей являлось «образование для добродетели», ибо «Его Высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным». В результате будущий император получил разностороннее образование: владел пятью языками, знал историю, географию, статистику, математику, естествознание, логику и философию. Кроме того, наследнику прочитали специальные курсы государственный советник и умнейший человек граф Михаил Михайлович Сперанский, министр финансов Егор Францевич Канкрин и военный историк и теоретик Антуан-Анри Жомини.

Так уж получилось, что отец, поклонник военщины, позаботился о жестком воспитании Александра, но тот все равно гораздо более унаследовал характер своей матери. Он рос мальчиком мягким и чувствительным, а твердость и непреклонная властность, присущие Николаю Павловичу, так и не стали отличительными чертами его сына. К тому же и Василий Андреевич Жуковский, милейший и преисполненный сентиментализма человек, вел учебно-воспитательную работу, направленную на то, чтобы внушить Александру «религию сердца». Ох и дорого же она ему впоследствии обошлась!

В 1838 году Александр отправился в путешествие по Европе.

Он побывал в Дании, Германии, Италии, Австрии и Англии. Из всех стран, которые он посетил, ему больше всего понравилась Италия, где он мечтал поселиться в гостинице и жить, наслаждаясь тишиной и нежным безоблачным небом. Родственники в Германии окружили будущего императора искренней заботой и любовью. В Гессен-Дармштадте в опере он познакомился с младшей дочерью герцога Людвига II, четырнадцатилетней девушкой, почти девочкой, с длинным именем Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария. Дочь герцога сильно поразила Александра своей красотой и грацией. После представления он принял приглашение к ужину, много разговаривал, смеялся и, вместо того чтобы спешить с отъездом, согласился остаться позавтракать. За эти часы Мария совершенно очаровала цесаревича и, отправляясь спать, он сказал сопровождавшим его адъютантам Каверину и Орлову:

— Вот о ком я мечтал всю жизнь. Я женюсь только на ней.

Он тут же написал отцу и матери, прося у них позволения сделать предложение юной принцессе Гессен-Дармштадтской. Родители согласились, и двадцатилетний Александр отметил это следующей записью в своем дневнике:

> «Единственное мое желание — обрести достойную подругу, которая бы украсила мой семейный очаг и доставила высшее счастье на земле — счастье супруга и отца».

Однако венчание Александра с юной принцессой было отложено до 16 апреля 1841 года. В который уже раз русский императорский дом вступал в родственно-брачные отношения с Германией, а это требовало соблюдения определенных процедур. Что же представлял собой в то время молодой жених? Маркиз Астольф де Кюстин описывал его так:

> «Выражение его глаз — доброта. Это в полном смысле слова — государь. Вид его скромен без робости. Превосходно воспитан. Его движения полны грации. Он прекраснейший образец государей из всех, когда-либо мною виденных».

Внешний облик Александра запечатлел и американский дипломат, секретарь посла Уайт:

> «Он был, как все Романовы, красив и держался с большим достоинством».

Приятную внешность Александра Николаевича отмечали практически все писавшие о нем.

А кто же претендовал на роль русской императрицы? Типичное описание принцессы Гессен-Дармштадтской таково:

«Кукольное личико с овечьими глазами».

Дочь известного русского поэта Анна Федоровна Тютчева, бывшая фрейлиной жены Александра II, описывала ее более деликатно:

> «Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила, на первый взгляд, впечатления красавицы… Черты ее не были правильны. Прекрасны были ее чудные волосы, ее нежный цвет лица, ее большие голубые, немного навыкат глаза, смотревшие кротко и проникновенно… Это, прежде всего, была душа чрезвычайно искренняя и глубоко религиозная».

А вот автор исторических романов Валентин Пикуль характеризует ее внешность так:

> «Мария Александровна (родом из Гессенского дома) была женщиной некрасивой и тихой, как амбарный мышонок».

Конечно, внешность очень часто бывает обманчива, однако еще великая мадам де Сталь замечала, что «внешность женщины, каковы бы ни были сила и широта ее ума, какова бы ни была важность предметов, которыми она занимается, всегда будет или помощником или препятствием в истории ее жизни». И оспорить это утверждение практически невозможно.

Конец лучезарного брака

Александр женился на гессен-дармштадтской принцессе Марии, когда ему было двадцать три года. Он просто сгорал от любви и несколько лет чувствовал себя более чем счастливым. Однако затем по настоянию врачей его жена начала уклоняться от выполнения супружеских обязанностей. У нее начал развиваться туберкулез, спровоцированный промозглым петербургским климатом и частыми родами (всего результатом этой горячей любви стало восемь детей). В 1860 году, когда она родила последнего ребенка, ей исполнилось тридцать шесть лет, и болезнь эта уже ни для кого не составляла секрета. Придворные шептались по углам, что она страшно похудела, превратилась почти в скелет, покрытый толстым слоем румян и пудры. Обстановка вокруг нее изменилась, что было связано, главным образом, с тем, что и Александр охладел к жене.

Это было видно невооруженным глазом, и совершенно очевидно, что к моменту встречи Александра с Екатериной его брак с Марией давно лежал в руинах. И дело здесь состояло не только в том, что жена перестала быть для него возбуждавшей желание женщиной. С тех пор как Александр Николаевич в 1855 году вступил на престол, Мария, ставшая императрицей Марией Александровной[23], оказалась в плену неизменного придворного этикета, сделалась рабой внешних привычек и ритуалов, а это не могло не раздражать. Конечно, этикет — это прекрасно, но в определенных обстоятельствах. Но не в личных же отношениях между мужчиной и женщиной!

Но императрица, похоже, этого не понимала. Рассказывают, например, что в 1867 году в Ницце, где умирал цесаревич Николай, она целую неделю не могла навестить умирающего сына только потому, что время послеобеденного сна Николая изменилось и стало совпадать со временем ее прогулки. А перенести прогулку на другое время Мария Александровна никак не могла…

До поры до времени подобные потрясения (их первый ребенок умер еще в 1849 году) сближали великокняжескую чету. Однако случай с наследником Николаем стал переломным моментом, неким водоразделом в их отношениях. Великий князь Николай Александрович заболел вследствие то ли падения с лошади, то ли от удара об угол мраморного стола во время шутливой борьбы с принцем Лейхтенбергским. В первое время на ушиб позвоночника родные не обратили особого внимания, не замечая, что цесаревич начал худеть, а иногда не мог выпрямить

спину и ходил немного сгорбленным. Когда болезнь стала очевидной, его отправили на лечение в Ниццу, где французские врачи и поставили роковой диагноз — туберкулез позвоночника. Когда состояние наследника стало критическим, на юг Франции прибыла царская чета с сыновьями Владимиром и Алексеем. Ситуация с прогулками императрицы возмутила тогда многих. Когда Марию Александровну спросили, почему нельзя совершать прогулки в другое время, та ответила:

— Это мне неудобно.

Между тем жизнь Александра Николаевича стала совсем другой. Начатые им реформы в стране сильно изменили его, он с головой погрузился в пучину проблем, которые не давали ему покоя ни днем, ни ночью. При этом император был одинок, так как Мария Александровна, занятая мелочными придворными делами, больная и унылая, и не думала помогать ему. Ну, пусть не помогать, а хотя бы участвовать и поддерживать морально. Нет, не тот это был человек. Императрица осталась за пределами того мира, в котором жил теперь ее муж.

Что обычно происходит с мужчиной, оказавшимся в подобном положении? Естественно, он начинает искать понимания на стороне, и Александр Николаевич Романов не стал в этом исключением…

Донжуанские похождения императора

Мнительный, нервный и чувственный российский император начал поиски утешения, и при дворе сразу нашлось немало сводниц и сводников, которые подбирали ему кандидаток в фаворитки. Незаметно для себя Александр Николаевич становился настоящим ловеласом. Отказов практически не было. И если его отец, Николай I, развратничая, пытался сохранить хоть какие-то приличия, то Александр II делал это совершенно открыто. Девушек, соблазненных им, ему без особого труда удавалось выдать замуж, ведь придворные на этот счет особой брезгливостью и щепетильностью не отличались, а приданое всегда было вполне адекватным.

Одним из самых известных любовных увлечений Александра стала фрейлина Ольга Калиновская, вовсе не отличавшаяся красотой, но обладавшая вкрадчивостью и нежностью. Ради нее Александр уже готов был отказаться от трона. Узнав об этом, его отец поспешил выдать Калиновскую за мужа ее покойной сестры богатого польского магната графа Иринея Огиньского.

Среди любовниц Александра называют также княжну Александру Долгорукую (однофамилицу Екатерины Долгорукой), Замятину, Лабунскую, Макарову, Макову и даже знаменитую петербургскую блудницу Ванду Кароцци.

Донжуанские похождения мужа быстро стали известны Марии Александровне (да он и не считал нужным их скрывать), и она кротко сносила обиду.

В своих «Воспоминаниях» историк и философ Борис Николаевич Чичерин писал:

> «Не поддаваясь влиянию мужчин, Александр II имел необыкновенную слабость к женщинам. В присутствии женщин он делался совершенно другим человеком».

По слухам, он переменил с полдюжины любовниц. Однако даже приняв на веру этот «донжуанский список» императора, можно смело сказать, что все это были лишь мимолетные увлечения, попытки панического бегства от дворцового одиночества, не принесшие ему никакого облегчения. Мимолетные романы совершенно не затрагивали сердца императора и не давали успокоения его душе. Он не был «юбочником» и искал не удовлетворения своих прихотей, а глубокого, настоящего чувства. Ведь его брак с Марией Александровной уже давно превратился в обычный договор,

заключенный сторонами для выполнения государственных обязанностей.

Знакомство в Тепловке

О том, когда состоялась первая встреча Александра II и Катеньки Долгорукой, мнения биографов расходятся. Одни утверждают, что это произошло в августе 1857 года, другие уверены, что это было двумя годами позже. В любом случае, их первая встреча произошла случайно, и обстоятельства их знакомства таковы: император решил провести крупные маневры на Украине и принял приглашение князя и княгини Долгоруких посетить их имение Тепловку, расположенную в окрестностях Полтавы. Там-то он впервые и увидел дочь хозяев, как выяснится потом, свою настоящую и последнюю любовь.

Александру Николаевичу тогда было сорок лет, ей — на двадцать девять лет меньше.

Род Долгоруких вел свое начало от Рюриковичей, то есть был весьма знатным и состоял в отдаленном родстве с царской фамилией. Первой реальной исторической личностью в этом роду являлся князь Михаил Черниговский, замученный в Золотой Орде в 1248 году. Во времена более близкие и цивилизованные (в конце XVII — начале XVIII в.) самым заметным представителем рода Долгоруких стал князь Алексей — один из любимцев Петра I.

Отцом Катеньки был отставной капитан гвардии Михаил Долгорукий, а матерью — Вера Вишневская, одна из богатейших украинских помещиц. Правда, к концу 50-х годов XIX века богатство семейства Долгоруких было уже в прошлом.

Катеньке было тогда чуть больше десяти, но она очень хорошо запомнила этого большого статного мужчину с пышными усами и ласковым взглядом. Он сидел на веранде после обеда, а она пробегала мимо. Он окликнул ее, спросив, кто она такая, а она важно ответила:

— Я — Екатерина Михайловна.

— А что ты ищешь здесь? — полюбопытствовал Александр Николаевич.

— Я хочу видеть императора, — чуть смутившись, призналась девочка.

Это рассмешило государя и, как передает его биограф Морис Палеолог (в 1914–1917 гг. — посол Франции в России), он усадил ее на колени и некоторое время поболтал с нею. На следующий день, снова встретив девочку, император был поражен ее прирожденной грацией, прелестными манерами и большими глазами испуганной газели. Изысканно-любезно, как будто бы она была придворной дамой, он попросил ее показать ему сад. Они

долго гуляли вместе. Катенька была в восторге и навсегда запомнила этот день.

Потом она вспоминала, в какой экстаз пришла от его «прекрасного лица, полного доброты и благожелательности», а он рассказывал, что запомнил ее детскую непосредственность и радость.

Но далеко не все биографы описывают их первую встречу так романтически. В частности, Фаина Гримберг в своей книге «Династия Романовых» утверждает:

> «Заботливые родственники и друзья семьи буквально толкают юную девушку в объятия немолодого императора, устраивают «тайные» встречи и свидания».

Их можно понять. Князь Долгорукий, как это часто бывало с аристократами, в то время уже полностью разорился и судорожно искал способ поправить свои дела. Приглашение императора в Тепловку оказалось удачным ходом. Когда четыре года спустя Михаил Долгорукий умер, оставив кучу долгов, Александр II, дабы оградить его семью от настойчивых кредиторов, принял Тепловку под свою опеку. Также он взял на себя и расходы по воспитанию его шестерых детей: четверым братьям Долгоруким он посодействовал в поступлении в петербургские военные училища, а двум сестрам — в знаменитый Смольный институт. Обучение велось за счет государя.

Отметим, что эта мера не особенно помогла Долгоруким вернуть свое былое состояние. Вдова, княгиня Вера, переехала в Санкт-Петербург, где купила весьма скромную квартирку на окраине города, это было все, что она могла себе позволить.

Смольный институт

Итак, Катя и ее младшая сестра Мария были помещены в Смольный институт. Уже там девушки выделялись своей красотой. Старшая сестра была девушкой среднего роста, с изящной фигурой, изумительно нежной кожей и роскошными светло-каштановыми волосами. Лицо ее казалось словно выточенным из слоновой кости, а еще у нее были удивительно выразительные светлые глаза и красиво очерченный рот.

Император по традиции часто посещал Смольный (заведение находилось под патронажем императорской семьи) и, встретив здесь однажды девицу Долгорукую, узнал в ней ту самую милую девочку из Тепловки. Произошло это весной 1865 года, и Екатерине в ту пору уже было семнадцать лет.

После этого при каждом посещении Смольного (а они стали частыми) Александр II подолгу беседовал с ней, и было заметно, что он относится к ней по-особенному. Похоже, что красавица Екатерина сразила монарха, что называется, наповал.

Заметим, что девушке из провинции в Смольном было тоскливо и неуютно, а визиты Александра Николаевича, опекавшего ее на правах друга семьи, вносили в ее жизнь свет и радость. Об этом она писала в своем дневнике:

> «Несмотря на все заботы директрисы, я так и не смогла привыкнуть к этой жизни без семьи, среди чужих. Я потихоньку теряла здоровье. Император, узнав о нашем приезде в Смольный, навестил меня по-отечески; я была так счастлива его видеть, его визиты возвращали мне бодрость. Когда я болела, он навещал меня в лазарете. Его подчеркнутое внимание ко мне и его лицо, столь идеальное, проливали бальзам на мое детское сердце. Чем более я взрослела, тем более усиливался его культ у меня. Каждый раз как он приезжал, он посылал за мной и позволял мне идти с ним рядом. Он интересовался мною; я считала его покровителем, другом, обращалась к нему как к ангелу, зная, что он не откажет мне в покровительстве… Он посылал мне конфеты, и не могу описать, как я его обожала».

Как видим, ни о какой любви пока речи не шло. Скорее это было искреннее восхищение человеком, заменившим девушке непутевого отца.

Случайная встреча в Летнем саду

После окончания Смольного института Екатерина поселилась у старшего брата на Бассейной.

Однажды весной Александр II встретил ее в Летнем саду. Она гуляла здесь в сопровождении горничной, а он тоже совершал свою традиционную утреннюю прогулку. Сама Екатерина потом описывала эту встречу так:

> «Наконец мое заточение кончилось, и я вышла из Института… Совсем еще ребенок, я совершенно потеряла предмет своей привязанности, и лишь год спустя, по счастливой случайности, встретила императора 24 декабря 1865 года в Летнем саду. Он сначала не узнал меня… Этот день стал памятен для нас, ибо ничего не говоря друг другу и, может быть, не понимая еще того, наши встречи определили нашу жизнь».

В тот день, не обращая внимания на прохожих, император долго гулял с Екатериной в одной из боковых аллей. Кончилась эта прогулка тем, что он, наговорив ей кучу изысканных комплиментов, чуть ли не признался в любви.

За этим последовали другие свидания. Они гуляли по аллеям Елагина острова, любовались его романтическими прудами, бродили по тенистым лесам в окрестностях Петергофа, и в конце концов всем стало ясно, что император откровенно «приударяет» за Долгорукой.

Александр II был ласков и нежен, смущая неопытную девушку откровенными комплиментами.

А надо сказать, что мать Екатерины, оставшаяся почти без средств, уже давно подталкивала ее к браку, справедливо полагая, что удачное замужество красавицы дочери решило бы многие семейные проблемы. Из-за ее отказов женихам между матерью и дочерью происходили постоянные сцены. Самой Екатерине эти мысли были чужды, она не любила светские развлечения и не признавала ничьих ухаживаний. Как говорится, девушка она была серьезная, и писала она обо всем этом так:

> «Каждый бал удваивал мою печаль; светские увеселения были противны моему характеру, я любила уединение и серьезное чтение. Один молодой человек очень старался мне понравиться, но мысль о браке неважно с кем, без любви, казалась мне отвратительна, и

он отступил перед моей холодностью».

И в отношениях с Александром, становившихся все более и более недвусмысленными, оборону девственной крепости княжна Долгорукая держала почти год. А Александр, обычно легко и быстро покоривший женщин, почти год не мог найти путь к ее сердцу.

Перелом в отношениях

Первый перелом в развитии их отношений случился 4 апреля 1866 года, в тот день, когда в Летнем саду в царя-реформатора, самого, пожалуй, либерального из всех российских самодержцев, выстрелил террорист Дмитрий Каракозов.

В тот день Александр, закончив обычную прогулку по Летнему саду, вышел за ворота, чтобы сесть в коляску. Неожиданно к нему подошел молодой человек, выхватил револьвер и направил прямо в грудь. Нападение было столь неожиданным, что должно было окончиться трагически, но стоявший неподалеку некий Осип Комиссаров успел ударить террориста по руке. Пуля пролетела мимо. Жандармы схватили покушавшегося и подвели к коляске императора.

— Ты поляк? — спросил Александр.

— Русский, — ответил террорист.

— Почему же ты стрелял в меня? — удивился император.

— Ты обманул народ, — отвечал тот, — обещал ему землю, да не дал.

Арестованного отвели в Третье отделение, а вскоре он был повешен на Смоленском поле.

Покушение такого рода было первым в русской истории и поэтому произвело на современников огромное впечатление. Очень глубоко случившееся потрясло и Екатерину. В своем дневнике она написала:

> «В тот день я была в Летнем саду, император говорил со мной, как обычно, и спросил, когда я собираюсь навестить сестру в Смольном, и когда я сказала, что отправлюсь туда сегодня же вечером, что она меня ждет, он заметил, что приедет туда, только чтобы меня увидеть. Он сделал ко мне несколько шагов, дразня меня моим детским видом, что меня рассердило, я же считала себя взрослой. До свидания, до вечера, — сказал он мне, и направился к решетчатым воротам, а я вышла через маленькую калитку возле канала.

По выходе я узнала, что в императора стреляли при выходе из сада. Эта новость потрясла меня настолько, что я заболела, я столько плакала, мысль, что такой ангел доброты имеет врагов, желающих его смерти, мучила меня. Этот день еще сильнее привязал меня к нему; я думала лишь о нем и хотела выразить ему свою радость и благодарность Богу, что он спасся от

подобной смерти. Я была уверена, что он испытывает такую же потребность меня увидеть. Несмотря на волнения и дела, которыми он был занят днем, он вскоре после меня приехал в институт. Эта встреча стала лучшим доказательством, что мы любим друг друга.

Вернувшись домой, я очень долго плакала, так я была растрогана видеть его счастливым от встречи со мной, и после долгих раздумий решила, что сердце мое принадлежит ему».

Как видим, любовь приходит и уходит, независимо от нашей воли, и порой для ее вспышки оказывается необходимым выстрел террориста из подпольной группы. Как говорится, что имеем — не храним, а по-настоящему что-то ценить мы начинаем только при риске это потерять.

После неудавшегося покушения их прогулки возобновились, но все уже было не так, как раньше. О своих ощущениях Екатерина писала:

> «Я имела счастье вновь его увидеть 1 июля. Он был на коне, и никогда я не забуду его радость при встрече. В тот день мы впервые оказались наедине и решили не прятать то, что нас переполняло, счастливые от возможности любить друг друга. Я объявила ему, что отказываюсь от всего, чтобы посвятить себя любви к нему, и что не могу больше бороться с этим чувством. Бог свидетель невинности нашей встрече, которая стала истинным отдохновением для нас, забывших целый свет ради чувств, внушенных Богом. Как чиста была беседа в те часы, что мы провели вместе. А я, еще не знавшая жизни, невинная душой, не понимала, что другой мужчина в подобных обстоятельствах мог бы воспользоваться моей невинностью, но он вел себя со мной с честностью и благородством человека, любящего и уважающего женщину, обращался со мной, как со священным предметом, без всякого иного чувства — это так благородно и прекрасно! С того дня мы каждый день встречались, сумасшедшие от счастья любить и понимать друг друга всецело. Увы! Радость всегда недолга. Он сообщил однажды, что должен ехать в Москву на несколько дней, а затем переехать в Царское село. Для меня это было ужасным горем, и кошмар разлуки стал пыткой».

Зарождение сильного чувства

Даже самые неприступные крепости иной раз сдаются. Весной того же 1866 года умерла мать Екатерины Долгорукой. Страшась одиночества, она всем сердцем потянулась к Александру, который по возрасту годился ей в отцы. И вот летом 1866 года в одном из дворцов Петергофа княжна наконец уступила Александру II. Потом она весьма элегантно выразила то, что с ними произошло:

> «Я отдала ему с радостью единственную связь, которой нам еще недоставало, которая при таком обожании была счастьем».

Дело было так. В июне 1866 года в Петергофе праздновалась очередная годовщина свадьбы Николая I и Александры Федоровны. В трех верстах от главного Петергофского дворца находился небольшой замок Бельведер, покои которого предоставили гостям праздника. Сюда и привезли ночевать Екатерину Долгорукую, и здесь-то она впервые отдалась императору. В ту же ночь он сказал ей:

— Сейчас я, увы, несвободен, но при первой же возможности я женюсь на тебе, ибо отныне я считаю тебя своей женой перед Богом, и я никогда тебя не покину.

Заметим, что «стать свободным» Александр мог только после смерти своей законной жены, императрицы Марии Александровны, тогда уже часто хворавшей. Так что клятва его, которую он обязательно сдержит, звучала как-то жутковато.

Об этом событии Екатерина писала так:

> «26 августа мы провели памятный день. Он поклялся мне перед образом, что привязан ко мне навсегда и единственная его мечта — жениться на мне, если когда-нибудь он станет свободен. Он потребовал от меня такой же клятвы, которую я дала с радостью».

К тому времени она уже была фрейлиной императрицы Марии Александровны, хотя фрейлинских обязанностей почти не исполняла (императрице тяжело было видеть эту красивую девушку подле себя). Постепенно регулярные встречи с влюбленным монархом сделали свое дело. Екатерина стала привыкать к императору, начала позволять себе видеть в нем не только владыку, но и приятного мужчину, встречала его улыбкой, перестала дичиться.

В то время ему было сорок семь лет, и он оставался еще очень привлекательным мужчиной, находившимся в самом расцвете зрелости. Во всяком случае, французский писатель-романтик Теофиль Готье, побывавший в эти годы в России, оставил следующий портрет императора:

> «Александр II был одет в тот вечер в изящный восточный костюм, выделявший его высокую стройную фигуру. Он был одет в белую куртку, украшенную золотыми позументами, спускавшимися до бедер… Волосы государя коротко острижены и хорошо обрамляли высокий красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся высеченными художником. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому цвету лица, обветренному во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определенны, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица, величественно спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой».

Мы уже знаем, что Александр II не был «юбочником». Он искал настоящего чувства, и в этом чувстве его привлекали не столько высокий романтизм или острые ощущения, сколько желание обрести подлинный покой, тихий и прочный семейный очаг.

Много месяцев он провел в «осаде», во время которой Екатерине даже удавалось избегать их встреч. Но однажды их взгляды встретились, она вздрогнула от внезапного сердечного потрясения и словно переродилась. Случился «памятный день». Она полюбила Александра то ли от жалости и сострадания к влюбленному в нее взрослому человеку, то ли потому, что просто пришло время влюбиться и ей. Причем чувство ее вдруг оказалось настолько сильным и всепоглощающим, что она не понимала, как могла противиться ему в течение целого года, как не полюбила этого человека раньше.

Свидания в Зимнем дворце

По свидетельству фрейлины императрицы Александры Толстой, при дворе все сначала приняли новый роман императора за очередное увлечение.

> «Я не приняла в расчет, — писала Толстая, — что его преклонный возраст увеличивал опасность, но более всего я не учла того, что девица, на которую он обратил свой взор, была совсем иного пошиба, чем те, кем он увлекался прежде… Хотя все и видели зарождение нового увлечения, но ничуть не обеспокоились, даже самые приближенные к императору лица не предполагали серьезного оборота дела. Напротив, все были весьма далеки от подозрения, что он способен на настоящую любовную интригу; роман, зревший в тайне. Видели лишь происходившее на глазах — прогулки с частыми, как бы случайными встречами, переглядывания в театральных ложах и т. д. и т. п. Говорили, что княжна преследует императора, но никто пока не знал, что они видятся не только на публике, но и в других местах, — между прочим, у ее брата князя Михаила Долгорукого, женатого на итальянке».

Все изменилось, когда Александр II вручил Екатерине ключ от своих апартаментов в Зимнем дворце. С этого дня ничто не могло помешать им любить друг друга. Три-четыре раза в неделю Екатерина тайно приходила в Зимний дворец, собственным ключом открывала низенькую дверь и проникала в уединенную комнату первого этажа, некогда служившую кабинетом императора Николая I. Отсюда по потайной лестнице, ведущей в царские апартаменты, она поднималась на второй этаж и, трепещущая то ли от страха, то ли от предвкушения встречи, оказывалась в объятиях своего возлюбленного.

Как разгневался бы император Николай I, если бы увидел, что его сын Александр, как будто в насмешку над ним, хранителем семейной морали, избрал местом любовных встреч именно его комнаты! Николай считал, что морганатические браки оскверняют трон. Да и сам Александр в 1865 году, незадолго до начала своего романа, поучал своего сына Сашу (будущего императора Александра III): «Не давай разрешения на морганатические браки в твоей семье — это расшатывает трон… В нашей семье не было ничего серьезней гостиных интрижек».

Но теперь все было иначе. Биограф Александра пишет, что «эта поздняя страсть обратилась в главный импульс его жизни: она подавила обязанности супруга и отца, оказала влияние на решение основных политических вопросов, подчинила его совесть и все его существование вплоть до самой смерти».

Что же произошло с ним? Чем так покорила государя эта молоденькая провинциалка?

Возможно, именно своей юной невинной чистотой. Действительно, Екатерина долго не понимала, как же можно вступать в какие-то отношения без любви. И потом, ведь перед ней был сам государь, особа священная… Словом, в отличие от других женщин, она не сразу поддалась его чарам. Удивленный таким упорством девицы, император вдруг всерьез ею заинтересовался, взглянул на нее другими глазами и увидел в ней человека, личность… И тогда он увлекся ею всерьез, стал, как юный корнет, искать с ней свиданий в парках и иных уединенных местах, тронул ее какой-то своей внутренней беззащитностью и постепенно завоевал ее любовь.

Поездка в Неаполь

Когда княжна Долгорукая, смущенно оглядываясь и прикрывая стыдливо лицо, стала регулярно появляться у императора, придворные, посвященные в тайны царских покоев, зашушукались. Слухи быстро дошли до родственников княжны, и те поспешили увезти ее в Неаполь. Как любил повторять Наполеон, единственная возможная победа над любовью — это бегство, и родственники сочли, что лучше будет увезти Екатерину куда подальше. Как говорится, от греха. Да, они мечтали о замужестве княжны, но император… И это при живой императрице… Скандал никому не пошел бы на пользу.

Старший брат Екатерины был женат на прекрасной неаполитанке маркизе де Черчемаджоре. Узнав о скандальной связи своей золовки с государем, та поспешила увезти ее в Италию. Екатерина была в отчаянии. Но император, заботясь о ее репутации, тоже советовал ехать — и плакал. Перед отъездом снова были взаимные клятвы, а потом пошла интенсивная переписка, которая в целом, по подсчетам биографов, насчитывает около 6000 посланий, начиная от обстоятельных писем и кончая маленькими записками.

Вот, например, что писал Александр Екатерине из Санкт-Петербурга 6 марта 1867 года:

> «Весь день был так занят, что только сейчас могу, наконец, приступить к любимому моему занятию. В мыслях я ни на мгновение не покидал мою обожаемую шалунью, и встав, первым делом поспешил со страстью к любезной карточке, полученной вчера вечером. Не могу наглядеться на нее и мне бы хотелось броситься на моего Ангела, прижать его крепко к моему сердцу и расцеловать его всего и везде. Видишь, как я тебя люблю, моя дорогая, страстно и упоенно, и мне кажется, что после нашего грустного расставания мое чувство только растет день ото дня. Вот уж точно я тобою только и дышу и все мысли мои, где бы я ни был и что бы я ни делал, постоянно с тобою и не покидают тебя ни на минуту. Все утро прошло за работой и приемами. Только к трем часам смог выйти, чтобы сначала сделать свою скучную прогулку, впрочем, более приятную благодаря погоде, солнце и до семи градусов тепла. Но ты не можешь себе представить, насколько все эти лица, которые я вынужден видеть каждодневно, мне прискучили. Страх

как надоели! Потом я отправился навестить старшего сына… От него мы пошли с его женой в Екатерининский институт, что я им давно обещал… Но ты знаешь, душа моя, почему сердце мое больше лежит к Смольному. Во-первых, потому, что, бывало, я там тебя видел, а во-вторых, теперь там твоя милая сестра, которая нас так любит обоих. Ты ведь поймешь, дорогая, как мне не терпится туда заглянуть, особенно сейчас, когда я знаю, что твоя сестра должна передать мне твое письмо. Для меня настоящая пытка обязанность откладывать этот счастливый момент исключительно из осторожности, чтобы не возбудить внимания слишком частыми визитами. Так все происходит на этом свете, большую часть времени приходится делать противоположное тому, что на самом деле хочется. А в особенности к несчастию мы можем прилагать это к нам. Надеюсь, когда-нибудь Бог нам воздаст за все жертвы, какие мы должны приносить сейчас одну за другой. Девицы в Екатерининском институте очень мило пропели несколько вещей, затем мы присутствовали при их обеде, а при отъезде они сбежались к моей невестке и ко мне, и каждая хотела поцеловать наши руки, так что просто пришлось бороться. В Смольном, слава Богу, до этого еще никогда не доходило.

К обеду было несколько человек, остаток вечера я провел за работой, на полчаса прервавшись для чая и небольшой прогулки в санях при великолепном лунном свете, с которой я только что вернулся. Буду теперь читать Евангелие 21 главу Деяний Апостолов, помолюсь за тебя и лягу спать, мысленно прижимая тебя, мое все, к своему сердцу. Люблю тебя, душа моя, без памяти и счастлив, что принадлежу тебе навсегда».

Всем известно, что препятствия лишь разжигают любовь, вот и поездка Екатерины в Италию только еще больше разожгла ее безумную страсть. Страдал от разлуки и Александр. Вот что писала об этом Екатерина:

«Бедный император был как неприкаянный, его письма были полны грусти, и моральное состояние сказывалось на его здоровье: у него появилась бессонница, он худел. От разлуки он сделался безумно грустен».

Встреча в Париже

В 1867 году Наполеон III пригласил русского императора посетить Парижскую Всемирную выставку. Визит Александра во Францию не планировался, к тому же он был опасен, поскольку в Париже осело много поляков, покинувших родину после неудачного восстания 1863 года.

Однако уже в июне 1867 года Александр прибыл в столицу Франции. Узнав об этом, примчалась туда и Екатерина, и французская полиция, бдительно следившая за безопасностью русского высокого гостя, начала аккуратно фиксировать его ежедневные тайные свидания, ставя о них в известность своего монарха.

А вот что рассказывал об этом шеф русских жандармов и начальник Третьего отделения граф Петр Андреевич Шувалов, который имел в своем распоряжении все возможности для того, чтобы быть максимально осведомленным о передвижениях своего императора:

> «В первый же день нашего приезда в Париж государь отправился в оперу, но пробыл там недолго, найдя, что спектакль скучен. Мы вернулись вместе с ним в Елисейский дворец, довольные, что можем, наконец, отдохнуть после трудного дня. Между одиннадцатью часами и полуночью император постучал в дверь графа Адлерберга. «Я прогуляюсь пешком, — сказал он, — сопровождать меня не нужно, я обойдусь сам, но прошу, дорогой, дать мне немного денег». — «Сколько нужно?» — «Даже не знаю, может быть, сотню тысяч франков?»

Адлерберг тут же сообщил мне об этом странном случае, и, поскольку в моем распоряжении находились мои собственные агенты (не говоря уже о французской полиции), которые должны были издали следовать за государем, куда бы он ни направлялся, я остался почти спокоен. Мы вернулись в свои комнаты, конечно, позабыв о сне, ожидая с минуты на минуту возвращения императора. Но когда пробило полночь, потом час и два, а он не появлялся, меня охватило беспокойство, я побежал к Адлербергу и застал его тоже встревоженным. Самые страшные предположения промелькнули у нас в душе.

Полицейские агенты, которым было поручено вести наблюдение за императором очень деликатно, могли упустить его из виду, а он, плохо зная расположение парижских улиц, легко

мог заблудиться и потерять дорогу в Елисейский дворец. Словом, мысль об императоре, одиноком в столь поздний час на улице со ста тысячами франков в кармане, заставила нас пережить кошмарные часы. Предположение, что он мог быть у кого-то в гостях, даже не пришло нам в голову; как видите, это доказывает наше полное неведение относительно главных мотивов его поступков.

Наконец, в три часа ночи он вернулся, даже не догадываясь, что мы бодрствовали в его ожидании. Что же произошло с ним этой ночью? Выйдя на улицу, император нанял фиакр, нагнулся под фонарем, прочитал какой-то адрес, по которому велел извозчику вести его на улицу Рампар, номер такой-то. Прибыв на место, сошел с фиакра и прошел через ворота во двор дома. Он отсутствовал примерно минут двадцать, в течение которых полицейские с удивлением наблюдали, как он безуспешно возился с воротами. Император не знал, что нужно было потянуть за веревку, чтобы дверь открылась, и оказался в ловушке. К счастью, агент, занимавшийся наблюдением, сообразил, в чем дело. Толкнув ворота, он быстро прошел в глубь двора мимо императора, как бы не обращая на него внимания, и таким образом дал возможность императору выйти. Извозчик ошибся номером, и дом, указанный императором, оказался в двух шагах. На этот раз он вошел туда беспрепятственно».

При встрече Александр сказал Екатерине:

— Все время, проведенное тобой в Неаполе, я не желал приблизиться ни к одной женщине.

Теперь вновь ничто не могло помешать их любви. Они встречались в Елисейском дворце, где поселился Александр и где тоже было немало потайных лестниц и комнат. Сама Екатерина жила в скромной гостинице, а по вечерам через потайную калитку на улице Габриэль и авеню Мариньи приходила к своему возлюбленному. Она была счастлива и писала:

> «Как лихорадочно ждали мы этой минуты счастья, после пяти месяцев мучений. Наконец настал счастливый день, и мы поспешили в объятия друг друга».

В оставшееся от любовных свиданий время Александр все же встречался с Наполеоном III и императрицей Евгенией, сильно заинтересованными в сближении с Россией. Но тут на Александра снова было совершено покушение, на этот раз польский эмигрант Антон Березовский стрелял в него, когда он ехал в карете с Наполеоном III. Но и на этот раз горе-террорист промахнулся. После этого приближенные Александра постарались ускорить его отъезд из небезопасной Франции.

И вновь последовала вынужденная разлука, о которой Екатерина писала:

> «Увы! мы вновь должны были расстаться на многие месяцы — после такого счастья это было ужасающе. На этот раз я видела, что он безутешен, и мысль покинуть меня сводит его с ума, тем более что я не знала, что будет. Я видела, что он будто бы тайком от меня обдумывает какое-то решение. Позднее он признался, что, обезумев от отчаяния, решился уехать со мной в Америку и не возвращаться более в Россию, что мысль страдать вдали от меня для него невыносима. Единственное, что его остановило, это тягостные обстоятельства, которые бы от этого последовали для меня из-за людской злобы. Один Бог ведает, в каком состоянии мы были; с того времени я не переставала кашлять, совершенно ослабла и слегла. Врачи послали меня на курс лечения, от которого стало только хуже <…> Он был в сходном состоянии и жил лишь моими письмами, а его были для меня единственным утешением. Мы жили лишь надеждой встретиться в сентябре в Петербурге».

А вот еще одна из ее записей:

> «Мои родители объявили, что они решили не возвращаться в Россию — для меня это был слишком жестокий удар <…> Я немедленно телеграфировала ему, спрашивая, что мне делать, и получила категорический ответ: в таком случае возвращаться одной, а что касается моего устройства — он позаботится. Я поспешила к родителям и заявила, что уезжаю завтра же, что желаю им счастья, но сама лучше умру, чем буду вести это бродячее существование. Они все поняли, и при виде моей энергии поехали со мной. Император был потрясен моим болезненным состоянием, но состояние духа помогло мне <…> Часы, что мы проводили вместе, всегда казались нам слишком краткими, но радость и счастье было нашей жизнью. Его труды приносили ему столько разочарований! Дела не всегда шли так, как ему хотелось; он всегда все рассказывал мне и испытывал некоторое облегчение оттого, что есть существо, которое его понимает во всем и интересуется его мыслями. Какой контраст со всеми этими придворными комедиантами».

Как же все это красиво, как возвышенно… Но страсти — страстями, а это был роман не с кем-нибудь, а с царственной особой. Это маленькие люди могут позволить себе делать глупости; великие же люди совершают ошибки.

Рождение сына Георгия

И вот настал день, когда Екатерина Михайловна Долгорукая почувствовала себя беременной. Александр II был, надо прямо сказать, несколько ошеломлен. Неужели он чего-то опасался? Да, конечно, и прежде всего — злословия по поводу его адюльтера. Но не меньше этого его беспокоило другое. Он боялся, что пострадает при родах великолепная фигура Екатерины, равно как и весь ее облик, не говоря об угрозе смертельного исхода.

Любопытно, как сама Екатерина трактовала эту свою беременность. Она утверждала, что сложность их положения не позволяла, конечно же, иметь детей, но ее здоровье ухудшалось, и доктор заявил, что единственное, что ее спасет, — это родить. Далее же следовала такая версия:

> «Император, никогда не думавший о себе, но все время обо мне, немедленно последовал указаниям врача, и девять месяцев спустя Бог послал нам сына».

Возможно, Екатерина в этом несколько полукавила, однако следует признать, что в те времена действительно имели место весьма причудливые медицинские идеи.

Едва почувствовав приближение родов, Екатерина, взяв с собой свою верную горничную, отправилась в карете в Зимний дворец. Проникнув туда, как обычно, через потайную дверь, она прилегла на диване в бывшем кабинете Николая I. В час ночи солдат, стоявший на часах у комнаты, где она находилась, разбудил Александра II. Бросились за доктором и повивальной бабкой. Однако доктор жил далеко, а состояние роженицы становилось все более тревожным. Александр Николаевич, бледный от волнения, держал ее за руки и нежно ободрял. Наконец прибыли доктор и повивальная бабка. К половине десятого утра Екатерина Михайловна разрешилась от бремени сыном.

Появившийся на свет мальчик оказался вполне здоров. Его назвали Георгием и поместили на воспитание в дом генерала Рылеева, начальника личной охраны царя. Здесь под присмотром жандармов, что не вызывало ни у кого подозрения, младенец находился первое время. Его поручили заботам русской кормилицы, а потом гувернантки-француженки.

Но шила, как известно, в мешке не утаишь. Первенец этой любви появился на свет в апреле 1872 года, а уже через две недели законные наследники престола заволновались. Они

боялись, что незаконнорожденный когда-нибудь заявит о своих правах.

Рождение дочерей Ольги и Екатерины

На следующий год у царя родилась дочь — Ольга. Увеличение числа незаконных отпрысков еще больше обеспокоило царственное семейство, но Александр Николаевич каждый раз впадал в страшный гнев при малейшем намеке на необходимость порвать эту связь. Вскоре у княжны Долгорукой родился и третий ребенок — дочь Екатерина.

Так уж вышло, что Екатерина Долгорукая ради любви к императору навсегда погубила свою репутацию, пожертвовала не только жизнью в свете с присущими ей развлечениями, но и вообще нормальной семейной жизнью. Когда же у них родились сын и две дочери, у нее появилась новая печаль: ее дети были незаконнорожденными бастардами. Александр II очень гордился сыном, говорил со смехом, что в этом ребенке больше половины русской крови, а это такая редкость для дома Романовых…

Переезд в Зимний дворец

Встречались Александр Николаевич и Екатерина ежедневно. При этом она жила очень уединенно, а если император куда уезжал, отправлялась за ним и селилась поблизости.

Начавшаяся русско-турецкая война на время разлучила влюбленных. Александр II находился в войсках. Но, не выдержав разлуки, они встретились в Кишиневе. Однако пришлось все же расстаться. Военные действия развивались молниеносно, и ставка императора была перенесена на болгарскую территорию. Находиться там было опасно для Екатерины Михайловны. В разлуке они каждодневно писали друг другу пылкие послания.

По возвращении с войны Александр Николаевич переселил Екатерину в Зимний дворец, в комнаты, расположенные над его апартаментами и соединенные с ними лестницей. Императорскую фамилию все это, разумеется, крайне возмущало, но Александр ничего и слышать не хотел. После испытаний и лишений Балканской войны он наслаждался теплом и заботой, которыми окружила его Екатерина Долгорукая. И он еще больше привязался к ней, сознавая, что она значит для него все в этом мире. Всей душой он невольно стремился к единственному человеку, пожертвовавшему для него своей честью, светскими удовольствиями и успехами, к человеку, думающему о его счастье и окружившему его знаками страстного обожания.

«Вторая законная жена императора»

Княжна Долгорукая сделалась для императора столь необходимой, что он и думать не хотел о расставании и никому не позволял не то что дурно обращаться, но и просто непочтительно отзываться о ней. Когда, например, ему донесли, что всесильный шеф жандармов граф Петр Андреевич Шувалов позволил себе сказать, что монарх находится под влиянием Долгорукой и назвал ее «девчонкой», тот немедленно отправился послом в Лондон, и его придворная карьера закончилась. Слухи и сплетни тут же поутихли.

Так они и жили, скрываясь ото всех, и при этом у всех на виду. И хотя все негодовали на «дерзкую наложницу» императора (так Долгорукую тихим шепотом называли при дворе), Александр был уверен, что только она составляет счастье его жизни. Так Екатерина Долгорукая при живой императрице Марии Александровне фактически стала супругой императора; не фавориткой, а как бы «второй законной женой».

Парадоксально, но современники утверждают, что правящая императрица Мария Александровна была посвящена практически во все любовные похождения своего царственного супруга. Впрочем, она была больной женщиной и ничего не могла предложить ему…

Между тем отношения между Александром II и Екатериной Долгорукой развивались все активнее. Уезжая в Крым, в Ливадию, император взял с собой и ее. Там, в Крыму, княжна Долгорукая поселилась в небольшом доме, и на все время пребывания Александра II на отдыхе Бьюк-Сарай стал приютом их любви. Александр Николаевич собственноручно посадил перед домом фиалки и любовно ухаживал за ними. Она, только она понимала его, утешала его израненную проблемами душу. И при этом она словно и не обращала внимания на то, что он — самодержец российский.

А в душе императора было неспокойно. Помимо проблем государственных, ее разрывало и то, что, безумно влюбленный в Екатерину Долгорукую, он сохранил подобие привязанности и к законной супруге Марии Александровне. О детях от этих женщин и говорить нечего. Он их всех любил и был озабочен их будущим.

Никто не поймет лучше тебя

Некоторые современники утверждали, что император смотрит на мир глазами Долгорукой, говорит ее словами. Но, похоже, дело обстояло гораздо сложнее. Александру II был нужен человек, который мог бы его выслушать, человек живой и сопереживающий ему. И любящая его Екатерина Долгорукая постепенно вошла в суть многих дел, которые волновали государя, выслушивала его, задавала вопросы, высказывала свое мнение.

Она стала его собеседницей, советчицей, его внутренним голосом. Если в чем-то император и повторял мысли Екатерины, то это были его же собственные мысли, услышанные ею. К тому же Долгорукая жила уединенно (вся семья, кроме сестры, от нее отвернулась), а значит, за ее спиной не стоял влиятельный клан алчных родственников-интриганов и хитроумных придворных сановников.

И действительно, Екатерина была вне интриг, и Александр спокойно мог доверять ей и делиться с ней своими мыслями. А еще с ней он впервые в жизни был окружен искренней и доброй женской заботой. Это может показаться странным, но житейский комфорт был незнаком Александру Николаевичу Романову до того дня, когда Бог послал ему эту любовь, изменившую его жизнь. У него не было ни семьи, ни друзей; почти все вокруг было лишь фальшью, комедией и корыстью. Казалось бы, император мог себе позволить все, что угодно. Стоило ему пошевелить рукой, и все было бы исполнено. Но он никогда никому не жаловался. Он мог легко переносить холод, и никто даже не давал себе труда позаботиться о том, чтобы избавить его от сквозняков. Его кровать была жесткая, как камень, а Екатерина заменила ее на кровать с пружинным матрасом, который его просто потряс. Она заботилась, чтобы постель каждый вечер согревали, и всесильный император бывал тронут до слез такими проявлениями внимания.

Екатерина никогда ничего не просила у императора, зато она утепляла его мундиры, следила за его лекарствами, жалела его и искренне восхищалась им. И он мог быть уверен, что за этим не кроется какая-то корысть.

С годами Александр и Екатерина становились все ближе и были в равной степени необходимы друг другу. Из многочисленных поездок Александр слал ей тысячи откровенных, искренних писем. Вот что, например, писал император с русско-турецкой войны:

«Господи, помоги нам окончить эту войну, обесславливающую Россию и христиан. Это крик сердца, который никто не поймет лучше тебя, мой кумир, мое сокровище, моя жизнь!»

А вот еще одно его письмо, написанное с войны 7 октября 1877 года:

«Курьер прибыл после обеда, и твое письмо <…> для меня как солнце. Да, я чувствую себя любимым, как никогда не осмеливался мечтать, и отвечаю тебе тем же из глубины души, чувствуя себя счастливым и гордым тем, что такой Ангел, как ты, владеет мною, и что я принадлежу тебе навсегда. Надиктованное дорогим пупусей порадовало меня как обычно, привязанность, которую он нам выказывает с самого рождения, поистине трогательна. Храни Господь для нас его и Олю, чтобы оба продолжали быть нашей радостью».

На другой день, 8 октября 1877 года, он писал:

«Доброе утро, дорогой Ангел моей души, я спал хорошо и переполнен любовью и нежностью к тебе, моя обожаемая маленькая женушка <…> Ох! Как я вспоминаю наши славные послеобеденные часы, когда дети любили спускаться ко мне и рассказывать тебе о чем-нибудь, перед тем как выпить свое молоко. Меня так и тянет к вам. Дай нам Бог вернуться поскорее!»

«Александр Николаевич, — свидетельствует в своем дневнике Морис Палеолог, — сумел создать из неопытной девушки упоительную возлюбленную. Она принадлежала ему всецело. Она отдала ему свою душу, ум, воображение, волю, чувства. Они без устали говорили друг с другом о своей любви».

Посвящал ее император и в сложные государственные вопросы, и в международные проблемы. И нередко понимавшая его сердцем Екатерина помогала найти правильное решение или подсказывала верный выход. Это говорит о том, что Александр II полностью доверял ей, более того, посвящал ее в государственные тайны, недоступные простым смертным.

Скандал в стеклянном доме

Как ни странно, Александр II, находясь на вершине власти, искренне верил, что у него, как и у каждого человека, может быть своя закрытая от всех жизнь, свой недоступный для других частный мир. Но в этом он жестоко заблуждался: ведь всякий правитель живет в стеклянном доме, и каждый его шаг, жест, слово замечают, обсуждают, делают событием, облекают сплетнями.

Его связь с Екатериной Долгорукой вызвала страшное смятение и возмущение в семье. Особенно был удручен его наследник, цесаревич Александр. Он любил отца, не смел его открыто осуждать и одновременно мучительно переживал за мать. Естественно, что в его глазах Долгорукая была главной виновницей всех бед.

Как-то раз она присутствовала на придворном балу. Как только император покинул зал и уехал из дворца, Александр Александрович кинулся к оркестру и к всеобщему изумлению прервал бал в полном разгаре. Наследник не мог вынести даже мысли, что «эта женщина» может тут весело танцевать вместе с порядочными людьми.

Следует сказать, что роман императора разделил его окружение на два лагеря: сторонников Екатерины Долгорукой и сторонников наследника престола Александра Александровича. Императрица Мария Александровна страдала молча и ни во что не вмешивалась. При этом однажды она все же высказала свою позицию, заявив:

> «Я прощаю оскорбления, нанесенные мне как монархине, но я не в силах простить тех мук, которые причиняют мне как супруге».

Мария Александровна мудро сместила акценты: не затрагивая династических проблем, которые касались всей страны (права ее детей на престол были для императрицы несомненны), она сделала упор на проблемах чисто семейных, бытовых, которые, по правилам хорошего тона, не подлежат обсуждению с посторонними.

Зато «высший свет» гудел, как растревоженный улей. Он особенно строго осуждал наследника престола, великого князя Александра Александровича, за то, что тот не решился выступить против отца, чтобы защитить интересы династии. Но, во-первых, цесаревич, как и его супруга, пытался протестовать. Однажды,

сорвавшись, он выпалил, что не хочет общаться с «новым обществом», что Долгорукая «плохо воспитана» и ведет себя возмутительно. Александр II пришел в неописуемую ярость, начал кричать на сына, топать ногами и даже пригрозил выслать его из столицы. Чуть позже жена наследника великая княгиня Мария Федоровна открыто заявила императору, что не хочет иметь дела с его пассией, на что тот возмущенно ответил:

— Попрошу не забываться и помнить, что ты лишь первая из моих подданных!

Бунта в собственной семье император потерпеть не мог и был готов подавить его любыми средствами.

Однако это не могло изменить отношения родственников Александра II к его возлюбленной. Великая княгиня Мария Павловна в письме гессенскому принцу Александру сообщала:

> «Она является на все семейные ужины, официальные или частные, а также присутствует на церковных службах в придворной церкви со всем двором. Мы должны принимать ее, а также делать ей визиты. И так как княгиня весьма невоспитанна, и у нее нет ни такта, ни ума, вы можете себе представить, как всякое наше чувство просто топчется ногами, не щадится ничего».

В свою очередь император неоднократно делал попытки объясниться с родней. В конце 70-х годов он писал сестре Ольге Николаевне (в замужестве королеве Вюртембергской), прекрасно понимая, что содержание его письма обязательно станет известно и остальным родственникам:

> «Княжна Долгорукая, несмотря на свою молодость, предпочла отказаться от всех светских развлечений и удовольствий, имеющих обычно большую привлекательность для девушек ее возраста, и посвятила всю свою жизнь любви и заботам обо мне. Она имеет полное право на мою любовь, уважение и благодарность. Не видя буквально ничего, кроме своей единственной сестры, и не вмешиваясь ни в какие дела, несмотря на многочисленные происки тех, кто бесчестно пытался пользоваться ее именем, она живет только для меня, занимаясь воспитанием наших детей, которые до сих пор доставляли нам только радость».

В великосветских салонах все смелее раздавались голоса о том, что император устал, что он больше ничем не интересуется, кроме своей княжны Долгорукой, и ждет не дождется смерти

императрицы, чтобы жениться на ней. А ее переезд в Зимний дворец называли скандалом на всю Европу.

В том, что Александр Николаевич, вынужденный метаться между императрицей, умиравшей от чахотки, и Екатериной Долгорукой, устал, можно было не сомневаться. Его здоровье ухудшилось, он часто плакал. Охлаждение к нему еще недавно преданных людей и всеобщая ненависть к княжне доставляли ему невыносимые страдания.

Смерть императрицы

Это двусмысленно-фальшивое положение закончилось со смертью Марии Александровны. Императрица тихо скончалась в Зимнем дворце, в собственных апартаментах, в ночь со 2-го на 3-е июня 1880 года. Много лет она с необыкновенным достоинством и смирением несла свой крест, не устраивая скандалов и не упрекая неверного мужа — даже тогда, когда, вернувшись с русско-турецкой войны в конце 1877 года, он поселил Долгорукую над своими покоями, так что государыня могла слышать, как над ее головой бегают побочные дети императора.

Государыня императрица Мария Александровна совершила самый главный подвиг своей жизни — укрепила престол династии многочисленными наследниками. Благодаря ей на свет появились восемь венценосных детей: две дочери и шесть сыновей. Судьба ссудила ей пережить двоих из них — дочь Александру и цесаревича Николая, умерших соответственно в 1849 и 1865 гг.

Делом ее жизни стало руководство огромным благотворительным ведомством Мариинских гимназий и воспитательных учреждений. Ей суждено было открыть первое в России отделение Красного Креста, ряд крупных военных госпиталей, бесчисленное количество приютов, богаделен и пансионов. При поддержке прогрессивной общественности она подготовила для императора несколько записок о реформе начального и женского образования в России. И, наконец, императрица при полной поддержке своего супруга основала крупнейший в Санкт-Петербурге и всей России театр и балетную школу, которую возглавила позднее Агриппина Ваганова. При этом и школа, и знаменитый театр полностью содержались на средства лично государыни и по настоянию Александра II носили ее имя.

Она все знала об отношениях своего супруга с Екатериной Долгорукой, так как была слишком умна для самообмана, но сделать ничего не могла… Или не хотела? Она страдала все четырнадцать лет этой скандально известной связи; страдала молча и не подавая вида, что это ее задевает. И в этом была своя гордость и своя щемящая боль. Не все это понимали и принимали.

Смерть пришла к ней во сне. Через шесть дней, согласно завещанию, как и все государыни дома Романовых, она была погребена в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. После ее кончины в шкатулке нашли письмо, адресованное мужу, в

котором она благодарила его за все годы, проведенные вместе, и за подаренную ей новую жизнь. Много лет спустя ее сын Александр III, когда в одном разговоре упомянули о канонизации в России, воскликнул, что если кто-то и достоин причисления к лику святых, так это его мать!

Морганатический брак

После смерти императрицы Александр II не стал откладывать обустройства своих личных дел и спустя два месяца после пышных похорон законной супруги сочетался законным, хотя и тайным морганатическим (то есть неравнородным), браком с Екатериной Долгорукой.

Свое решение император принял, ни с кем не посоветовавшись, что было довольно неожиданным для приближенных. Но император не любил посвящать кого-либо в свои личные дела. Даже его самый близкий соратник министр двора граф Адлерберг узнал о намерении государя за два дня. В последний момент был извещен и придворный священник. Кроме них знали о предстоящем тайном и очень скромном венчании немногие.

Когда император объявил о своем решении графу Адлербергу, тот изменился в лице. Такого поворота событий не ожидал даже этот многоопытный человек, хорошо знавший императора.

— Что с тобой? — спросил у него Александр II.

Министр двора пробормотал:

— То, что мне сообщает Ваше Величество, так серьезно! Нельзя ли несколько отсрочить?

— Я жду уже четырнадцать лет. Четырнадцать лет тому назад я дал свое слово. И не буду ждать более ни одного дня.

Граф Адлерберг, набравшись храбрости, спросил:

— Сообщили ли вы, Ваше Величество, об этом Его Императорскому Высочеству, наследнику-цесаревичу?

— Нет, да он и в отъезде. Я скажу ему, когда он вернется, недели через две… Это не так спешно.

— Ваше Величество, он будет очень обижен этим… Бога ради, подождите его возвращения.

Ответ императора был короток и сух:

— Я государь и единственный судья своим поступкам.

Обряд венчания состоялся 6 июля 1880 года в небольшой комнате нижнего этажа Большого Царскосельского дворца у скромного алтаря походной церкви. Были приняты строжайшие меры к тому, чтобы никто из караульных солдат или офицеров, ни один дворцовый слуга не заподозрили о происходящем. Можно подумать, что речь шла о каком-то постыдном поступке, но, скорее всего, Александр II заботился о том, чтобы его родня не попыталась сорвать мероприятие. Император был одет в голубой гусарский мундир, невеста — в простое светлое платье.

Венчал их протоиерей церкви Зимнего дворца Ксенофонт Никольский, а присутствовали на церемонии граф Александр Владимирович Адлерберг, генерал-адъютанты Александр Михайлович Рылеев и Эдуард Трофимович Баранов, сестра невесты Мария Михайловна и вездесущая мадемуазель Шебеко (тетя Вава). Все они позже подверглись некому подобию остракизма со стороны так называемого «большого света».

Ей было тридцать два года, ему — шестьдесят два. Их отношения длились уже много лет, и император, женившись на Екатерине, все же выполнил свою клятву, которую дал ей когда-то: при первой возможности жениться на ней, ибо навеки считал ее женой своей перед Богом.

В день свадьбы он сказал:

— Четырнадцать лет я ждал этого дня и боюсь своего счастья. Только бы Бог не лишил меня его слишком рано…

Через несколько часов он издал тайный указ, объявляя о свершившемся и предписывая жене титул и фамилию светлейшей княгини Юрьевской. Ту же фамилию получили и их дети, а также те, которые могут родиться впоследствии.

Племянник императора, великий князь Александр Михайлович, так описывал полуофициальное представление новой супруги императора его родне:

> «Когда Государь вошел в столовую, где уже собралась вся семья, ведя под руку молодую супругу, все встали, а великие княгини присели в традиционном реверансе, но отводя глаза в сторону <…> Княгиня Юрьевская элегантно ответила реверансом и села на место императрицы Марии Александровны. По любопытству я внимательно наблюдал за ней <…> Она была явно очень взволнована <…> Часто она поворачивалась и слегка пожимала его руку. Ее усилия присоединиться к общему разговору встретили лишь вежливое молчание <…> Когда мы возвращались домой, моя мать сказала отцу: «Мне неважно, что ты думаешь или делаешь, я никогда не признаю эту наглую авантюристку».

После бракосочетания молодожены уехали в Крым. Их медовый месяц длился с августа по ноябрь. По возвращении в столицу Екатерина Михайловна поселилась в императорских апартаментах, а на ее банковский счет Александр II положил более 3 000 000 рублей золотом. Казалось, император был совершенно счастлив…

Озабоченность законных наследников

Говорят, что он даже подумывал о том, чтобы короновать свою супругу, однако титул царицы, казавшийся столь близким и возможным, так и не стал для Екатерины реальностью.

Когда Екатерина Долгорукая стала светлейшей княгиней Юрьевской, паника родственников Александра II еще более усилилась, ведь аналогичные титулы появились и у ее детей.

Великий князь Александр Михайлович, племянник Александра II и внук Николая I, потом так описал происходившее в своей «Книге воспоминаний». Якобы его отец, великий князь Михаил Николаевич, собрал детей и сказал им:

— Он пожаловал ей титул княгини Юрьевской до окончания траура по вашей покойной тетушке императрице Марии Александровне. Княгиня Юрьевская будет коронована императрицей. Теперь же вам следует целовать ей руку и оказывать ей то уважение, которое этикет предписывает в отношении супруги царствующего императора. От второго брака государя есть дети: мальчик и две девочки. Будьте добры к ним.

— Вы, однако, слишком далеко заходите, — сказала его жена Ольга Федоровна, с трудом сдерживая гнев.

Великий князь Александр Михайлович пишет:

> «Мы, пятеро, переглядывались. Тут я вспомнил, что во время нашего последнего пребывания в Петербурге нам не позволили подходить к ряду апартаментов в Зимнем дворце, в которых, мы знали, жила одна молодая красивая дама с маленькими детьми.

— Сколько лет нашим кузенам? — прервал вдруг молчание мой брат Сергей, который даже в возрасте одиннадцати лет любил точность во всем.

Отцу этот вопрос, по-видимому, не понравился.

— Мальчику семь, девочкам шесть и четыре года, — сухо сказал он.

— Как же это возможно?.. — начал было Сергей, но отец поднял руку:

— Довольно, мальчики!..

Остаток дня мы провели в спорах о таинственных событиях Зимнего дворца. Мы решили, что вероятно, отец ошибся, и что, по-видимому, государь император женат на княгине Юрьевской значительно дольше, чем десять месяцев. Но тогда неизбежно выходило, что у него были две жены одновременно. Причину

отчаяния моей матери я понял значительно позже. Она боялась, что вся эта история дурно повлияет на нашу нравственность: ведь ужасное слово «любовница» было до тех пор совершенно исключено из нашего обихода».

Но нравственность нравственностью, а чем же это все так напугало представителей клана Романовых? Что касается самой Екатерины Михайловны, то новый титул должен был напомнить всем об одном из предков Романовых, боярине начала XVI века Юрии Захарьине, а также о знаменитом Рюриковиче Юрии Долгоруком. Однако гораздо более важным этот указ оказался для детей Екатерины и Александра. Во-первых, император не хотел оставлять их на прежней фамилии, опасаясь, что после его кончины род Долгоруких от них отречется и они превратятся в бесфамильных бастардов. Во-вторых, в царском указе были названы Георгий Александрович и Ольга Александровна — здесь все дело было в отчестве, в официальном признании того, что император является их отцом. С точки зрения родни Александра II, это уже становилось опасным.

Понятно, что двор не принял Екатерину Михайловну. Великий князь Александр Михайлович описал это потом так:

> «Мне понравилось выражение ее грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к императору, и он успокаивающе поглаживал ее руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая ее попытка принять участие в общем разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием. Я жалел ее и не мог понять, почему к ней относились с презрением за то, что она полюбила красивого, веселого, доброго человека, который, к ее несчастью, был императором Всероссийским?»

Кстати, родители Александра Михайловича часто ссорились из-за новоявленной княгини Юрьевской.

— Что бы ты ни говорил, — заявляла Ольга Федоровна, — я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она достойна презрения. Как смеет она в присутствии всей императорской семьи называть Сашей твоего брата?!

Великий князь Михаил Николаевич в ответ лишь качал головой.

— Ты не хочешь понять, моя дорогая: хороша ли она или плоха, но она замужем за государем. С каких пор запрещено женам называть уменьшительным именем своего законного мужа

в присутствии других? Разве ты называешь меня «Ваше Императорское Высочество»?

— Как можно делать такие глупые сравнения! Я не разбила ничьей семьи. Я вышла за тебя замуж с согласия твоих и моих родителей. Я не замышляю гибели империи.

И тогда Михаил Николаевич начинал кричать:

— Я запрещаю повторять эти позорные сплетни! Ей вы должны и будете оказывать полное уважение! Это вопрос конченый!

Что же касается Александра II, то он, желая материально обеспечить свою жену и детей, у которых не было никакого личного состояния, составил завещание. Согласно ему положенная в банк от имени императора сумма в размере 3 302 970 рублей в процентных бумагах являлась собственностью его жены и их общих детей. В письме к своему сыну от первой жены, наследнику престола, будущему Александру III Александр II просил в случае его смерти быть покровителем и добрым советчиком его жены и детей. Он писал:

> «Моя жена ничего не унаследовала от своей семьи. Таким образом, все имущество, принадлежащее ей теперь, движимое и недвижимое, приобретено ею лично, и ее родные не имеют на это имущество никаких прав. Из осторожности она завещала мне все свое состояние, и между нами было условлено, что, если на мою долю выпадет несчастье ее пережить, все ее состояние будет поровну разделено между нашими детьми и передано им мною после их совершеннолетия или при выходе замуж наших дочерей».

Стали множиться слухи: князь Голицын якобы получил секретное поручение — подобрать соответствующее обоснование для того, чтобы новая супруга императора была провозглашена императрицей. Уверяли, будто император возлагает особые надежды на старшего сына от второго брака Георгия, которого Александр II называл более русским (на три четверти), чем законных наследников (на одну четверть). Означало ли это, что самодержец подумывал о возведении Георгия на престол в обход Великого князя Александра Александровича, сказать очень трудно, хотя и полностью отбрасывать такую возможность было бы неправильно. Во всяком случае, законные наследники имели основания волноваться.

Александру II было шестьдесят четыре года, но рядом с Екатериной он чувствовал себя восемнадцатилетним юношей. Он хотел видеть княгиню царицей, компенсируя все годы унижений и

ожидания законного брака. Но коронация была возможна не раньше чем через год после смерти императрицы Марии Александровны, так что следовало ждать. Но что такое год по сравнению с четырнадцатью годами ожиданий…

Убийство Александра II

Зная о наличии террористической организации и пережив пять покушений, Александр II все-таки отказывался покинуть столицу. Вся Россия твердила, что император, по предсказанию парижской гадалки, переживет семь покушений, и никто не думал, что 1 марта 1881 года их будет два!

Утром, в свой последний день, император встал полдевятого. Потом он долго гулял с женой и детьми по залам Зимнего дворца. Екатерина очень просила его не ездить на воскресный парад войск гвардии — накануне она обсуждала меры по охране императора с канцлером Лорис-Меликовым, и тот не смог ее успокоить. Ей было страшно. И все же Александр покинул дворец.

Умолявшей его не рисковать Екатерине он сказал:

— А почему же мне не поехать? Не могу же я жить как затворник в своем дворце.

Перед отъездом, прощаясь с женой, он сообщил ей, как намерен провести день. Сначала он поедет в Михайловский манеж на парад гвардии, после этого заедет к Великой княгине Екатерине, живущей вблизи манежа, а вернется без четверти три.

— После этого, если хочешь, — предложил он, — мы пойдем гулять в Летний сад.

Екатерина сказала, что будет ждать его…

Это случилось ровно в три часа пополудни. Александр II возвращался с парада в закрытой карете. Его сопровождали семеро казаков, а за каретой в двух санях ехало трое полицейских, в том числе и начальник охраны императора полковник Дворжицкий.

Миновав Инженерную улицу, карета выехала на Екатерининский канал и поехала вдоль сада Михайловского дворца. На улице было пустынно, и карета шла очень быстро. Несколько полицейских агентов, расставленных по маршруту, наблюдали за улицей. Удивительно, но они прекрасно видели молодого человека со свертком в руках, но ничего не предприняли. Когда императорская карета поравнялась с ним, этот человек бросил сверток под ноги лошадей.

Раздался страшный взрыв, звон разбитого стекла. Из-за поднявшегося густого облака дыма и снега ничего нельзя было разобрать. Повсюду слышались крики и стоны, двое казаков и какой-то мальчик лежали в лужах крови, около них — убитые лошади.

Террориста, конечно же, схватили. Александр II, как ни странно, остался цел и невредим, он был лишь оглушен взрывом.

Полковник Дворжицкий спросил его:

— Вы не ранены, Ваше Величество?

Он ответил:

— Слава Богу, я цел.

Полковник предложил императору скорее сесть в карету и ехать, но тот, как бы отвечая на прозвучавший вопрос «не ранен ли он», не двинулся с места и показал на корчившегося на снегу раненого мальчика:

— Я нет… Слава Богу… Но вот он…

— Не слишком ли рано вы благодарите Бога? — угрожающе прошипел схваченный террорист.

И действительно, в ту же минуту из толпы выскочил другой террорист, также со свертком, и бросил его под ноги Александру. Новый взрыв потряс воздух. Александр и его убийца (им окажется народоволец Гриневицкий) оба упали на снег, смертельно раненные. Лицо императора было окровавлено, пальто частично сожжено и изорвано в клочья, правая нога оторвана, левая раздроблена и почти отделилась от туловища. Глаза его были открыты, губы шептали:

— Помогите мне… Жив ли наследник?..

Императора уложили в сани полковника Дворжицкого. Кто-то предложил перенести раненого в первый же дом, но Александр, услышав это, прошептал:

— Во дворец… Там умереть…

Растерзанного взрывом, но еще живого императора привезли в Зимний дворец. Каждую минуту входили люди — медики, члены императорской фамилии. Екатерина вбежала полуодетая и бросилась на тело мужа, покрывая его руки поцелуями и крича:

— Саша, Саша!

Она схватила аптечку с лекарствами и принялась обмывать раны мужа, растирала виски эфиром и даже помогала хирургам останавливать кровотечение.

Мутным от боли взором Александр посмотрел на окружавших его близких. Его губы шевельнулись, но звука не последовало. Глаза закрылись, голова бессильно откинулась. Екатерина приняла его последний вздох. Это было в четыре часа тридцать пять минут пополудни…

Лейб-медик, знаменитый врач Сергей Петрович Боткин, объявил о кончине императора.

Великий князь Александр Михайлович в своей «Книге воспоминаний» потом написал:

> «Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала, как подкошенная, на пол. Ее розовый с белым рисунком

пеньюар был весь пропитан кровью».

Потом ее вынесли из комнаты без чувств. Бог не внял опасениям Александра II — его счастье оказалось таким коротким. Но четырнадцать лет любви не в силах был зачеркнуть никто.

Так страшно и нелепо погиб Царь-Освободитель, отменивший крепостное право, выигравший войну с Турцией, принявший ряд законов, позволивших России начать новый экономический прорыв. Так «отблагодарила» его революционная организация, именовавшая себя «Народной волей». Но она убила не только царя-реформатора, она убила любящего и горячо любимого человека, она убила счастье, которого Александр и Екатерина ждали так много лет…

Однако были в России люди, для которых император погиб весьма вовремя. Одного из таких людей называет Фаина Гримберг в своей книге «Династия Романовых»; она утверждает, что подобный исход был очень выгоден для его «законного сына, ставшего Александром III».

И действительно, законные наследники имели все основания волноваться, ибо назревал очередной династический переворот. Так называемым «старым» Романовым Александр II уже почти открыто противопоставлял «новых русских Романовых», и уже готовился проект избрания на царство нового Романова — Георгия Первого…

Смерть в Ницце

Накануне перемещения останков Александра II из Зимнего дворца в Петропавловский собор Екатерина Долгорукая остригла свои прекрасные волосы и венком вложила их в руки супруга. Убитая горем, она поднялась по ступенькам катафалка, опустилась на колени и припала к телу невинно убиенного. Лицо императора было невидимо под красной газовой вуалью. Но она резко сорвала вуаль и долгими поцелуями покрыла изуродованные лоб и лицо, после чего, качаясь, покинула помещение.

Неприязнь к княгине была столь высока, что после похорон Александра II она вместе с детьми эмигрировала во Францию, в Ниццу. Там она прожила более тридцати лет — всеми почти забытая. Впрочем, нет. Одно время за ней почему-то взялся следить начальник заграничной агентуры царской полиции Петр Иванович Рачковский. Когда же он принялся писать грязнейшие доносы как на нее, так и на ее детей, вмешался взошедший на престол в марте 1881 года Александр III. Как-никак речь шла о его единокровных брате и сестрах, формально признанных его отцом. Рачковский получил жесточайший нагоняй и перестал совать свой нос куда не следует. Это не помешало ему позже стать начальником личной охраны царя, сменив на этом посту влиятельного генерала Петра Александровича Черевина.

Все годы, что Екатерина Михайловна жила за границей, она молилась за упокой души раба Божьего Александра. И не было дня, чтобы она не вспоминала о нем, и лишь ждала часа, когда соединится с ним на небесах.

Княгиня Юрьевская, урожденная Екатерина Михайловна Долгорукая, умерла в Ницце 15 февраля 1922 года в возрасте семидесяти пяти лет. В некрологе было отмечено, что в Ницце она славилась не как морганатическая жена русского императора, а как человек, заботившийся о бездомных животных и добившийся устройства специального водоема, где собаки и кошки могли попить в жару. Она навсегда покинула Россию, но до конца своих дней осталась верной своей первой и единственной любви.

Литература

На русском языке:

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ, великий князь. Книга воспоминаний. Париж, 1933.

БЕЛОУСОВ Р.С. Самые знаменитые влюбленные. Москва, 1999.

БРЕТОН Ги. Истории любви в истории Франции (перевод с французского). Книга 3. Т. 5–6. Москва, 1993.

ГРИМБЕРГ Ф.Л. Династия Романовых. Загадки. Версии. Проблемы. Москва, 2006.

ДЮФФРЕН Клод. Великие любовники (перевод с французского). Москва, 2012.

ИВОНИН Ю.Е., ИВОНИНА Л.И. Властители судеб Европы: императоры, короли, министры XVI–XVIII вв. Смоленск, 2004.

КЛУЛАС Иван. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения (перевод с французского). Москва, 2001.

ЛЯШЕНКО Л.М. Александр II, или История трех одиночеств. Москва, 2002.

МИТФОРД Нэнси. Франция. Придворная жизнь в эпоху абсолютизма (перевод с английского). Смоленск, 2003.

НЕЧАЕВ С.Ю. Жанна д'Арк. Москва, 2005.

НЕЧАЕВ С.Ю. Русская Ницца. Москва, 2010.

ПАЛЕОЛОГ Морис. Царская Россия накануне революции (перевод с французского). Москва, 1991.

ПЕРФИЛЬЕВ О.И. Жены Синей Бороды: в спальне Генриха VIII. Москва, 1999.

ФАРКВАР Майкл. Самые непристойные скандалы из жизни правителей всех времен и народов (перевод с английского). Москва, 2006.

ШОССИНАН-НОГАРЕ Ги. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей (перевод с французского). Москва, 2003.

ЮРЬЕВСКАЯ Е.М. Александр II. Воспоминания. С приложением биографического очерка Мориса Палеолога «Александр II и Екатерина Юрьевская». Москва, 2004.

На иностранных языках:

AMBELAIN Robert. Drames et secrets de l'histoire. Paris, 1981.

BARRY Joseph. Versailles. Passions et politique. Paris, 1987.

BERTIÈRE Simone. Les Femmes du Roi-Soleil. Paris, 1998.

CLOULAS Ivan. Diane de Poitiers. Paris, 1997.

DECAUX Alain. La belle histoire de Versailles. Paris, 1962.

DECAUX Alain. La Castiglione, dame de cœur de l'Europe. Paris, 1954.

DE DECKER Michel. Madame de Montespan, la favorite du Roi-Soleil à son zénith. Paris, 2000.

ERLANGER Philippe. Diane de Poitiers, déesse de la Renaissance. Paris, 1975.

GONCOURT Edmond, GONCOURT Jules. Madame de Pompadour. Paris, 1878.

HAUSSET, Madame du (femme de chambre de madame de Pompadour).

Mémoires. Paris, 1824.

LACEY Robert. The Life and Times of Henry VIII. London, 1972.

LEJEUNE Paule. Les favorites des rois de France. Paris, 2004.

LE ROI Joseph-Adrien. Curiosités historiques sur Louis XIII, Louis XIV, Louis XV, madame de Maintenon, madame de Pompadour, madame du Barry etc. Paris, 1864.

VÉSINIER Pierre. Les amours de Napoléon III. Londres, 1863.

LEVRON Jacques. Madame du Barry ou la fin d'une courtisane. Paris, 1961.

MAZZUCCHELLI Mario. La contessa di Castiglione. Milano, 1968.

MONTESQUIOU-FÉZÉNSAC Robert de. La divine comtesse (étude d'après Madame de Castiglione). Paris, 1913.

PERRAULT Gilles. Le secret du roi. Paris, 1992.

PETITFILS Jean-Christian. Madame de Montespan. Paris, 1988.

PETITFILS Jean-Christian. Louis XIV. Paris, 1999.

PETTENATI Amedeo. La belle des belles: vita di Virginia contessa di Castiglione.

Rivoli (Torino), 2008.

PHILIPPE Robert. Agnès Sorel. Paris, 1983.

SAINT-PIERRE Isaure de. La dame de cœur, un amour de Napoléon III. Paris, 2006.

SOULAVIE Jean-Louis. Mémoires historiques et anecdotiques de la cour de la marquise de Pompadour. Paris, 1802.

STARKEY David. Six Wives: The Queens of Henry VIII. London, 2003.

notes

1

Иоланда Арагонская, младшая дочь короля Арагона, была женой герцога Людовика Анжуйского, от которого у нее родилось пятеро детей, в том числе дочь Мария, ставшая супругой короля Карла VII, и сын Рене, ставший мужем Изабеллы Лотарингской.

2

Король Филипп IV Красивый был из рода Капетингов и умер в 1314 году. Его сын, король Карл IV Красивый, тоже был из рода Капетингов и умер в 1328 году. Умирая, он назначил регентом королевства Филиппа, своего двоюродного брата из побочного королевского рода Валуа (своих детей мужского пола у него не было). Таким образом, династия Капетингов, правившая страной с 987 года, прервалась, и внук Филиппа IV Красивого не захотел с этим мириться.

3

Помимо Марии, Аньес родила королю еще трех дочерей: Шарлотту (в 1446 году), Жанну (в 1448 году) и еще одну девочку, умершую младенцем (в 1450 году). И всех их, кроме, естественно, последней, король безоговорочно узаконил, и они носили королевское родовое имя Валуа.

4

Дед Екатерины Медичи по материнской линии граф Жан де Ля Тур д'Овернь был братом Жанны де Ля Тур, бабки по отцовской линии Дианы де Пуатье.

5

Один экю равнялся шести ливрам, а один ливр был эквивалентом появившегося в 1795 году франка.

6

Он получил такое странное название от обряда омовения, первоначально предшествовавшего принятию ордена. Орденский знак: крест, в середине которого скипетр с розою и репейником, между трех корон вокруг. Девиз: «Tria juncta in uno» (Три королевства, соединенных воедино).

7

После того как Анна Болейн стала фавориткой короля, сэр Томас Болейн получил от Генриха VIII еще несколько земельных и должностных пожалований (среди последних можно выделить должность казначея двора и лорда-хранителя печати).

8

Первый внебрачный роман Генриха VIII с восемнадцатилетней Бетси Блаунт, племянницей его приближенного, завершился выдачей беременной любовницы замуж. Ее супруг, сын лорда из окружения кардинала Уолси, первого министра, получил в виде компенсации за моральный ущерб несколько земельных пожалований. Кардинала, устроившего этот брак (он, кстати, и сам имел незаконнорожденного сына), порицали потом за поощрение благородных девиц к добрачной связи, покрываемой богатым замужеством.

9

Поразительно, но почти все дети Генриха VIII были высокоодаренными, и среди них гением первой величины считается незаконнорожденный и не признанный им сын от Марии Болейн — Генри Тюдор, будущий лорд-камергер Хансдон, управляющий двора своей сводной сестры Елизаветы I.

10

В королевской Франции в середине XVIII века не было бумажных денег. Денежное обращение обеспечивалось металлической монетой. В употреблении были в основном серебряные и золотые монеты различных наименований и достоинства: луидор, экю, ливр и другие. Основной денежной единицей являлся ливр (после введения в 1795 году метрической системы мер его заменил франк). Один ливр делился на 20 су, а одно су — на 12 денье.

11

От Жанны д’Арк.

12

Роль графа ди Кавура для Италии часто сравнивают с ролью, которую сыграл для Германии Бисмарк.

13

Карбонарии (от итал. carbonaro, буквально — угольщик) — члены тайного политического общества, возникшего на юге Италии в начале XIX века, в эпоху наполеоновского господства. Название это, как и название «вольные каменщики», связано с легендой о происхождении карбонариев от средневековых угольщиков.

14

Он был тоже сыном Гортензии де Богарне, но внебрачным (от графа Шарля Флао де Ля Бийярдери, внебрачного сына Талейрана).

15

Антраша — в классическом танце так называется прыжок, при котором ноги танцовщицы скрещиваются в воздухе, ударяя икрой об икру.

16

Эта парижская улица была названа так в честь победы над австрийцами при Кастильоне, одержанной Наполеоном Бонапартом в 1796 году.

17

Гагат — черный янтарь или черная яшма.

18

До рождения этого мальчика наследником Второй империи был дядя Наполеона III, младший брат Наполеона I Жером Бонапарт, отношения с детьми которого у императора были натянуты. Обзаведение семьей было политической задачей для Наполеона III с момента провозглашения империи 2 декабря 1852 года. Будучи на момент захвата власти холостым, новоиспеченный император искал невесту из царствующего дома, но был вынужден довольствоваться уже в 1853 году браком с испанской дворянкой Евгенией де Монтихо. Рождение сына у четы Бонапартов, после трех лет брака, широко праздновалось в государстве; из пушек в Доме Инвалидов был отдан салют в 101 выстрел. Заочным крестным отцом принца стал папа Пий IX. С момента рождения (роды, по французской королевской традиции, происходили в присутствии высших сановников государства, включая детей Жерома Бонапарта) принц империи считался преемником отца. Это означало, что у Наполеона-Жозефа («Плон-Плона») нет шансов.

19

В парижском обществе ходили слухи, будто императрица Евгения — его дочь.

Национально-освободительного движения.

21

Своим главным предназначением Мадзини видел строительство Народного Рима, а для этого ему нужно было избавиться от папы. В ноябре 1848 года вооруженные отряды «Молодой Италии» вынудили папу Пия IX бежать из Рима в Неаполь. В марте-июне 1849 года Мадзини вместе с двумя другими диктаторами управлял папской республикой (все они принадлежали к масонской ложе «Великий Восток»). Карательные отряды «Молодой Италии» бесчинствовали в Риме, Анконе и других городах, грабя церкви и сжигая исповедальни. После разгрома республики Мадзини бежал в Лондон. Оттуда он пытался организовать восстания в Генуе, Милане, на Сицилии. Известно, что у Мадзини был специальный отряд наемных убийц, при помощи которых он нередко решал вопросы, которые не поддавались решению другими путями. По мере возвышения Луи-Наполеона напряжение между ним и Мадзини росло, а в 1855 году агент Мадзини Джованни Пьянори попытался покончить с французом, ставшим к тому времени императором. Покушение было сорвано, и тогда за дело взялся Феличе Орсини — один из ближайших и наиболее известных мадзиниевских офицеров.

22

Слово «гарсоньерка» пришло из французского языка, и оно означает «квартира холостяка» (от garçon — мальчик, молодой человек, холостяк).

23

Принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария была крещена по православному обряду и стала великой княжной Марией Александровной.